

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2018 – № 1

Ярославль
2018

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 1. – 135 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор: **М. В. Новиков**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, ведущий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** **О. А. Коряковцева**, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Л. Г. Батракова**, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **И. Ю. Тарханова**, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** **С. А. Бабуркин**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Н. А. Баранов**, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; **Д. С. Вахрушев**, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; **А. В. Волкова**, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; **В. А. Гордеев**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета; **Л. Н. Данилова**, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **С. Е. Дубова**, доктор экономических наук, профессор департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва; **Ж. А. Захарова**, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; **А. Е. Кальсин**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **П. Л. Карабущенко**, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; **Збигнев Крушевский**, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковицы, г. Плоцк, Польша; **Д. М. Мадиярова**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан; **С. А. Панкратов**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; **В. И. Пефнев**, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. П. Опальский**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва; **Н. Х. Розов**, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета педагогического образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва; **Д. Г. Сельцер**, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; **Л. Г. Титова**, доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ирэна Упенице**, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиньша, г. Рига, Латвия; **В. А. Фокин**, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; **А. П. Чернявская**, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Я. Ю. Шашкова**, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; **Г. А. Шмарловская**, доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2018

© Авторы статей, 2018

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Социально-политические исследования = Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2018. – № 1. – 135 p.

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical Sciences, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of the Department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political Sciences, associate Professor, Director of the Institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **L. G. Batrakova**, doctor of economic Sciences, Professor, head of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor, head of the Department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department of sociology and political Sciences of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **N. A. Baranov**, doctor of political Sciences, Professor of the Department of international relations of the Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **D. S. Vakhrushev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of Finance and credit of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **A. V. Volkova**, doctor of political Sciences, associate Professor, Deputy Dean of the faculty of political Sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **V. A. Gordeev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of Economics and management of Yaroslavl state technical university; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **S. E. Dubova**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of financial markets and banks of the Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of the Department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **A. E. Kalsin**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of political Science and international relations of Astrakhan state University, Astrakhan; **Zbignev Krushevsky**, doctor of pedagogical Sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **D. M. Madiyarova**, doctor of economical Sciences, Professor of Department of Economics and entrepreneurship of the Eurasian national university named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan; **S. A. Pankratov**, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **V. I. Peftiev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. P. Opalsky**, doctor of economical Sciences, Professor, chief researcher of the all-Russian research institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow; **N. K. Rozov**, doctor of physical and mathematical Sciences, Professor, corresponding member of RAO, Dean of the faculty of pedagogical education of the Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Moscow; **D. G. Seltser**, doctor of political Sciences, Professor, Director of the Center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political Sciences, Professor of the Department of additional and technological education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **Fokin, V. A.**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of the Department of social and pedagogical Sciences, sociology and political Sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogic technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political Sciences, associate Professor, head of the Department of political Sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus.

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Certificate of registration of the mass media: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 2018

© Authors of articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ	THE CONTENT
<i>Политология</i> _____ 6	<i>Political science</i> _____ 6
Титова Л. Г. Образование в контексте политики _____ 6	Titova L. G. Education in the context of policy ___ 6
Баранов Н. А. Мягкая сила в условиях постправды _____ 20	Baranov N. A. Soft power in the conditions of post-truth _____ 20
Зайцев А. В. Критерии и измерение институционализации диалога государства и гражданского общества _____ 31	Zaytsev A. V. The problem of developing criteria and measuring the institutionalization of the dialogue between the state and civil society in the field of public policy _____ 31
На Чуанлинь, Бай И Исследование источников финансирования партии «Единая Россия» _____ 39	Ch. Na, I. Bai Research of sources of financing of «The United Russia» party _____ 39
Пейтнев В. И. Глобальная политэкономия: интерпретация феномена _____ 53	Peftiev V. I. Global political economy: interpretation of the phenomenon _____ 53
<i>Экономика</i> _____ 64	<i>Economics</i> _____ 64
Батракова Л. Г. Экономические интересы и экономические отношения в сфере образования _____ 64	Batrakova L. G. Economic interests and economic relations in education _____ 64
Опальский А. П., Матросова М. Б. Региональный аспект кадровой политики налоговых органов _____ 76	Opalskiy P., Matrosova M. B. The regional aspect of personnel policy of the tax authorities _____ 76
<i>Педагогика</i> _____ 85	<i>Pedagogy</i> _____ 85
Тарханова И. Ю. Образование взрослых как ресурс развития универсальных компетенций личности _____ 85	Tarkhanova I. Yu. Adult education as a resource for the development of universal competences of the individual _____ 85
Соколова М. В. Европейский опыт подготовки учителей к инклюзивному образованию _____ 93	Sokolova M. V. European experience in teachers training for inclusive education _____ 93
Данилова Л. Н. Инновационная модель профессионального развития учителей в Республике Сингапур _____ 100	Danilova L. N. Innovative model of professional development of teachers in the Republic of Singapore _____ 100
Таланов С. Л. Соблюдение прав несовершеннолетних и молодых лиц в пенитенциарных учреждениях _____ 111	Talanov S. L. Respect for the rights of minors and young persons in prisons _____ 111
Бабурина Н. Ф., Кумсков В. В. Художественная литература на уроках истории _____ 125	Baburina N. F., Kumskov V. V. Fiction in history lessons _____ 125
<i>Сведения об авторах</i> _____ 131	<i>Information about authors</i> _____ 132
<i>Условия публикации статьи в научном журнале «Социально-политические исследования» и требования к оформлению рукописей</i> _____ 133	<i>Conditions of publication of the article in the scientific journal «Socio-political research» and requirements for manuscripts</i> _____ 135

Дорогие читатели!

Вы держите в руках первый номер нового научного журнала, издание которого началось в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского. Инициатором этого благородного дела выступила директор Института развития кадрового потенциала, доктор политических наук Ольга Алексеевна Коряковцева, ощутившая потребность в создании еще одного канала для выражения новых идей, связанных с социально-экономическим и политическим развитием российского общества. Социально-политическая направленность данного журнала определяется уже самим набором рубрик, соответствующих научным специальностям номенклатуры ВАК. Так, рубрика «Политология» предполагает публикацию статей, соответствующих только одной научной специальности – «Политические институты, процессы и технологии» (23.00.02). Рубрика «Экономика» включает в себя статьи, соответствующие научной специальности «Экономика и управление народным хозяйством» (08.00.05), причем из большого числа отраслей и сфер деятельности в рамках данной научной специальности мы выбрали «Региональную экономику», которая, по мнению членов редакционной коллегии, наиболее полно соответствует заявленной политике журнала. Рубрика «Педагогика» предполагает публикацию статей, соответствующих научным специальностям «Общая педагогика, история педагогики и образования» (13.00.01), «Теория, методика и организация социально-культурной деятельности» (13.00.05), «Теория и методика профессионального образования» (13.00.08).

В состав редакционной коллегии журнала согласились войти как известные, так и молодые ученые, имеющие ученую степень доктора наук, из Москвы, Санкт-Петербурга, Астаны (Казахстан), Минска (Беларусь), Риги (Латвия), Плоцка (Польша), Астрахани, Барнаула, Волгограда, Костромы, Тамбова, Тулы и Ярославля. Редакционная коллегия приглашает российских и зарубежных авторов, занимающихся научными исследованиями в рамках вышеназванных специальностей, публиковать свои статьи в нашем журнале, редакционная коллегия гарантирует понимание, доброжелательность и неуклонное исполнение своих обязательств.

Главный редактор М. В. Новиков

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2; 37.01

Л. Г. Титова

<https://orcid.org/0000-0003-4168-7753>

Образование в контексте политики

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие политики и образования как взаимоопределяющих явлений. Подчеркивается, что трансформационные процессы в России направлены на усиление политической власти в ущерб государственному управлению, формирование общественного сознания находится в руках бюрократической элиты, создающей в стране систему образования, ориентированную на ценности индивидуализма, автономности, отчужденности от общества, опирающуюся на собственные силы, способной следовать только групповым или корпоративным интересам. Эффективное управление подменяется стремлением к легитимизации власти и манипулированием общественным сознанием. Подчеркивается, что реалии развития требуют реализации гуманистических принципов образования и развития системы политического просвещения в стране.

Ключевые слова: манипулирование сознанием, гуманизация образования, политическое просвещение, развитие личности, социализация и профессионализм.

POLITICAL SCIENCE

L. G. Titova

Education in the context of policy

Abstract. The article deals with the interaction of politics and education as mutually determining phenomena. It is emphasized that the transformation processes in Russia are aimed at strengthening political power to the detriment of public administration, the formation of public consciousness is in the hands of the bureaucratic elite, creating a system of education in the country, focused on the values of individualism, autonomy, alienation from society, based on their own strength, able to follow only group or corporate interests. Effective governance is replaced by the desire to legitimize power and the manipulation of public conscience. It is emphasized that the realities of development require the implementation of humanistic principles of education and the development of political education in the country.

Keywords: manipulation of consciousness, humanization of education, political education, personal development, socialization and professionalism.

Ведущие тенденции в эпоху глобализации – ускорение трансформационных процессов, нелинейность развития. Изменяется мировоззрение, появляются новые идеалы, нормы, ценности, меня-

ются вкусы, представления и восприятия, настроения людей. Открытое общество расширяет масштабы взаимодействия. Характер производства постиндустриального общества, основанный

© Титова Л. Г., 2018

на современных технологиях, знаниях и информации, обращен к интеллектуальному типу работника, а сложность задач – к коллективному способу их решения. Научно-технический прогресс свидетельствует о неисчерпаемости знания, бесконечности познания, а информационные системы – о новых возможностях их распространения.

На почве происходящих изменений, отдельное общество демонстрирует собственные проблемы и способы их решения. Эта конкретизация создает картину поливариантности развития, неоднозначности политических практик и методов социализации человека. Ведущую роль в формировании культуры общества, развитии личности начинают играть наука, политика и образование. Ядром, объединяющим их взаимодействие, являются знания.

Ж. П. Лиотар отмечал, что знания становятся важнейшей ставкой в соперничестве за власть, создавая поле для индустриальных, коммерческих, военных и политических стратегий [1].

В переломные эпохи происходит быстрое изменение и накопление знаний, отражающее растущие потребности современных обществ, однако сами знания не являются затребованными массовым сознанием. Более того, средства массовой коммуникации способствуют распространению упрощенного знания, приспособленного к интересам «зрителя», поглотителя «жареных» фактов, хорошо переработанной и приспособленной к сознанию обывателя информации. Роль научно-исследовательской элиты отступает на задний план, сокращается интеллектуальный слой общества. Отсюда отношение к науке, теории и методологии, которые во все большей степени вос-

принимаются как игра ума, занятие редких интеллектуалов. В российском обществе вырабатывается рассеянно-равнодушное отношение к научному объяснению современного мира, его место занимают мистики, мифы, гадания, которые заполняют каналы телевидения, печать, радио. Можно констатировать, что в России сформировалась массовая культура, некритично воспринимаемая населением.

Причины кроются, прежде всего, в скорости перемен, не оставляющих возможности «остановиться», «оглянуться». Кроме того, нельзя исключать и социально-психологические особенности крупномасштабных переломов, когда общественное сознание, не в силах усвоить всю глубину процессов, отстает от возникающих проблем, облекая рефлексию на них в традиционные формы. Создаются стереотипические объяснительные конструкции, которые начинают воспроизводиться властью, транслироваться СМИ. В российском социуме такими конструкциями являются поиски врага, противопоставление «Мы» и «Они», стремление к «достойной жизни», одновременно – к внеправовому решению проблем, понимание свободы как воли и т. д.

Противовесом распространяющейся пошлости должна стать интеллектуальная элита, расширение интеллектуального слоя в стране, который может выполнить ряд важнейших функций – развитие и распространение подлинного научного знания (в средствах массовой информации, в системе образования), критику существующего порядка, защиту прав ученого и учителя. Активно действующие ассоциации интеллектуалов (ученых, учителей, педагогов, работников искусства, журналистов, медиков) призваны стать проводника-

ми идей, ценностей и идеалов, недостаток которых все в большей степени обедняет духовную жизнь россиян. Это необходимый процесс для изменения существующего социально-политического порядка в направлении перспективного и эффективного развития. Однако в настоящее время существующие профессиональные объединения (например, Союз профессоров) выполняют формальные функции, а бездеятельность научного и педагогического сообществ приводит к их внутренней разобщенности, полной зависимости от существующей власти, к неспособности защитить свои права.

Наука должна наполнить понятия новым содержанием, в то же время сами проблемы требуют глубокого и серьезного осмысления в масштабах всего социума. В этом плане очевидно возрастание потребности в теоретико-методологическом анализе современного общества, научном подходе к социальным процессам в планах, программах, формируемых в политических системах, реализуемых в деятельности политических лидеров, политической элиты и – в осознанных действиях масс.

Формирование социализированной личности, способной осмысленно относиться к политическим процессам и мероприятиям власти, активно участвовать в политическом процессе, контролировать и конструктивно критиковать действия власти, предлагая альтернативные решения, является сверхзадачей образования, его социальной ролью.

Весь арсенал современных гуманитарных наук должен быть направлен на изучение перемен, происходящих в сознании и поведении современного человека. Становится необходимым

создание **теории преобразований** на базе философии, истории, социологии, политологии, психологии, педагогики.

Философия пытается выявить и провозгласить принципы, которые должны лечь в основу трансформационных процессов в социуме, определить соотношение частного и общего в социальных переменных, выявить рождение новых идеалов и ценностей в общественном сознании, соотнести их с рефлексией на новое состояние, на превращение социального бытия. В поиске смыслов реальности, философия становится все более значимой отраслью современной науки, разрабатывающей методологические основы понимания социальных практик. Однако количество часов на преподавание философии сокращено до минимума, отчего философские основы современного знания как в школах, так и в вузах преподаются крайне поверхностно. В поиске новых моделей и систем объяснения реальности исследователи нередко доходят до радикализма в определении роли, форм и методов обучения, акцентируют внимание на технологиях и практиках в ущерб теории. Незавершенность методологии и слабое знание теоретических основ социальных процессов приводит к примитивизации знания, фрагментарности и несистемности мышления школьника и студента. У современного учащегося вызрело представление о ненужности теории, о преимущественной ценности прикладного знания. Возможность немедленно извлекать любую информацию из Интернета смешивает понятия «знание» и «информация», создает иллюзию, что получение информации и есть подлинное знание. Речь идет даже не о том, насколько достоверно это извлеченное «знание». Мозг учащегося

перестает накапливать информацию, слабеет память, снижаются мыслительные способности из-за отсутствия необходимости перерабатывать полученные сведения. Сознание современного молодого человека легко поддается зомбированию при условии влияния на него лидера мнений, которым может стать кто угодно – от политического деятеля, пользующегося авторитетом у молодежи (как В. Ф. Жириновский), до вождя экстремистской организации или провокатора в Интернет – сети.

Необходимость поиска действительных, адекватных времени описаний и осмыслений реальности, которые позволят решать задачи, возникающие в начале нового тысячелетия, возрастает в десятки раз, но потребность в изменении приоритетов в образовательном процессе возрастает стократно.

Создание общенаучной картины современного мира дает возможность определить подходы к пониманию природы человека, понять особенности его развития, осознать его социальное предназначение, с тем, чтобы переосмыслить цели и методы обучения и воспитания. В настоящее время эти проблемы как никогда ранее носят дискуссионный характер и как никогда ранее требуют внятных решений и продуманных действий, прежде всего для тех, чьи действия определяют перспективы развития и судьбы людей.

В попытках объяснить современное общество и его задачи существенное влияние на современные представления о роли образования в процессах развития оказали концептуальные построения постмодернизма (Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Ю. Крыстева, П. Козловски и другие), которые рассматривают современное общество как неопределенную, посто-

янно трансформирующуюся реальность, где не может быть жесткой определенности ни в одном социальном явлении именно в силу свойственной им подвижности и изменчивости. В духовной жизни истина не может быть утверждена, а может быть лишь обнаружена в постоянном поиске.

Отмечая отчуждение научного знания от пользователя и выход знания за пределы научного знания, Ж.-П. Лиотар присваивает ему свойство легитимизировать власть, распоряжающуюся знанием и устанавливающей в конечном счете, что есть знание [1]. Сомнение в истинности знания, утверждение его «квазиочевидности», зависимость знания от его производителя не только приводит к пересмотру существующих методов исследования, но и создает новые возможности для научного дискурса и поиска решений.

Примитивизм грозит любой научной идее, когда она начинает воплощаться в практические действия, особенно выхваченные из контекста, превращенные в инструмент обоснования проводимой политики и принимаемых политических решений. Тиражируемые на уровне средств массовой информации, политической риторики лидеров, идеи постмодерна вульгаризируются и политизируются, легитимизируя существующую власть в создаваемой системе политических манипуляций и оправдывая ее в глазах населения. При этом в инструментарий власти включены все действующие институты общества – от экономики до культуры и образования. Нечто подобное происходит в современной России, где идеи постмодерна, констатирующие происходящее, возведены в ранг политических методик. Это имеет серьезное отношение к проблеме взаимодействия власти

и образования, к выявлению политической роли образовательного процесса.

В 90-е гг. страна вступила на новый путь развития, который предполагал модификацию социальных отношений, институтов, норм социального поведения и ценностных ориентаций населения в направлении общественного блага, свобод и улучшения положения населения по сравнению с предыдущим – тоталитарным – режимом. Пройдя ряд этапов – от разрушения советской системы до попыток создания нового общества и его эволюционного преобразования путем реформ, российская политическая власть, исчерпав революционный потенциал в периоды М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, остановилась перед необходимостью интенсивного подхода к проблемам развития России в сложных условиях нерешенных внутренних противоречий и усиливающихся внешних влияний.

К внутренним проблемам относятся: глубокое социальное расслоение, социальное, политическое и экономическое неравенство, неравенство в предоставлении достоверной информации, в допуске к различным видам деятельности, к образованию, охране здоровья и как следствие – углубление противоречий между властью и обществом. Внутренние проблемы усиливаются внешними воздействиями в виде экономических санкций западных держав, усиливающихся миграционных потоков, информационной войны против России, политических и военных провокаций.

Поиски конструктивных политических решений в новый исторический период лежат в области выхода на новый уровень решения проблем политической властью и ее взаимодействия с

гражданским обществом: сложность стоящих задач требует объединения усилий на всех уровнях социального организма, вплоть до отдельного человека. Переложение ответственности исключительно на политическую элиту все более ограничивает пространство решений. Возможности социального диалога и политолога в пространственно-временном континууме России – потребность дальнейшего прогрессивного движения страны. Обращение к человеку – главному субъекту развития общества – предполагает развитие самого человека, как творческой личности, способной ставить собственные цели развития, действовать в соответствии с поставленными целями и нести ответственность за свою деятельность и ее результаты.

Образовательные организации не могут претендовать на исключительность в распространении знаний. Однако именно за ними остается универсальность, создаваемая научностью знания, возможностью диалога и политолога в совместном поиске истины. В условиях противоречивой и хаотичной реальности образование – важнейший институт, который способен помочь молодому человеку с определением и самоопределением в окружающем мире.

Эволюционируя вместе с обществом, образовательные системы отражают рождающиеся новации, однако не прямо, не одновременно, сохраняя длительное время традиционные подходы и требования к развитию личности. Трансформации в системе образования происходят в соответствии с его собственными законами как самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, самостоятельно интерпретирующей происходящие перемены в

обществе. Принимая во внимание, что современное понимание целей образовательного процесса включает диалоги, совместный поиск истины, образование в принципе не приемлет давления и принуждения. Скорее, это совместность и понуждение (стимулирование) к обучению и новому знанию, к совместному поиску истины.

Монополизируя способность воспроизводить подлинно научное знание, образовательные системы способны выявить способности человека и выстроить процесс обучения в соответствии с собственными целями и задачами личности, сконцентрировать проверенные временем ценности, а вместе с тем, определить направления развития культуры общества и индивида.

Такой подход предполагает выведение на новый уровень и культуры власти, включая новую идеологию политических решений, основанную на уважении к достоинствам и правам личности, на понимании особенностей исторического, национального, конфессионального и территориального развития России. Пока политическая власть остается ведущей силой в организации общественных процессов, возрастают требования к эффективности принимаемых ею решений.

Новые требования предъявляются временем к политической культуре граждан, сознательно и активно участвующим в политическом процессе в качестве соорганизаторов, соправителей, способных понимать масштабы преобразований и участвовать в них.

Особое место в формировании нового политического мышления играет политическое просвещение.

Политический аспект образования зафиксирован в официальных и альтернативных документах, материалах и

программах, реализуется в государственной образовательной политике. Общетеоретическое понимание процесса взаимодействия политики и образования на современном этапе, его содержания, принципов, идеологии, этапов позволяет представить его как целостное явление, совокупность форм и способов создания устойчивых связей, распределения функций, прав и обязанностей, ответственности власти и общества за развитие личности.

В условиях политических и социальных расслоений, социального неравенства, противоречий между материальным и духовным – образование становится средой конфликтов,

В российском политическом процессе создается синдром «отложенной» культуры, прежде всего науки и образования, чему в немалой степени способствуют сами политологи, дистанцирующиеся от теоретических, концептуальных вопросов политики все в большей степени склоняющиеся к ситуативному подходу к политике, к фактологии. Политическая наука испытывает те же трудности, что и академическая наука (методологические, институциональные, корпоративистские) в целом, политическое образование нуждается в профессионально подготовленных учителях в области общественных и гуманитарных наук. Следствием того, что решение методологических проблем откладывается, уступая место технологическим приоритетам, является фрагментарность не только политической науки и политического просвещения, но и политической практики, которая обращена к решению кратковременных проблем, слабо ориентированных на перспективу. Именно поэтому в современной политической науке все больше внимания уделяется вопросам неопределенности,

неустойчивости и межвременности развития.

На III съезде Российского общества политологов (11-13 сентября, 2018 г., г. Москва) обсуждалось решение государства об усилении поддержки политической науки, создании фонда для социально-гуманитарных исследований, учрежденного Российским обществом политологов (РОП) и Российской Ассоциацией политической науки (РАПН), формировании дополнительных грантовых фондов по общественным и политическим наукам, активизации конкурсной деятельности, участия студентов в фундаментальных исследованиях в области политических наук, поддержки грантов региональных кафедр, распространении политических журналов, дайджестов и т. д. Объективно назревшее решение отражает глубинные и непростые процессы, происходящие в обществе и власти России. В докладе первого заместителя руководителя Администрации Президента С. В. Кириенко были обозначены ключевые моменты, обуславливающие необходимость сближения политики и науки: повышение роли технологий, конкуренции знаний и идей, влияние технологической революции на сферу принятия политических решений, появление возможности организовать индивидуальное, адресное послание власти каждому человеку, переход политики в интернет-пространство, отсюда – возрастание возможности манипулирования сознанием и поведением людей. Застой в области политического воспитания и обучения, как отмечалось на форуме, грозит потерей целого поколения. Несмотря на то, что власть по своей сущности не принимает никакой гражданской самостоятельности, решение о развитии политического образова-

ние, с какими бы целями оно не принималось, должно быть в полной мере использовано научным и педагогическим сообществом.

Вопросы, поднятые общественной организацией политологов, возникли не сегодня. Более трех десятилетий российских реформ образования привели к серьезным потерям не только в воспитании и образовании молодежи, но и в формировании профессиональных политиков, что в свою очередь создало проблемы в привлечении в политику рядового гражданина. Если власть основана на личной верности ближайшего окружения, харизматичности лидера, удерживается материальными средствами, привилегиями, раздачей должностей – ресурсом политики являются: авторитет, финансы, верность «команде», а управление осуществляется в соответствии с традицией, установленными нормами. Политическая элита формируется по принципу наследования, передачи власти, и представляет собой вертикаль лидер-подданные. В России установились противоречивые и конфликтные отношения власти и общества, в результате самыми значительными последствиями стали – низкий уровень государственного управления и слабость гражданского общества.

Последнему в немалой степени способствовала адаптация населения ко всем трансформациям власти и изменениям в российском обществе. Формируемая в течение столетий способность приспосабливаться к переменам привела к уникальному антропологическому результату – стандартно обозначаемому как пресловутое российское терпение – способность не хранить в коллективном сознании предыдущий опыт и не извлекать уро-

ков из собственного прошлого. При этом большинство населения никогда не оставалось индифферентным к власти – любило и ненавидело, и полагалось на власть, и грозило ей время от времени в русских бунтах – «бессмысленных и беспощадных». Странное «сосуществование» с теми, кто нами владеет, остается и в новейшее время: перестроечные процессы почти не коснулись традиционного отношения населения к власти как к главному вершителю судеб страны. Остается значительное число людей, ностальгически жалеющих о прошлом. Сохранение ценностей в их главных значениях передается и последующему поколению, в котором, как указывает Б. Дубин происходит воспроизводство устоявшихся связей и отношений в системе «власть общество»: «свое – чужое, верхнее – нижнее, центральное – периферийное, мобилизационное – адаптивное, перспективное – ретроспективное, позитивное – негативное [2, с. 16, 19]. Тем важнее становится задача постепенного освобождения следующих поколений от неизменных представлений, способных к разумным инновациям. Несомненно, кардинальный поворот к новым ценностям – длительный процесс, который зависит от действий не только внутренних факторов, но и внешних влияний, которые могут способствовать ускорению или замедлению вхождения личности в новую систему отношений и ценностей.

Действие информационной системы, направленной на легитимизацию власти, ее достижение, удержание и реализацию, сопровождается усилением контроля власти над населением, когда большинство представляет собой сложную смесь общественных организаций, ассоциаций и объединений, в

том числе по национальному и конфессиональному признакам, взаимодействие которых слабо и непостоянно. Отсутствие последовательно выражаемых и ясно осознаваемых мировоззренческих позиций, разделение общества по социальным, этническим, религиозным, признакам, неравенство доходов, дает возможность власти управлять общественными настроениями посредством мощного информационного воздействия, независимо от демократических норм, в том случае, если речь идет об интересах и целях власти. Демократия с ее принципами становится декорацией, на фоне которой целеустремленно решаются совершенно иные задачи.

Распад СССР, смена идеологических, ценностных парадигм, последующие десятилетия реформ свидетельствуют об углублении разрыва между властью и обществом. Происходящие перемены снизили значимость общественных, коллективных форм существования, усилили социальную апатию, пассивное оправдание действий властей, склонность к порядку более, нежели к демократии. В 2003 г. 27 % россиян считали, что важна демократия, в то время, как 70 % предпочли порядок [3, с. 91]. В 2010 г. число сторонников порядка составляло 56 % (среди малообеспеченных россиян – 71 %), в то время как приверженцев демократии оказалось только 23 % [3, с. 54]. В 2016 г. по данным ВЦИОМ более 50 % населения страны – считали, что стране нужна стабильность и эволюционные преобразования [4]. Несмотря на разный подход к оценке стабильности и демократии – тенденции в стремлении «ничего не менять, как бы не было хуже», остается у большинства населения страны. Оче-

видно, именно этим объясняется так называемый «индекс счастья», который по утверждению ВЦИОМ в 2018 г. составил 95 %, что вызвало бурю иронический комментарий в сетях Интернет.

Социологические исследования, проводимые в период нулевых годов сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр), отмечают стимулирование ретроспективных ориентаций, распространение мифологий, новых исторических версий российского (советского) прошлого, идей изоляционизма в мировом сообществе, «особого» пути России, искажающих представления россиян об их прошлом и настоящем [2, с. 4, 21, 22, 36]. Это чревато в будущем появлением поколения с разорванными социальными связями, конформистов, способных, однако, к вспышкам агрессивной рефлексии и эгоизма, свободных от ответственности и долга. Не вызрев, демократия в России превратилась в политическую риторику и популистские лозунги, что позволяет проводить в обществе политику «разделяй и властвуй». Это происходит как на уровне регионов – неравномерно развивающихся территорий, так и на уровне всего социума, где неравенство возрастает быстро и прогрессирует. Удержать стабильность в стране силовым путем практически невозможно, отсюда – расцвет мифологий, манипулирования, не всегда заметного, но постепенно все более ощутимого информационного давления. Ужесточение властного контроля постепенно вытесняет «мягкую» политику, которая возможна там, где опасно действовать силой, где граждане осознают свои права и способны к их реализации. Проблема заключается в том, каким образом преодолеть плотность среды власти, замкнутой на самой себе,

и вывести граждан в открытое политическое пространство. Современность, богатая новациями, создает и новые требования к «человеку политическому» – подлинному субъекту политического процесса, гражданину и интеллектуалу, способному к самостоятельному мышлению и продуктивному действию. Возрастает запрос на участие в политике не человека массы, а политически образованного субъекта, способного дистанцироваться от власти поощряющей и не испытывать страха перед властью наказующей.

Расширение политического пространства при демократизации режима за счет вневластных структур – «политиков по случаю» по Веберу [5] – предполагает способность участников вести конкурентную борьбу, действовать самостоятельно и активно, формулировать идеи и ценности в программных документах. Формируется «новая» элита путем рекрутирования свежих сил из числа различных социальных групп, профессиональных политиков. Таким образом, в социуме на уровне «верхов» и «низов» происходит структурирование политического процесса на основе взаимодействия профессиональных и непрофессиональных участников. И те и другие при этом приобретают политические навыки в процессе политической деятельности (из опыта) и путем получения специальных знаний (из обучения).

В условиях цивилизационного взрыва, когда возникает угроза будущему человечества, глобальной проблемой является развитие и сохранение гуманизационных начал в политике – рост самосознания всех участников политического процесса, ориентация политического процесса на формирование «человека политического».

Взаимодействие образования и политики происходит в зависимости от собственно политических (эндогенных) и внешних (экзогенных) факторов. Роль и значение – в теориях развития, модернизации, постмодернизма, глобализации и развития личности

Институционально образование выделяется в обществе как автономная совокупность учреждений и организаций, взаимодействие которых создает систему, что позволяет организовывать учебные и воспитательные процессы в соответствии с методическими, управленческими, технологическими требованиями. Упорядочиваясь в систему, образование соотносится с внешней средой, рекрутируя из нее кадры, черпая технические и материальные ресурсы – средства обучения, экстраполируя на образовательный процесс социальные отношения, идеи и ценности, происходящие в обществе изменения. Внутренние и внешние взаимодействия, так или иначе, стимулируют развитие образовательной системы, активизируя ее к собственным трансформациям.

Университетское – универсальное по сути образование – основа развития интеллектуальных качеств политика, необходимых для сложных действий по достижению и удержанию власти, решения задач управления. Для осуществления политической деятельности требуются личностные качества – обязательность, увлеченность, самоотдача, ответственность. Политиком, живущим за счет политики, требуется специальная подготовка, они попадают в разряд людей, получающих государственное обеспечение как профессионалы, обладающие специальными компетенциями. Знания, умения и навыки способствуют рационализации власти,

легитимизируют ее в процессе эффективного управления. По отношению к политике образование выступает как институт подготовки людей, стремящихся стать политиками. В советское время эту функцию выполнял Институт марксизма-ленинизма, Академия общественных наук, партийные школы, общественные организации (пионерская и комсомольская). Кроме того, опыт политического управления приобретался во время работы в партийных и советских органах.

Политическое просвещение мыслилось как широкая программа коммунистического воспитания, задачи которого были поставлены В. И. Лениным на III съезде комсомола в 1920 г. – учиться коммунизму. В последующих программах партии подчеркивался массовый характер вовлечения в строительство нового общества, начиная с подрастающего поколения. Потребности создания кадров профессиональных партийных и советских работников создали широкую сеть политического образования.

Изначально обучение общественным дисциплинам было организовано на всех уровнях – от краткосрочных курсов до Академии общественных наук. Системность формировалась как идеологизация всего образовательного процесса. В учебнике «Педагогика» 1983 г. издания перечисляются направления, методы, способы и содержание политической пропаганды в школе: жизнь и деятельность В. И. Ленина и его произведения, идеи марксизма-ленинизма, деятельность КПСС, ее внутренняя и внешняя политика, борьба коммунистических и рабочих партий других стран, идейный и нравственный облик коммунистов, их соратников и последователей. Преду-

смагивалась не только политическая работа на учебных и внеучебных занятиях, во внеклассной и внешкольной воспитательной работы, но и организация «практической деятельности школьников по выполнению ленинских заветов, развивать их участие в общественно полезном и производительном труде, в политико-просветительской деятельности, в поисковой работе». Политическое просвещение осуществлялось в формах политических клубов, кружков, политдней, круглых столов, аудиовизуальных средств, материалов из средств массовой информации, выставок общественно-политической литературы [6, с. 114-122].

Лекции активистов общества «Знание», курсы повышения квалификации при ведущих вузах страны, дома офицеров и партийные школы – обеспечивали преемственность в формировании идеологически подготовленных кадров, однако старение партийно-советских кадров, слабый приток свежих сил в партийно-советскую номенклатуру, ее самовоспроизводство практически делало ненужной специальную политическую подготовку. Новый всплеск интереса к подготовке кадров для политической власти и государственного управления начался в 90-е гг. Если первые представители политической элиты новейшего времени имели преимущественно специальное образование (юридическое и экономическое преимущественно), то в последующие годы начинала формироваться когорта профессиональных политиков, имеющих не только высшее образование, но и научные степени – кандидатов и докторов наук.

Политическое просвещение носило системный характер: углублялось от одной возрастной ступени обучения к

другой, было преемственным и последовательным, в процессе обучения учитывались профессиональные различия учащихся: обучением были охвачены представители рабочего класса, колхозники и интеллигенция. Во всех партийных документах начиная с VII съезда РКП (б) в 1919 г. подчеркивалась необходимость воспитания сознательных строителей коммунизма. Этому способствовала интеллектуализация воспитательного процесса, реализация коммунистической идеи в усиленной работе по обучению молодежи, закреплению нравственных принципов, поощрение активности и инициативности в учебе, в трудовой деятельности. Другими словами, коммунистическое воспитание и образование выходило далеко за рамки образовательного процесса.

Знание коммунистических идей – требование зарождающегося общества – реализовалось в создаваемой системе коммунистического образования.

В 1925 г. была опубликована первая программа Наркомпроса по Основам обществознания, были выпущены первые учебники, в 1931 г. был разработан новый учебник по марксистскому обществоведению, в число школьных предметов была включена дисциплина «Основы политических знаний», которая в 1963 г. была переименована в «Обществоведение». Основным содержанием дисциплины было изучение Конституции, основ марксистской философии, экономики капитализма и социализма, истории КПСС и советской реальности. На пороге перестройки были сделаны попытки изменить не только содержание, но и методические подходы к изучению обществознания, что нашло, в частности отражение в

разработке на базе МГУ трехтомника «Человек и общество». В 90-е гг. в содержание «Общественная» входили экономические и правовые дисциплины, политология и социология, проблемы семьи, национальных отношений, культуры и религии.

Рекрутирование политической элиты происходило из различных социальных групп. Изначально – из рядов интеллигенции и образованных рабочих, хозяйственных руководителей, военных, ученых, затем – преимущество получали рабочие и молодежь с целью создания прочной поддержки партии в крупных промышленных районах. Советская интеллигенция, из которой формировалась политическая элита СССР, обеспечивала высокий уровень образованности и эффективности партийно-советского руководства.

Однако порядок формирования институционального политического дизайна советского периода постепенно характеризовался отрывом от социума, воспроизводство элиты и пополнение ее новыми силами замедлялось, выростала аппаратная элита, партийно-советская номенклатура, выделившаяся в отдельную замкнутую корпорацию, бюрократизированную и коррумпированную группу людей, отделившуюся от общества привилегиями и бесконтрольностью.

Противоречия в развитии политического просвещения, обнаружившиеся уже в 70-е гг., приводили к отклонениям от политических и социальных задач политического образования. Распад этой системы произошел в начале 90-х гг., когда прекратили свое существование институты, а с ними – провозглашаемые цели: воспитания в духе идей марксизма-ленинизма, борцов за дело

коммунистической партии и строительства коммунизма.

Постепенное усиление противоречий между властью и обществом на фоне формирования внутренних связей и зависимостей в управляющей элите превращали в формальность и процесс политического образования, в котором уже к началу 70-х гг. начался разрыв между политической теорией и политической практикой, по выражению В. А. Ковалева «между интеллектуальным и политическим» [7]. Коммунистическое воспитание, которое мыслилось и первоначально осуществлялось как развитие навыков коллективизма, патриотизма и трудового героизма, интернационализма, гражданственности в интересах развития молодежи постепенно превращалось в инструмент формирования верности идее, классово-преданности, подчинения целям государства и партии.

В условиях радикальных перемен политическое просвещение в России становится более актуальным, чем в советский период, так как его задачей становится ориентация россиян в происходящих переменах во власти и обществе. Перспектива развития политического просвещения в России связана с массовым распространением политических знаний и подготовкой политиков из числа людей, способных осваивать новое знание, из первоисточников и политического опыта прошлого и настоящего, мирового и отечественного. Защита элитой своей монополии на власть может быть только одна – подготовка управленцев, обладающих профессиональными знаниями и государственным уровнем мышления. Политическое просвещение населения – это, прежде всего, освобождение его от целей и задач власти, привлечение к

нему всего населения. Стимулом для получения политически знаний должна стать доступность политического просвещения для любого россиянина, престижность профессии политика, наличие высокого дохода и свобода при выборе способов деятельности. Политическое просвещение обеспечивает современному человеку активное участие в жизни общества, вхождение в систему социального управления.

Достижение целей политического просвещения может быть реализовано на базе существующей системы образования. Однако, поскольку изменения в ней – объективная потребность меняющегося общества, есть возможность целенаправленного «встраивания» политического образования в процесс современного обучения на каждом новом этапе и уровне. Большие возможности, при этом, открывает система дополнительного образования, обеспечивающая самостоятельный выбор направлений, тем и политических практик (изучение избирательных технологий, партийного строительства, участие в деятельности общественно-

политических организаций, в волонтерском движении и т. д.). Выстраивание политического просвещения должно быть согласованным взаимодействием всех уровней обучения от начального до высшего и дополнительного, с воспитанием чувства социальной ответственности, патриотизма и гражданственности. Условием эффективного политического просвещения станет его непрерывность и массовость.

Политическое просвещение вписывается в систему образования, основанную на научном знании, включает личность в диалог с властью относительно смыслов, целей и задач развития российского общества. Только общество культуры и политически «окультуренная» личность способны предъявлять к власти социально значимые требования, контролировать и ограничивать стремление политической власти манипулировать сознанием, навязывать обществу представления, идеи и ценности в своих интересах.

Библиографический список

1. Лиотар, Ж.-П. Состояние постмодерна [Электронный ресурс] / Ж.-П. Лиотар. – URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/liot/01.php. – (Дата обращения: 19.12.2018).
2. Дубин, Б. В. Россия нулевых: политическая культура – историческая память – повседневная жизнь [Текст] / Б. В. Дубин. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 332.
3. Руденкин, В. Н. Порядок или демократия? [Текст] / В. Н. Руденкин // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 6.
4. ВЦИОМ о порядке и демократии [Электронный ресурс] // <https://davydov-index.livejournal.com/2929537.html>. – (Дата обращения: 19.12.2018).
5. Вебер, М. Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-publicism/311476-maks-veber-politika-kak-prizvanie-i-professiya.html>. – (Дата обращения: 19.12.2018).
6. Квитко, С. В. Идеино-политическое воспитание учащейся молодежи (1920-1930 гг.) [Текст] / С. В. Квитко // Вестник. – 2003. – № 3.

7. Ковалев, В. А. Политическое образование в России между «интеллектуальным» и «политическим»: доклад [Текст] / В. А. Ковалев // Симпозиум «Современное образование в поле научных и религиозных традиций. Диалог мировоззрений». – Н. Новгород : ВВАГС, 31 мая 2011.

Bibliograficheskij spisok

1. Liotar, Zh.-P. Sostojanie postmoderna [Jelektronnyj resurs] / Zh.-P. Liotar. – URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/liot/01.php. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).

2. Dubin, B. V. Rossiya nulevyh: politicheskaja kul'tura – istoricheskaja pamjat' – povsednevnaja zhizn' [Tekst] / B. V. Dubin. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2011. – S. 332.

3. Rudenkin, V. N. Porjadok ili demokratija? [Tekst] / V. N. Rudenkin // Vestnik Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava. – 2011. – № 6.

4. VCIOM o porjadke i demokratii [Jelektronnyj resurs] // <https://davydov-index.livejournal.com/2929537.html>. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).

Veber, M. Politika kak prizvanie i professija [Jelektronnyj resurs]. – URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-publicism/311476-maks-veber-politika-kak-prizvanie-i-professiya.html>. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).

6. Kvitko, S. V. Idejno-politicheskoe vospitanie uchashhejsja molodezhi (1920-1930 gg.) [Tekst] / S. V. Kvitko // Vestnik. – 2003. – № 3.

7. Kovalev, V. A. Politicheskoe obrazovanie v Rossii mezhdru «intellektual'nym» i «politicheskim»: doklad [Tekst] / V. A. Kovalev // Simpozium «Sovremennoe obrazovanie v pole nauchnyh i religioznyh tradicij. Dialog mirovozzrenij». – N. Novgorod : VVAGS, 31 maja 2011.

Н. А. Баранов

<https://orcid.org/0000-0001-8417-1074>

Мягкая сила в условиях постправды

Аннотация. В конце XX в. Дж. Най разработал концепцию «мягкой силы» как предпочтительного варианта влияния на другие страны в целях распространения американской политики и американского образа жизни. Основными ресурсами мягкой силы выступают культура, политические ценности и внешняя политика. Информатизация общества способствует появлению технологий, изменяющих восприятие реальной действительности. К таким технологиям относится постправда, которая применяется для обозначения неактуальности какой-либо концепции, события, принадлежащего настоящему времени. Обращение к эмоциям людей без предоставления реальных фактов или путем их искажения становится распространенной формой политики западных стран, которые искусственно нагнетают напряженность в отношениях с Россией.

Ключевые слова: Джозеф Най, жесткая сила, мягкая сила, политическая постправда, умная сила.

N. A. Baranov

Soft power in the conditions of post-truth

Abstract. At the end of the XX century J. Nye has developed the concept of «soft power» as preferable option of influence on other countries for distribution of the American policy and the American way of life. Culture, political values and foreign policy acts as the main resources of «soft power». Informatization of society promotes emergence of the technologies changing perception of reality. «Post-truth» which is applied to designation of irrelevance of any concept, the event belonging to the present belongs to such technologies. The appeal to emotions of people without granting the real facts or by their distortion becomes a common form of policy of the western countries which artificially raise tensions in the relations with Russia.

Keywords: Joseph Nye, rigid force, soft power, political post-truth, clever force.

Введение

В современных условиях под влиянием процессов глобализации важнейшими факторами влияния государств на мировую политику являются достижения стран в технологическом развитии, в области образования, науки, культуры, искусства, спорта – то, что в политической науке получило название мягкой силы. Концепция «мягкой силы» играет важную роль в формирова-

нии позитивного имиджа страны, укреплении его позиций и авторитета на мировой арене. Развитию концепта «мягкой силы» способствует непопулярность военных действий, сдерживающий фактор в виде ядерного оружия, глобализация экономики, экономическая и финансовая взаимозависимость государств, формирование глобального гражданского общества, рост числа негосударственных акторов, со-

здание и развитие различных международных сетей, совершенствование информационно-коммуникационных технологий и появление новых форм воздействия на общество.

Отношение к мягкой силе в российском политическом дискурсе неоднозначное. Так в официальном политическом дискурсе, в прежних внешнеполитических концепциях акцент делался на опасениях, связанных с использованием мягкой силы и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, манипулирования общественным мнением. Однако в Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. позиция властных институтов претерпела изменения. Теперь официально признается, что неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование инструментов мягкой силы, таких как возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в качестве неотъемлемой составляющей современной международной политики [5].

На значимость мягкой силы обращают внимание и представители российского экспертного сообщества. Например, ректор МГИМО А. В. Торкунов акцентирует внимание на культурно-цивилизационном измерении конкуренции в современном глобальном мире, что предполагает усиление борьбы за культурное влияние, включающее «экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей» [12, с. 634].

Мягкая сила как инструментальный преднамеренного воздействия на сознание рассматривается в работах О. Ф. Русаковой. Отечественный ученый полагает, что в постиндустриальном информационном обществе основными инструментами властного воздействия выступают дискурсы «мягкой» власти, образующие «коммуникативные поля и сети, которые позволяют осуществлять такое переформатирование массового сознания, при котором предложения властных инстанций воспринимаются субъектами как внутренний добровольный и свободный выбор, как проявление собственной интенции к идентичности» [9, с. 190-191].

Ученые, акцентирующие свое внимание на влиянии мягкой силы в международных отношениях, пишут об ограничениях, не позволяющих успешно применять мягкую силу, которая ориентирована не на переубеждение своих противников и врагов, а на борьбу за колеблющихся и попытке привлечь их на свою сторону [13]. В качестве одного из важнейших факторов, определяющих параметры и эффективность мягкой силы, рассматриваются особенности взаимосвязи внутренней и внешней политики, их органическая сопряженность и взаимодополняемость [8, с. 186].

Таким образом, в российском научном дискурсе проблемному полю мягкой силы уделяется пристальное внимание с учетом тех изменений, которые появляются в современном информационном обществе и глобальном мире.

Концепция мягкой силы

Джозефа Ная

Автором концепции мягкой силы является Джозеф С. Най – младший – американский политолог, профессор Гарвардского института государствен-

ного управления им. Джона Ф. Кеннеди, который работал в государственном департаменте и министерстве обороны США, возглавлял Национальный разведывательный совет. Именно он в конце холодной войны первым задался вопросом: каким образом эффективнее продвигать интересы США, понимая, что наиболее эффективно это будет происходить, если другие страны будут делать сознательный, свободный и добровольный выбор в пользу американской политики и американского образа жизни.

В 1990 г. вышла статья «Мягкая сила» [19], а затем книга «Обреченные быть лидером: меняющийся характер американской власти» [17], в котором были определены основные положения концепта. Дж. Най исходил из сохранения США доминирующего положения в мире и пытался убедить академическое сообщество и мировую общественность в ее силе и величии, полагая, что по совокупному потенциалу, состоящему из военной, экономической и «мягкой» сил, США будут опережать все прочие государства мира в течение ближайших десятилетий. Основными ресурсами, с точки зрения американского ученого, являются культурная и идеологическая привлекательность, а также правила и учреждения международных режимов. В данном контексте под международными режимами понимаются социальные институты, которые возникают в результате взаимодействия субъектов международных отношений.

Свое развитие концепт «мягкой силы» получил в 2002 г. после выхода книги «Парадокс американской власти» [22], в которой Дж. Най охарактеризовал «мягкую силу» как косвенный способ осуществления власти; способ-

ность соблазнять и привлекать, что ведет к молчаливому согласию или имитации; как власть, которая основывается на способности устанавливать политическую повестку дня таким образом, чтобы формировать предпочтения других; а также как способность устанавливать набор выгодных правил и институтов. В качестве основных ресурсов он выделяет привлекательность культуры, привлекательность идеологии и привлекательность институтов.

В 2004 г. американский политолог останавливается на окончательной формулировке мягкой силы, которую он до сих пор не менял: «способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [20]. К основным ресурсам стали относиться культура (привлекательная для остальных), содержащая универсальные ценности (либерализм, плюрализм, свобода, демократия, права человека); политические ценности (которые поддерживаются внутри страны и за рубежом); внешняя политика (легитимная и имеющая моральный авторитет). Причем мягкая сила лучше «работает» в том случае, когда она направлена на демократии, где велика значимость общественного мнения.

Распространение мягкой силы в данном контексте происходит в следующей последовательности: сначала происходит распространение демократии, в том числе посредством соблазнения мягкой силой и использования гуманитарных интервенций, затем осуществляется повышение эффективности применения мягкой силы в демократических государствах и на конечном этапе происходит контроль общественного мнения и поддержание влияния идей, выдвигаемых США.

В 2010 г. в книге «Будущее власти» [21] Дж. Най вводит понятие «умной силы», которую характеризует как сочетание «жесткой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения» [6, с. 18], используемые в зависимости от интеллектуальной оценки контекста. Вариантами «мягкого» поведения признаются установление повестки дня, притяжение и убеждение, которыми занимаются соответствующие структуры: национальные службы, информационные агентства, публичная (общественная) дипломатия, программы обмена, программы помощи, тренировочные (обучающие) программы.

Важное значение в продвижении мягкой силы придается публичной дипломатии, функцией которой является распространение позитивного имиджа, передача информации (с учетом целевых аудиторий), построение долгосрочных отношений, создающих благоприятную среду для правительственной политики. Причем эффективность публичной дипломатии измеряется не количеством денег, на нее потраченных, а результатами опросов общественного мнения.

В 2015 г. выходит очередная книга Дж. Най «Заканчивается ли век Америки?» [18]. В ней, а также в некоторых других работах американский политолог призывает объединить разрозненные официальные инструменты мягкой силы – публичную дипломатию, телевидение, программы по обмену, помощь в развитии, гуманитарную помощь, контакты «военные-с-военными» – во всеобъемлющую стратегическую технологию для повышения эффективности внешней политики США. Необходимым условием повы-

шения эффективности выступает доверие.

Мягкая сила может выступать как успешная экономическая модель, характеризующаяся размером и качеством ВВП, доходом на душу населения, уровнем научно-технического развития, природными и человеческими ресурсами. И в то же время становится жесткой силой, если экономическое влияние используется для принуждения, для чего вводятся экономические санкции, ограничения со стороны определенных государств, ограничения со стороны международных организаций.

Информационные аспекты мягкой силы в контексте постправды

Все большее значение в арсенале мягкой силы имеют средства и методы воздействия, в основе которых лежит коммуникация. На уровне государств эти методы объединены в информационную политику: особую сферу жизнедеятельности людей, связанную с распространением информации в интересах государства и гражданского общества. Как пишут О. Ф. и В. М. Русаковы, с точки зрения теории политической коммуникации *soft power* следует рассматривать как стратегический и технологический инструментарий политического управления ресурсами (национальными, региональными, местными), обладающими (или способными обладать) аттрактивной силой. В контексте международных коммуникаций дискурс мягкой силы выступает интегративным драйвером разнообразных способов и методов ненасильственного воздействия на «партнеров», ведущим к возрастанию конкурентоспособности агентов влияния и упрочению их позиций в целях контроля за различными глобальными

пространствами (геополитическими, экономическими, культурными, информационными и др.) [10, с. 64].

В мире существуют две основные информационные государственные стратегии, различающиеся по направленности усилий: экспансивная (экстравертная) стратегия, характерная для политики США и стран ЕС и нацеленная на использование внешних ресурсов для решения своих задач; герметичная (интровертная) стратегия, в основе которой лежит идея развития за счет консолидации внутренних ресурсов, в том числе ценой самоизоляции и самограничения от контактов с окружающим миром (Китай, Куба, Северная Корея) [11, с. 257]. Чаще всего информационные стратегии государств представляют собой сочетание этих моделей, направленность которых может изменяться в зависимости от конкретных обстоятельств и тактических задач. Тем не менее, преобладание в государственной политике одной или другой тенденции довольно устойчиво, поскольку обусловлено сложившейся политической культурой, а также религиозными, национальными, геополитическими особенностями. Соответствующие действия субъектов в информационной сфере, как правило, предваряют их активные шаги во внутренней и внешней политике, сопровождаемые медийной деятельностью.

В условиях информационного противоборства большое значение приобретает информационная устойчивость политической системы, которая, по мнению А. В. Шевченко, «достигается благодаря балансу системных функций коллективного общественного сознания участников политических процессов, восстановлению информационной и ментальной идентичности народа» [14, с. 116-117].

Распространителями информации, чаще всего, являются средства массовой информации, обладающие по выражению Р. М. Блакара, «инструментом социальной власти» [1, с. 88-119]. Информационный ресурс, внушающий населению определенную точку зрения, зависит от используемых технологий и инфраструктуры, поиска новых форм и выразительных средств, позволяющих медиасообществу эффективно выполнять свои главные функции – информировать о мировых событиях национальные аудитории и транслировать свои идеалы и ценности на аудитории зарубежные.

Наибольшими возможностями в данном контексте обладают западные СМИ, которые осуществляют информационную экспансию в отношении государств, не разделяющих их ценности. Однако такая экспансия сталкивается с препятствиями в виде национальной консолидации, а зачастую приобретает обратный эффект, когда воспринимается незападным миром как информационная агрессия, дополняя недружественный образ США и стран Западной Европы.

Под влиянием информации могут возникать потребности как конструктивного, так и деструктивного характера. Под деструктивностью понимается изменение в сознании субъекта воздействия культурно-ценностных и поведенческих норм, а также усвоение новых смыслов, противоречащих культурному коду объекта и способствующих девиации его поведения. Рост влияния элементов информационного противоборства способствует появлению новых технологий, изменяющих восприятие реальной действительности. Одним из таких современных феноменов является постправда, которая по

мнению составителей Оксфордского словаря, в 2016 г. стала словом года. Этот термин стал применяться в начале XXI в. для обозначения неактуальности какой-либо концепции, события принадлежащего настоящему времени [16]. Политика «постправды» создает ситуацию, в которой истинное положение дел больше не интересует, таким образом, создавая неопределенность и непредсказуемость в социально-политическом контексте.

Проблема восприятия, понимания и интерпретации полученной информации является одной из основных проблем современного общества. Как пишет филолог М. Р. Желтухина, «реальность, осознаваемая нами, представляет собой отличную от презентуемой действительность, запечатленную в нашей памяти в результате ее восприятия по какому-либо информационному каналу, трансформированную в нашем сознании под влиянием социокультурных, психологических, геополитических и других факторов» [2, с. 153].

В результате событий 2016 г. появилось словосочетание «политическая постправда», когда государственные деятели, взывая к эмоциям населения, пренебрегают фактами или искажают их. С постправдой связывают исход президентских выборов в США и референдума в Великобритании о выходе из ЕС. Постправда означает, что при формировании общественного мнения объективные факты становятся менее значимыми, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям. Факты играют вспомогательную роль – если они противоречат позиции, эмоциям, мировоззрению человека, то он игнорирует факты. Таким образом, постправда подпитывает существующие убежде-

ния людей, создавая обоснования под собственное приоритетное мнение.

Постправда эмоциональна, поэтому ее атрибутом, который с готовностью воспринимается обществом, становится информация с эмоциями страха, симпатии, гордости или ненависти. Зачастую она основывается на «фейковых новостях» («fake news»), которые становятся популярнее, чем настоящие и которые приносят еще больше неопределенности в политический процесс.

Словосочетание «fake news» объявлено словом 2017 г. по версии толкового словаря английского языка Collins English Dictionary. Collins определяет «fake news» как «ложную, зачастую сенсационную информацию, распространяемую под видом новостных сообщений» [15].

Опасность «fake news» заключается в том, что в качестве сенсационных сообщений в информационном пространстве начинают доминировать искаженные (лживые, бредовые, обманчивые, ложные, поддельные, фальсифицированные) новости и вокруг них выстраивается дискуссия, уводящая далеко в сторону от обсуждения реальных проблем. Подключающиеся к такой дискуссии официальные органы узаконивают их, вводя в политический дискурс.

Постправда основана на семантических особенностях восприятия информации, основным звеном которого выступает сообщение. В глобальном информационном пространстве главными политически значимыми элементами являются сообщение о зарубежном событии и сообщение о том, как за рубежом оценивают события в твоей собственной стране.

Сообщение имеет две характеристики – содержание и форму, которые обращаются к разным сторонам психики человека и выполняют разные задачи. Основная задача формы сообщения – это привлечение внимания аудитории, поэтому она влияет на восприятие, эмоции. Содержание в большей степени апеллирует к мышлению, способности обрабатывать информацию и совершать логические умозаключения.

В условиях информационной перегрузки, характерной для современного общества, которую англо-австралийский политолог Дж. Кин называет «коммуникационным избытием» [4, с. 8], возрастает важность выбора правильной формы сообщения, так как если оно не привлечет своего адресата своеобразной манерой подачи и другими выразительными средствами, у его содержания не будет никаких шансов выполнить свою функцию. Поэтому форма первична, а содержание вторично.

Основными выразительными средствами в коммуникации являются образ и текст, которые могут быть дополнены музыкальным фоном, спецэффектами, интонациями речи. Очевидно, что образ обладает наиболее сильным воздействием. 70 % всей информации человек получает именно с помощью зрения, в виде образов [11, с. 261]. Образ первичен по отношению к тексту, так как он непосредственно отражает реальность и потому понятен без слов. Большинство сообщений в новостных выпусках сегодня сопровождаются видеорядом или фотографиями, являющимися универсальными средствами коммуникации, которые повествуют о событиях лучше всяких слов. Развитие мультимедийных технологий и средств передачи изображения подняло гло-

бальные коммуникации на новый уровень, что способствовало появлению технологии постправды.

Вместе с тем образ не однозначен, потому что каждый понимает его по-своему. В связи с такой неоднозначностью к основному предназначению текста – донесению сложной абстрактной информации – добавляется необходимость комментировать образ, уточнять, пояснять его смысл. Так, подпись под фотографией или голос за кадром могут существенно изменить содержание изображения.

Жизненный опыт человека, его впечатление, способность интерпретировать, домысливать являются важными факторами, обуславливающими восприятие образной информации. Однако авторский комментарий направляет фантазию в нужное русло, «помогает» сделать «правильные» выводы, прийти к определенным умозаключениям и принять заданную точку зрения. Если утоняющий комментарий предлагается не в директивной форме, то человек может считать усваиваемые им установки результатом собственной умственной деятельности и не замечать того, что является объектом манипуляции.

Сообщение обладает двумя уровнями содержания – буквальным и символическим. Если буквальное содержание сообщения определяется в его строках, то символическое выражается тем, что находится между строк, а также самим фактом его существования.

Постправду можно рассматривать как коммуникативный инструмент реализации мягкой силы, использующий медиавоздействие для убеждения международной общественности в определенной позиции, аргументации своих

представлений о сложившейся политической или международной ситуации.

Политика ряда современных государств в полной мере подходит под определение постправды. Искусственное нагнетание напряженности между Россией и западными государствами может быть рассмотрено не иначе, как формирование в общественном дискурсе заведомо ложного представления о российском государстве в целях получения дивидендов от стран, заинтересованных в поддержании регулируемой напряженности через противостояние со страной, претендующей на статус транснациональной великой державы. Международные скандалы, широко обсуждаемые западной политической элитой, а вместе с ней и общественностью – «дело Скрипалей», якобы применение химического оружия в Сирии – имеют одну цель: без доказательств, а лишь с утверждением «высокой доли вероятности» обвинить Россию в преступлениях и заставить оправдываться, выдавая, таким образом, желаемое за действительное.

Заключение

Для России становится очевидной необходимость противопоставлять западному влиянию свои преимущества и достижения. Следует согласиться с авторами коллективной монографии «Национальная безопасность России в условиях глобализации: геополитический подход», что «проигрывая в «мягкой силе», Россия проигрывает стратегически» [7, с. 122].

Президент Российской Федерации признает, что в глобальном соревновании будет возрастать роль гуманитарных факторов, что, в свою очередь, существенно повлияет на международные отношения, так как ресурс мягкой силы будет «в большей степени зави-

сеть от реальных достижений в формировании человеческого капитала, чем от изощренности пропагандистских приемов» [3]. Пока же российская мягкая сила только начинает формироваться: создано Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), совершенствуются формы деятельности, ориентированные на содействие международному развитию, продвижению русской культуры, укреплению позиций русского языка, поддержку образования и науки, сохранение историко-мемориальных памятников, информационное воздействие на граждан других стран с альтернативной западным СМИ точкой зрения.

Сталкиваясь с политикой, основанной на лжи, подтасовке фактов, видимости конструктивной деятельности, Россия отвечает открытой и предсказуемой внешней политикой, характеризующейся последовательностью, преемственностью и отражающей сформированную веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах, расширяющей международное сотрудничество в целях защиты прав и законных интересов соотечественников, проживающих за рубежом, их консолидации, содействие сохранению самобытности российской диаспоры и ее связей с исторической Родиной.

Такой подход является адекватным ответом на политику постправды, осуществляемую западными странами. Открытая дружелюбная атмосфера, созданная в российских городах во время проведения чемпионата мира по футболу явное тому свидетельство. Демонстрация положительных сторон

нашей жизни, порядка и благополучия | рование позитивного имиджа нашей
может стать важным инструментом | страны.
мягкой силы, направленной на форми-

Библиографический список

1. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-методологические исследования языка и его использования // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы [Текст] / сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина ; общ. ред. В. В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 88-119.
2. Желтухина, М. Р. Политические манипуляции сознанием адресата в СМИ: воздействие и понимание [Текст] / М. Р. Желтухина // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ : колл. монография / сост. и ред. Е. Г. Борисова. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 153-165.
3. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 24 октября 2014 г [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860>. – (Дата обращения: 19.12.2018).
4. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа [Текст] / Дж. Кин ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. К. Смирнова. – М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 312 с.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248. – (Дата обращения: 19.12.2018).
6. Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти [Текст] / С. Най ; пер. с англ. В. Н. Верченко. – М. : АСТ, 2014. – 444 с.
7. Национальная безопасность России в условиях глобализации: геополитический подход [Текст] : монография / под ред. А. П. Кочеткова, А. В. Опалева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. – 231 с.
8. Неймарк, М. А. Концепты и концептуализация «мягкой силы»: российский опыт критического анализа [Текст] / М. А. Неймарк ; отв. ред. М. А. Неймарк // Россия и современный мир. – М. : «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2016. – С. 164-188.
9. Русакова, О. Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии [Текст] / О. Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – Екатеринбург, 2010. – Вып. 10. – С. 173-192.
10. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии [Текст] / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Дискурс-Пи. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 61-72.
11. Современные глобальные проблемы [Текст] / отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 350 с.
12. Торкунов, А. В. Образование как элемент «мягкой силы» России // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание [Текст] / А. В. Торкунов ; под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М. : Аспект Пресс, 2016. – С. 634-649.

13. Фененко, А. Реальность и мифы мягкой силы // Сайт Российского совета по международным делам. 27.01.2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoy-sily/>. – (Дата обращения: 19.12.2018).
14. Шевченко, А. В. Управление семантическим пространством: инструменты и эффекты [Текст] / А. В. Шевченко / сост. и ред. Е. Г. Борисова // Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ : колл. монография. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2015. – С. 112-122.
15. Fake news is «very real» word of the year for 2017 // The Guardian. 2 November 2017. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017>
16. Keyes Ralph. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. – New York: St. Martin's, 2004.
17. Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. – 336 p.
18. Nye J. Is the American century over? Polity, 2015. – 152 p.
19. Nye J. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80.
20. Nye J. Soft power: the means to success in world politics // Public Affairs, 2004.
21. Nye J. The Future of power. – N. Y.: Public Affairs, 2010. – 320 p.
22. Nye J. The paradox of American power. – N. Y.: Oxford University Press, 2002. – 240 p.

Bibliograficheskij spisok

1. Blakar, R. M. Jazyk kak instrument social'noj vlasti (teoretiko-metodologicheskie issledovaniya jazyka i ego ispol'zovaniya // Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya: Perevody [Tekst] / sost. V. M. Sergeeva i P. B. Parshina ; obshh. red. V. V. Petrova. – М. : Progress, 1987. – S. 88-119.
2. Zheltuhina, M. R. Politicheskie manipuljacie soznaniem adresata v SMI: vozdejstvie i ponimanie [Tekst] / M. R. Zheltuhina // Soft Power, mjagkaja sila, mjagkaja vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz : koll. monografija / sost. i red. E. G. Borisova. – М. : FLINTA: Nauka, 2015. – S. 153-165.
3. Zasedanie Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj», 24 oktjabrja 2014 g [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/46860>. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
4. Kin, Dzh. Demokratija i dekadans media [Tekst] / Dzh. Kin ; per. s angl. D. Kralechkina ; pod nauch. red. A. K. Smirnova. – М. : Izd. Dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015. – 312 s.
5. koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii ot 30 nojabrja 2016 g. [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
6. Naj, S. Dzhozef (mladshij). Budushhee vlasti [Tekst] / S. Naj ; per. s angl. V. N. Verchenko. – М. : AST, 2014. – 444 s.

7. Nacional'naja bezopasnost' Rossii v uslovijah globalizacii: geopoliticheskij podhod [Tekst] : monografija / pod red. A. P. Kochetkova, A. V. Opaleva. – M. : JuNITI-DANA, 2016. – 231 s.
8. Nejmark, M. A. Koncepty i konceptualizacija «mjagkoj sily»: rossijskij opyt kriticheskogo analiza [Tekst] / M. A. Nejmark ; otv. red. M. A. Nejmark // Rossija i sovremennyy mir. – M. : «Kanon+», ROOI «Reabilitacija», 2016. – S. 164-188.
9. Rusakova, O. F. Koncept «mjagkoj sily» (soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii [Tekst] / O. F. Rusakova // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN. – Ekaterinburg, 2010. – Vyp. 10. – S. 173-192.
10. Rusakova, O. F., Rusakov, V. M. «Mjagkaja sila» kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii [Tekst] / O. F. Rusakova, V. M. Rusakov // DiskursPi. – 2017. – T. 14. – № 1. – S. 61-72.
11. Sovremennye global'nye problemy [Tekst] / otv. red. V. G. Baranovskij, A. D. Bogaturov. – M. : Aspekt Press, 2010. – 350 s.
12. Torkunov, A. V. Obrazovanie kak jelement «mjagkoj sily» Rossii // Politicheskaja nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitija: nauchnoe izdanie [Tekst] / A. V. Torkunov ; pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj. – M. : Aspekt Press, 2016. – S. 634-649.
13. Fenenko, A. Real'nost' i mify mjagkoj sily // Sajt Rossijskogo soveta po mezhdunarodnym delam. 27.01.2016 g. [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoj-sily/>. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
14. Shevchenko, A. V. Upravlenie semanticheskimi prostranstvom: instrumenty i jeffekty [Tekst] / A. V. Shevchenko / sost. i red. E. G. Borisova // Soft Power, mjagkaja sila, mjagkaja vlast'. Mezhdisciplinarnyj analiz : koll. monografija. – M. : FLINTA: Nauka, 2015. – S. 112-122.
15. Fake news is «very real» word of the year for 2017 // The Guardian. 2 November 2017. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017>
16. Keyes Ralph. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. – New York: St. Martin's, 2004.
17. Nye J. Bound to lead: the changing nature of American power. Basic Books, 1990. – 336 p.
18. Nye J. Is the American century over? Polity, 2015. – 152 p.
19. Nye J. Soft power // Foreign Policy. – 1990. – № 80.
20. Nye J. Soft power: the means to success in world politics // Public Affairs, 2004.
21. Nye J. The Future of power. – N. Y.: Public Affairs, 2010. – 320 p.
22. Nye J. The paradox of American power. – N. Y.: Oxford University Press, 2002. – 240 p.

А. В. Зайцев

<https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

Критерии и измерение институционализации диалога государства и гражданского общества

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи являются критерии и этапы процесса институционализации диалога государства и гражданского общества. С точки зрения автора статьи, подкрепленной как эмпирическим, так и теоретическим материалом, диалог государства и гражданского общества преодолел доинституциональный, затем первоначальный и находится на втором этапе институционализации.

Ключевые слова: институционализация, государство, диалог, гражданское общество, институт, коммуникация, неинституционализм, власть, публичная политика, взаимодействие.

A. V. Zaytsev

The problem of developing criteria and measuring the institutionalization of the dialogue between the state and civil society in the field of public policy

Abstract: The subject of this article is the criteria and stages of the process of institutionalizing the dialogue between the state and civil society. From the point of view of the author of the article, supported by both empirical and theoretical material, the dialogue between the state and civil society was overcome pre-institutional, then initial and is in the second stage of institutionalization.

Keywords: institutionalization, state, dialogue, civil society, institution, communication, neoinstitutionalism, power, public policy, interaction.

Проблема диалога, начиная с античных мыслителей, всегда была в центре внимания философской рефлексии. Диалог рассматривался не только как способ совместного отыскания истины в процессе философического дискурса, публичного спора, дискуссии, диспута, полемики, но и как особый речевой жанр коммуникации, который использовался как в межличностном общении, так и в литературном творчестве, драматическом искусстве, или же в коллективном поиске

путей решения насущных проблем в полисной демократии.

Однако в рамках политической риторики и практики коммуникации власти с обществом предпочтение отдавалось не диалогу, а монологу, не взаимодействию субъектов, а воздействию субъекта политического управления на объект (аудиторию, подданных, граждан, общество, народные массы и т. д.). Для классической философии Нового времени были органически присущи субъект-объектные отношения, не

© Зайцев А. В., 2018

оставляющие поля для диалогического, то есть субъект-субъектного взаимодействия.

В то же самое время социальная философия Нового времени развивала политико-правовые теории общественного договора, гражданского общества и политической свободы. Введение Э. Гуссерлем категории «другой» подготовило почву для осмысления феномена интерсубъективности и «диалогического поворота» в социально-гуманитарных науках. К основным представителям философии диалога, возникшей в первой половине XX в., можно отнести таких мыслителей, как М. Бубер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси, Г. Марсель, Ф. Эбнер, Г. Эренберг, Э. Левинас, М. М. Бахтин и др.

Диалог всегда занимал и продолжает занимать особое место в жизни общества, выступая как гуманная альтернатива войне, насилию, террору, восстаниям, революциям и иным проявлениям вражды, нетерпимости, радикализма и экстремизма [6, с. 27-28]. Диалог государства и гражданского общества предполагает не просто информирование, а активное участие граждан в решении социально значимых общественно-политических проблем в процессе выработки решений и управления государством. Под таким диалогом понимается не разговор двух и более лиц по общественно-политической проблематике, а определенная конфигурация интерсубъективного взаимодействия в сфере публичной политики, основанная на принципах прозрачности, толерантности, открытости, понятности, делиберативности и симметричности дискурса между субъектами коммуникации.

В диалог государства и гражданского общества вовлечены не только институциональные субъекты, акторы или агенты политической коммуникации (государство, политические партии, политические лидеры, профессиональные политтехнологи, лоббисты и т. д.), но и рядовые граждане, формальные и неформальные общественные объединения «третьего сектора». Напрямую не связанные с политикой, как сферой борьбы за власть, они в настоящее время приобретают все более большее значение и роль в публичной политике.

Прежде казавшиеся утопическими нормативные идеи делиберативной демократии, равноправных PR и GR-коммуникаций в режиме диалога, в конце XX – начале XXI в. получили развитие и институционализацию в коммуникативных практиках «электронного правительства», «электронного государства», «электронной демократии», «электронного парламента» и т. д. В результате этих и других инновационных процессов организации гражданского общества постепенно признаются государствами в качестве равноправных партнеров по внутривнутриполитическому диалогу. Легитимация власти и легитимность принимаемых решений приобретают дискурсивное измерение, связанное с развитием диалоговых процедур и симметричных форматов интеракции государственных (властных) институтов и институтов гражданского общества, что находит институциональное закрепление в законах и других нормативно-правовых актах.

Отсутствие полноценного диалога государства и гражданского общества, эффективных механизмов обратной связи, лишают власть респонзивности, де-

лают ее ригидной, инертной, костной, далеко не всегда способной к своевременному реагированию на импульсы, сигналы и запросы, исходящие от рядовых граждан, социальных институтов и организаций гражданского общества. В итоге многие современные исследователи все чаще констатируют, что субъект-субъектные коммуникации в публичной сфере приобрели отчетливые признаки институционального взаимодействия между государственной властью и организациями «третьего сектора», в результате чего ряд таких устойчивых практик привел к появлению новых диалогических институций.

Институционализация (англ. Institutionalization; нем. Institutionalisierung) – это относительно длительный процесс возникновения, образования и адаптации в обществе устойчивых форм, образцов и моделей социального взаимодействия, общения, поведения и социальных отношений, закрепляемых как формально, так и с точки зрения неоинституциональной теории, то есть неформально. В то же время институциональная и особенно неоинституциональная методологии, призванные укреплять и развивать диалогические интеракции власти и социума в праксологическом контексте, еще слабо применимы в социогуманитарном в том числе социально-философском и политологическом знании. В современных социальных науках существует довольно пестрая картина в определении базовых фундаментальных понятий институциональной теории, включая даже такие концепты как «институт» и «институционализация». Еще менее разработана наукой проблема измерения уровня институционализации, как формального и неформального закрепления дискуссивных практик

диалогического взаимодействия между государством и гражданским обществом в сфере публичного пространства современной России. Данная статья является одной из первых попыток постановки и отчасти решения данной актуальной проблемы.

Конечным итогом относительно длительного процесса институционализации диалога государства и гражданского общества должно стать появление соответствующего института публичной политики. Институт диалога государства и гражданского общества – это результат исторически длительного процесса закрепления в социальной практике и в ходе институционализации разнообразных практик интересующего взаимодействия, коммуникации и дискурса этих двух макрополитических акторов. Институт диалога постепенно хабиитуализируется в процессе переговоров, партнерства, консультаций, экспертиз, дебатов, обсуждений, общественного контроля и других форм интеракции государства и гражданского общества в сфере публичной политики. В самом общем виде институт диалога представляет собой институционализированные практики двухстороннего продвижения, передачи и обмена социально-политической информацией между институтами государства и организациями гражданского общества. Однако, каким образом измерить уровень институционализации диалога, остается серьезной и, практически, не изученной проблемой.

В современной политической науке имеются различные подходы к разработке измерения институционализации [4, с. 95-126]. Так, например, большую популярность приобрел подход С. Хандингтона, применявшийся им к измерению институционализации по-

литического порядка и состоявший из четырех парных категорий для его сравнения [8, с. 34-37]:

- «адаптивность – ригидность»;
- «сложность – простота»;
- «автономность – зависимость»;
- «сплоченность – раздробленность».

Если одни авторы дополняют точку зрения С. Хандингтона новыми критериями, то другие – критикуют его за то, что он смешивает причины и следствия (В. Рэндэлл и Л. Свонд). При этом существует крайне широкий спектр мнений относительно критериев институционализации (Дл. Ловенберга, С. Пэттерсона, Дж. Коуплэнда, Д. Джаджа, А. Поне-бианко, С. Мэйуноринга, Т. Скалли, М. Куэнзи, Дж. Лембрайта и др.). Однако ни один из существующих подходов к измерению институционализации так и не получил всеобщего признания и поддержки [3, с. 73].

Следовательно, как зарубежным, так и российским исследователям до настоящего времени не удалось создать даже грубую метрическую шкалу институционализации. А задача «измерения степени институционального развития», как замечает О. И. Зазнаев, представляет собой наиболее «слабое место в институциональных дискуссиях» [2, с. 42-43; 3, с. 72-73]. Проблема заключается еще и в том, что каждый институт требует особых критериев для измерения степени или уровня его институционализации. Однако выработать применимую для всех институтов универсальную шкалу измерения практически невозможно.

Остается открытым вопрос не только о критериях измерения уровня или степени институционализации, но и о сроках завершения процесса институционализации и появления полноцен-

ного социального института общества в той или иной сфере [5, с. 40]. Но вместе с тем все новые и новые попытки выработки критериев измерения и оценки степени институционализации тех или иных институтов не прекращаются [1, с. 69-70]. В итоге большинство авторов все-таки сходятся на том, что в самом общем виде измерительную матрицу для институционального процесса можно представить в следующем виде:

- высокий уровень институционализации;
- средне высокий уровень институционализации;
- средний уровень институционализации;
- средне низкий уровень институционализации;
- низкий уровень институционализации.

Представляется, что данная оценочная система может быть использована в качестве горизонтальной флуктуационной шкалы для определения уровня институционализации диалога государства и гражданского общества. Однако, на наш взгляд, ее необходимо дополнить еще одним показателем: отсутствием институционализации. Что касается вертикальной шкалы, то здесь могут быть применены следующие критерии и признаки институциональной специфики диалога государства и гражданского общества:

- Инфузионность. Внедрение и закрепление в политической науке и практике концепта «диалог государства и гражданского общества».
- Системность. Существование разнообразных регулярных диалогических практик.
- Устойчивость. Появление в коммуникации все новых и новых каналов

и механизмов диалога, диалоговых площадок, форм и методов диалогических интеракций.

– Функциональность. Наличие ряда специфических функций, присущих диалогу государства и гражданского общества.

– Структурность. Наличие осложнено организованной структурной организации и инфраструктуры диалога государства и гражданского общества.

– Институциональный дизайн. Место диалога государства и гражданского общества в институциональном дизайне публичной политики.

– Дифференциальность. Внутренне дифференцированная, но единая типология диалога государства и гражданского общества.

– Автономность. Независимость / зависимость от интересов конкретных социальных акторов и субъектов политики.

– Технологичность. Использование диалога как политической технологии для снижения степени конфликтности во взаимодействии государства и общества.

– Нормативность. Наличие и разработка новых нормативно-законодательных актов в сфере коммуникации государства и гражданского общества.

Для выявления уровня институционализации диалога государства и гражданского общества в сфере публичной политики нами был проведен экспертный опрос, в ходе которого автором было проинтервьюировано 50 человек из числа членов Исследовательского комитета по гражданскому обществу и публичной политике Российской ассоциации политической науки. В ходе опроса эксперты имели возможность оценить каждый из 10 выработанных нами критериев уровня институционализации по шести-бальной шкале степени развитости данного критерия (включая полное его отсутствие). На основе доминирующего в общем количестве оценок были выведены усредненные показатели по каждому из предложенных критериев степени (уровня) институционализации, которые были систематизированы, обобщены и сведены в итоговую таблицу (См. таблицу 1).

Таблица 1

Оценка/критерии	Отсут. инст-ции	Низ. ур-нь	Ср. низ. ур-нь	Ср. ур-нь	Ср. выс. ур-нь	Выс. ур-нь
Инфузионность				+		
Системность			+			
Устойчивость			+			
Функциональность			+			
Структурность						
Институциональный дизайн		+				
Дифференциальность			+			
Автономность	+					
Технологичность				+		
Нормативность		+				

Как видно из вышеприведенной таблицы, диалог государства и гражданского общества в сфере публичной политики является социально-политическим институтом, находящимся на средне низком уровне институционализации.

Наиболее слабой позицией (отсутствии институционализации) оказалась автономность данного института, что, на наш взгляд, свидетельствует, прежде всего, о слабости коммуникативных ресурсов гражданского общества и о его зависимости от государства. Так же недостаточно развита нормативная база, определяющая и регулирующая диалоговые процедуры, место и роль диалога в институциональном дизайне публичной политики [2, с. 80]. Наш окончательный вывод заключается в том, что диалог государства и гражданского общества состоялся, хотя и находится все еще на начальной фазе институционализации.

Если же попытаться смоделировать дальнейший ход процесса институционализации диалога государства и гражданского общества в современной России, то, видимо, наиболее благоприятной моделью его закрепления в практике могло бы стать партнерское взаимодействие власти и общества. В случае развития ситуации в данном направлении, возможна реализация нескольких возможных вариантов этой модели и, соответственно, институционализации диалога.

Первая вариант – это государственная поддержка развития НКО или «модель садовника». Здесь в роли «садовника» должны будут выступить органы федеральной, региональной и местной власти. В процессе двухстороннего взаимодействия власть принимает законодательно-нормативные акты, спо-

собствующие зарождению и развитию массовых общественных организаций, как основы российского гражданского общества. В ходе этого процесса будет постепенно выстраиваться субъект-субъектная двухсторонняя обратная связь на основе институционализирующегося диалога общества и власти, инициируемая и поддерживаемая государством.

Второй вариант – это собственно социально-политическое партнерство во взаимодействии органов власти и самодельных общественных организаций, когда государство понимает важность существования сильного гражданского общества. При этом власть не пытается управлять (и командовать) гражданским обществом, а участвует в различных формах диалога с НКО, в том числе в формате переговорных площадок, форумов, слушаний и в других формах.

И, наконец, третья модель, «модель архитектора». В ходе ее возможного осуществления гражданское общество самостоятельно формирует публичную сферу дискурса, предлагая совместную с государством делиберацию решения определенных социально значимых проблем.

Это три наиболее благоприятных модели для развития партнерских отношений между властью и обществом, которое будет сопровождаться развитием между ними симметричной субъект-субъектной модели публичной и транспарентной коммуникации в ее диалоговом варианте.

Альтернативой этому курсу может стать другая модель в виде доминирования государства над обществом, встраивания его в государственную вертикаль власти и управления гражданским обществом на основе субъект-объектных отношений со стороны вла-

сти, созданием псевдиалоговых площадок и квазиобщественных организаций (ГОНГО, ПОНГО). В этом случае формальный диалог хотя и продолжится, но будет все более отчетливо приобретать черты парадialogа, а диалогизация общественных коммуникаций постепенно трансформируется в симуляцию диалога или даже в коммуникативный симулякр с ограниченной обратной связью. Еще более печальным может оказаться исход процесса институционализации диалога, в случае реализации варианта отсутствия взаимодействия, то есть полного прекращения двухсторонней коммуникации и игнорирования властью проблем гражданского общества и НКО.

Ну и наконец, самый наихудший вариант в коммуникации власти и общества – это переход от сотрудничества к конфронтации. В случае развития ситуации в русле этой теоретиче-

ски вполне допустимой модели, диалоговое взаимодействие и процесс институционализации диалога будут полностью свернуты, а ведущей и, по сути дела, единственной формой политической коммуникации государства и общества станет односторонний монолог, то есть пропаганда, манипуляции, внушение.

Поэтому, для того чтобы не допустить нежелательного развертывания событий по сценарию «цветных революций», органы власти и политического управления страны должны осознать риски, важность институционализации гражданского диалога и значимость механизмов обратной связи в сфере публичного дискурса, субъект-субъектного коммуникативного взаимодействия и делиберации государства с развивающимся гражданским обществом современной России.

Библиографический список

1. Завадская, М. А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследования [Текст] / М. А. Завадская // Политическая наука. – 2009. – № 3. – С. 56-70.
2. Зазнаев, О. И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты [Текст] / О. И. Зазнаев. – Казань : Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2006. – 374 с.
3. Зазнаев, О. И. Политическая институционализация: концептуальный анализ [Текст] / О. И. Зазнаев // Вестник Казанского государственного технологического университета им. А. И. Туполева. – 2005. – № 4. – С. 70-73.
4. Зайцев, А. В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ [Текст] / А. В. Зайцев. – Кострома : Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2014. – 446 с.
5. Зайцев, А. В. Структурность и полифункциональность институционального диалога государства и гражданского общества [Текст] / А. В. Зайцев // Власть. – 2011. – № 6. – С. 38-40.
6. Зайцев, А. В. Лингвополитология VS политическая лингвистика: возможен ли диалог? [Текст] / А. В. Зайцев // NB: Филологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 25-81.
7. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах [Текст] / С. Хантингтон. – М., 2004. – 480 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Zavadskaja, M. A. Problema izmerenija politicheskoj institucionalizacii: sovremennoe sostojanie issledovanija [Tekst] / M. A. Zavadskaja // Politicheskaja nauka. – 2009. – № 3. – S. 56-70.
2. Zaznaev, O. I. Poluprezidentskaja sistema: teoreticheskie i prikladnye aspekty [Tekst] / O. I. Zaznaev. – Kazan': Kazan. gos. un-t im. V. I. Ul'janova-Lenina, 2006. – 374 s.
3. Zaznaev, O. I. Politicheskaja institucionalizacija: konceptual'nyj analiz [Tekst] / O. I. Zaznaev // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. A. I. Tupoleva. – 2005. – № 4. – S. 70-73.
4. Zajcev, A. V. Institucionalizacija dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva: komparativnyj analiz [Tekst] / A. V. Zajcev. – Kostroma: Kostromskoj gosudarstvennyj universitet im. N. A. Nekrasova, 2014. – 446 s.
5. Zajcev, A. V. Strukturnost' i polifunkcional'nost' institucional'nogo dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva [Tekst] / A. V. Zajcev // Vlast'. – 2011. – № 6. – S. 38-40.
6. Zajcev, A. V. Lingvopolitologija VS politicheskaja lingvistika: vozmozhen li dialog? [Tekst] / A. V. Zajcev // NB: Filologicheskie issledovanija. – 2012. – № 1. – S. 25-81.
7. Hantington, S. Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah [Tekst] / S. Hantington. – M., 2004. – 480 s.

На Чуанлинь

Бай И

<https://orcid.org/0000-0002-5828-4320>

Исследование источников финансирования партии «Единая Россия»

Эта статья поддержана Фондом социальных проектов Китая «Партийное строительство в процессе модернизации современного государственного управления в России» (14BZZ006)

Аннотация. Финансовые фонды политических партий решают вопросы развития политических партий, финансирование партии непосредственно отражает ее работу. Финансирование современной партии «Единая Россия» основано на законе «О политических партиях», который был опубликован в 2001 г. и неоднократно корректировался. За основу был взят отчет о доходах и расходах партии «Единая Россия» за 2011-2016 гг., исследованы пожертвования корпорациями партии финансовых средств. В настоящее время доходы партии «Единая Россия» поступают в основном за счет пожертвований и государственной финансовой поддержки. Основными факторами, влияющими на финансовые средства партии, являются результаты выборов в Государственную Думу и пожертвования. В 2011 г. партия принадлежала к партии пожертвований. Вид финансовых доходов партии «Единая Россия» в 2012-2015 гг. из вида пожертвований превратился в вид государственной финансовой поддержки. В 2016 г. партия вновь стала партией пожертвований. Партия имеет большие пожертвования от корпораций и очень тесно связана с правительством и бизнесом.

Ключевые слова: партия «Единая Россия», финансирование партии, пожертвования от юридических лиц, источники партийного финансирования, политическая партия государственной финансовой поддержки, партия пожертвований.

Ch. Na, I. Bai

Research of sources of financing of «The United Russia» party

This article is a project of the Fund of social projects of China «Party building in the process of modernization of modern public administration in Russia» (14BZZ006)

Abstract. The financial funds of political parties decide the development of political parties, especially the Party funding directly reflect its work. Contemporary United Russia Parties' finance based on the law of «political parties» which published in 2001 and have being amended many times till now. To take 2011-2016 year's income and expenditure report of United Russia Party as the basis, the party's corporation donation of financial funds was discussed. Currently, United Russia Party's income comes mainly from donations and State's financial support. The main factors which influence the financial funds of the party is the results of the State Duma election and donation. In 2011, the party's revenue belonged to the donarion party. The financial income type of United Russia Party had turned from the type of donation into the type of State financial support in 2012-2015 year. In 2016, the party's revenue belonged to the donarion party

© На Чуанлинь, Бай И, 2018

again. The party has a big fixed corporation donation and is very closely related to government and business.

Keywords: «United Russia» party, party funding, corporate donations, the origin of party funding, political party of state financial aid, donation party.

Партия «Единая Россия», как крупнейшая политическая партия на современной российской политической арене, всегда является предметом постоянного внимания и исследования по видам деятельности. 4 декабря 2011 г. на выборах в Государственную Думу шестого созыва за «Единую Россию» проголосовало 49,32 % избирателей, и она претендовала на 238 депутатских места, а 18 сентября 2016 г., на выборах в Государственную Думу седьмого созыва за «Единую Россию» проголосовало 54,20 % избирателей, и она претендовала на 343 депутатских места. Партия «Единая Россия» остается не только крупнейшей политической партией в России, но и занимает доминирующее положение. Рост или снижение активности по видам деятельности тесно связаны с финансовым положением партии. В данной статье анализируются особенности источников партийного финансирования в период с 2011 по 2016 г. Основными методами исследования являются интерпретация текста и сравнительный анализ.

Концепция партийных средств

Существование и развитие любой политической партии должны быть тесно связаны с ее денежными средствами. Так называемые средства политической партии – это средства, необходимые для существования и функционирования политической партии (включая выборы).

В целом, источниками средств политической партии являются:

– Членские взносы. Члены партии должны заплатить определенную сумму денег за определенный период.

– Партийное имущество, то есть доходы, которые политическая партия получает от экономической деятельности, от управления движимым имуществом или недвижимостью.

– Пожертвования. Они могут исходить от физических лиц или юридических лиц. Чтобы избежать аномальных отношений между политическими кругами с бизнес-сообществом, законы во многих странах предусматривают условия и количество пожертвований.

– Государственные финансовые ассигнования. (Финансирование политической партии из федерального бюджета.) Поскольку проведение выборов неизбежно сопровождается расходами, во многих странах, согласно соответствующим законам и правилам, стороны, участвующие в выборах и получающие определенное количество голосов, могут получить определенную сумму государственных финансовых ассигнований.

В зависимости от источников финансирования, мы можем разделить партийное финансирование на следующие пять типов [1]:

– Партия членских взносов. Члены различных политических партий должны платить определенную сумму партийных сборов в соответствии с соответствующими регламентами партии. Более половины бюджета партии этого типа приносят взносы членов партии. До 1960-х гг. прошлого века доходы политических партий многих западноевропейских стран поступали от партийных членских взносов.

– Партия партийного имущества. Политическая партия имеет движимое

или недвижимое имущество и получает доходы от распоряжения этим имуществом. Более половины доходов партия этого типа партии получает от партийного имущества.

– Партия пожертвований. Более половины партийных сборов для этого типа политической партии приносят пожертвования физических или юридических лиц. Это крупные политические партии в США, Великобритании, Канаде и Японии.

– Партия государственных финансовых ассигнований. По результатам участия в выборах и нормативно-правовым актам более половины партийных сборов такого типа партии исходит от государственных финансовых ассигнований, например, во Франции, Австрии и Швеции.

– Партия смешанного происхождения доходов, то есть политическая партия, доходы которой разнообразны. Германские политические партии можно рассматривать как представителей этого типа.

Исходя из вышеуказанной концепции, мы проводим предварительное исследование источников финансирования политической партии «Единая Россия».

Источники партийных средств в федеральном законе «О политических партиях»

В законе «О политических партиях» РФ содержатся конкретные правовые положения об источниках, условиях и корпоративных пожертвованиях политических партий.

После обретения Россией независимости в 1991 г. развитие российских партий в период президентства Ельцина было беспорядочным. Чтобы регулировать строительство политических партий в процессе государственного управления в России, в первый прези-

дентский срок В. В. Путина 11 июля 2001 г. Россия обнародовала федеральный закон «О политических партиях», в который по состоянию на 5 декабря 2017 г. было внесено 43 изменения [8]. В настоящее время согласно положениям пункта 1 статьи 29 российского закона «О политических партиях» определены следующие источники финансирования политических партий: а) вступительные и членские взносы, если их уплата предусмотрена уставом политической партии; б) средства федерального бюджета, предоставляемые в соответствии с настоящим Федеральным законом; в) пожертвования; г) поступления от мероприятий, проводимых политической партией, ее региональными отделениями и иными структурными подразделениями, а также доходов от предпринимательской деятельности; д) поступления от гражданско-правовых сделок; е) другие не запрещенные законом поступления [8].

Условия финансирования политических партий из федерального бюджета

В соответствии с положениями пункта 5 статьи 33 российского закона «О политических партиях» российские политические партии имеют право на получение средств федерального бюджета в следующих случаях: а) если федеральный список кандидатов, выдвинутый политической партией на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, получил по результатам выборов не менее 3 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании по федеральному избирательному округу; в) если зарегистрированный кандидат на должность Президента Российской Федерации, выдвинутый политической партией, получил по результатам выборов не менее 3 % голо-

сов избирателей, принявших участие в голосовании [8].

Каким образом национальная финансовая поддержка будет получена политическими партиями, отвечающими этому требованию на выборах? В соответствии с положениями пункта 6 статьи 33, поправками от 19 декабря 2016 г. и впоследствии вступившими в силу с 1 января 2017 г., государственное финансирование политических партий, принимавших участие в выборах и подпадающих под действие пункта 5 настоящей статьи, осуществляется: а) по результатам выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – ежегодно в размере ста пятидесяти двух рублей, умноженных на число голосов избирателей, полученных федеральным списком кандидатов, выдвинутых политической партией. Проще говоря, после того как партия в выборах получила не менее 3 % от общего количества голосов избирателей, она может получить национальную финансовую помощь в размере 152 рублей за голос, умноженную на количество избирателей на думский срок; б) по результатам выборов Президента Российской Федерации – одновременно в размере двадцати рублей, умноженных на число голосов избирателей, полученных выдвинутым политической партией зарегистрированным кандидатом на должность Президента Российской Федерации [8]. Проще говоря, после того, как выдвинутый политической партией кандидат на должность Президента Российской Федерации получил на выборах не менее 3 % от общего количества голосов избирателей, партия может получить одновременную национальную финансовую поддержку в размере 20 рублей за го-

лос, умноженную на количество избирателей.

В первом абзаце пункта 7 статьи 33 закона «О политических партиях» России также предусматривается, что с 1 января 2006 г. и до 1 января года, следующего за годом проведения первых после 1 января 2006 г. выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, государственное финансирование политических партий, входивших в состав избирательного блока и подпадающих под действие пункта 5 настоящей статьи, осуществляется ежегодно в размере пяти рублей, умноженных на число голосов избирателей, полученных федеральным списком кандидатов, выдвинутым избирательным блоком, или кандидатами, выдвинутыми избирательным блоком и избранными в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации по одномандатным избирательным округам в соответствии с подпунктом «б» пункта 5 настоящей статьи. Проще говоря, после получения мест в Государственной Думе, участвуя в выборах Государственной Думы через одномандатный избирательный округ, политическая партия может получить государственную финансовую помощь в размере 5 рублей за голос, умноженную на число избирателей на думский срок [8].

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что условия и количество финансовой помощи, получаемой политическими партиями от государства, зависят от следующих трех пунктов:

После того как партия в выборах получила не менее 3 % от общего количества голосов избирателей, она может получить национальную финансовую помощь в размере 152 рублей за

голос, умноженную на количество избирателей на думский срок.

После того как выдвинутый политической партией кандидат на должность Президента Российской Федерации получил на выборах не менее 3 % от общего количества голосов избирателей, партия может получить единовременную национальную финансовую поддержку в размере 20 рублей за голос, умноженную на количество избирателей.

Политические партии, участвующие в выборах в Государственную Думу через одномандатный избирательный округ и занимающие место в Государственной Думе, могут получить государственную финансовую помощь в размере 5 рублей за голос, умноженную на количество избирателей на думский срок.

**Положение о пожертвованиях
от юридических лиц в законе
«О политических партиях»
Российской Федерации**

Условия и объем пожертвований физических и юридических лиц политическим партиям ограничены законом «О политических партиях».

В соответствии со статьей 30 закона «О политических партиях» общая сумма ежегодных пожертвований наличных денежных средств от одного физического лица не должна превышать четыре тысячи триста тридцать рублей и не допускаются пожертвования политической партии и ее региональных отделений от: а) иностранных государств и иностранных юридических лиц; б) иностранных граждан; в) лиц без гражданства; г) граждан Российской Федерации, не достигших возраста 18 лет; д) российских юридических лиц с иностранным участием, если доля (вклад) иностранного участия в их уставном капитале превышает 30 % на

день внесения пожертвования; е) международных организаций и международных общественных движений; ж) органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления; з) государственных и муниципальных учреждений, государственных и муниципальных унитарных предприятий; и) юридических лиц, в уставном капитале которых доля (вклад) Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и (или) муниципальных образований превышает 30 % на день внесения пожертвования; к) воинских частей, военных организаций, правоохранительных органов; л) благотворительных организаций и религиозных объединений, а также от учрежденных ими организаций; м) анонимных спонсоров, н) юридических лиц, зарегистрированных менее чем за один год до дня внесения пожертвования [8]. Если пожертвование осуществляется не в виде денежных средств, в соответствии с положениями, указанными в пунктах 8 и 9 настоящей статьи, сумма пожертвований, полученных политической партией, в том числе ее региональными отделениями, от одного юридического лица в течение календарного года, не должна превышать сорок три миллиона триста тысяч рублей. Сумма пожертвований, полученных политической партией, в том числе ее региональными отделениями, от одного физического лица в течение календарного года, не должна превышать четыре миллиона триста тридцать тысяч рублей. Общая сумма ежегодных пожертвований, полученных политической партией и ее региональными отделениями, не должна превышать четыре миллиарда триста тридцать миллионов рублей. При этом сумма ежегодных пожертвований, полученных региональным отделением

политической партии, не должна превышать восемьдесят шесть миллионов шестьсот тысяч рублей.

Согласно положениям статей 34 и 35 закона «О политических партиях», политическая партия должна регистрировать ведомость доходов и расходов, а соответствующие проекты по доходам и расходам должны в установленном законом порядке проходить аудит. Политическая партия должна представлять ведомость доходов и расходов в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации [8]. Отчет об избирательных расходах соответствующей политической партии официально утверждается Центральной избирательной комиссией Российской Федерации.

Источники финансирования партии «Единая Россия» в 2011-2016 гг.

Партия «Единая Россия», которая была создана 1 декабря 2001 г. в форме объединения движения «Единство», избирательных блоков «Отечество – вся Россия» и «Наш дом – Россия» при поддержке Путина, как политическая партия со значительным влиянием на российской политической арене, четыре раза участвовала в выборах в Государственную думу с 2003 по 2016 г. По сводным финансовым отчетам, которые партия «Единая Россия» передала Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с 2011 по 2016 г., мы можем видеть детали финансовых доходов и расходов партии.

Источники поступления средств партии «Единая Россия» в 2011 г.

В 2011 г. денежные поступления, полученные партией «Единая Россия», составили 3 млрд 957 млн 811 тыс. 607 рублей. Источники денежных поступлений: 1. Членские взносы составили 163 млн 215 тыс. 49 рублей.

2. Финансирование из федерального бюджета составило 894 млн 284 тыс. 820 рублей. 3. Добровольные пожертвования всего – 2 млрд 867 млн 409 тыс. 637 рублей, из которых 2 млрд 794 млн 101 тыс. 817 рублей поступило в установленном законом порядке. Сумма законных пожертвований, полученных партией «Единая Россия» от юридических лиц, составила 2 млрд 755 млн 645 тыс. 958 рублей, от физических лиц – 38 млн 455 тыс. 859 рублей. 4. Доходы от предпринимательской деятельности – 961 тыс. рублей. 5. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 15 млн 875 тыс. 421 рубль. 6. Другие поступления, не запрещенные законом, были в размере 16 млн 65 тыс. 680 рублей [2].

В 2011 г. имущественные поступления партии «Единая Россия» были на сумму 247 млн 590 тыс. 697 рублей, в том числе пожертвования в размере 27 млн 38 тыс. 414 рублей, и все они были сделаны юридическими лицами.

Сумма имущественных пожертвований была пересмотрена. Стоимость имущества, которая возвращена жертвователям из-за несоблюдения соответствующих законов или перечислена в доход РФ, составила 122 млн 693 тыс. 854 руб. [2].

Исключая пожертвования несоответствующие закону, общий доход партии «Единая Россия» за счет денежных и имущественных поступлений в 2011 г. составил 4 млрд 82 млн 708 тыс. 450 рублей.

Источники финансирования партии «Единая Россия» в 2012 г.

В 2012 г. финансирование партии «Единая Россия» в виде денежных средств составило 3 млрд 805 млн 603 тыс. 302 рубля. Источники денежных поступлений: 1. Членские взносы составили 150 млн 640 тыс. 422 рубля.

2. Финансирование из федерального бюджета составило 2 млрд 585 млн 350 тыс. 840 рублей. 3. Добровольные пожертвования всего – 1 млрд 43 млн 27 тыс. 116 рублей, из которых 986 млн 152 тыс. 730 рублей поступило в установленном законом порядке. Сумма законных пожертвований, полученных партией «Единая Россия» от юридических лиц, составила 964 млн 284 тыс. 707 рублей, от физических лиц – 21 млн 868 тыс. 23 рубля. 4. Доходы от предпринимательской деятельности – 2 млн 607 тыс. 813 рубля. 5. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 13 млн 682 тыс. 722 рубля. 6. Другие поступления, не запрещенные законом, были в размере 10 млн 294 тыс. 339 рублей [3].

В 2012 г. имущественные поступления партии «Единая Россия» были на сумму 234 млн 225 тыс. 283 рубля, в том числе пожертвования в размере 4 млн 46 тыс. 90 рублей, из которых 2 млн 603 тыс. 300 рублей поступило в установленном законом порядке. Сумма пожертвований от юридических лиц составила 2 млн 538 тыс. 650 рублей, от физических лиц – 64 тыс. 650 рублей. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 230 млн 179 тыс. 193 рубля. Другие поступления, не запрещенные законом, составили 0 рублей [3].

Стоимость имущества, которая возвращена жертвователям из-за несоблюдения соответствующих законов или перечислена в доход РФ, составила 67 млн 459 тыс. 738 рублей [3].

Исключая пожертвования, несоответствующие закону, общий доход партии «Единая Россия» за счет денежных и имущественных поступлений в 2012 г. составил 3 млрд 972 млн 368 тыс. 847 рублей.

Источники финансирования партии «Единая Россия» в 2013 г.

В 2013 г. финансирование партии «Единая Россия» в виде денежных средств составило 2 млрд 710 млн 968 тыс. 949 руб. Источники денежных поступлений: 1. Членские взносы составили 170 млн 972 тыс. 554 рубля. 2. Финансирование из федерального бюджета составило 1 млрд 707 млн 609 тыс. 127 руб. 3. Добровольные пожертвования всего – 716 млн 286 тыс. 209 руб., из которых 688 млн 626 тыс. 994 руб. поступило в установленном законом порядке. Сумма законных пожертвований, полученных партией «Единая Россия» от юридических лиц, составила 648 млн 578 тыс. 786 руб., от физических лиц – 40 млн 48 тыс. 208 руб. 4. Доходы от предпринимательской деятельности – 855 тыс. 729 рубля. 5. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 86 млн 361 тыс. 169 руб. 6. Другие поступления, не запрещенные законом, были в размере 19 млн 884 тыс. 161 руб. [4].

В 2013 г. имущественные поступления партии «Единая Россия» были на сумму 311 млн 991 тыс. 885 руб., в том числе пожертвования в размере 10 млн 530 тыс. 559 рублей, из которых 10 млн 359 тыс. 559 руб. от юридических лиц, а от физических лиц – 171 тыс. руб. и все они соответствовали закону. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 301 млн 437 тыс. 496 руб. Другие поступления, не запрещенные законом, составили 23 тыс. 830 руб.

Стоимость имущества, которая возвращена жертвователям из-за несоблюдения соответствующих законов или перечислена в доход РФ, составила 84 млн 889 тыс. 740 руб. [4].

Исключая пожертвования, несоответствующие закону, общий доход пар-

тии «Единая Россия» за счет денежных и имущественных поступлений в 2013 г. составил 2 млрд 929 млн 71 тыс. 94 руб. [4]

Источники финансирования партии «Единая Россия» в 2014 г.

В 2014 г. финансирование партии «Единая Россия» в виде денежных средств составило 3 млрд 441 млн 704 тыс. 261 руб. Источники денежных поступлений: 1. Членские взносы составили 184 млн 564 тыс. 194 руб. 2. Финансирование из федерального бюджета составило 1 млрд 793 млн 70 тыс. 512 руб. 3. Добровольные пожертвования всего – 1 млрд 412 млн 536 тыс. 984 руб., из которых 1 млрд 323 млн 275 тыс. 291 руб. поступило в установленном законом порядке. Сумма законных пожертвований от юридических лиц составила 1 млрд 259 млн 268 тыс. 652 руб., от физических лиц – 64 млн 6 тыс. 639 руб. 4. Доходы от предпринимательской деятельности – 3 млн 166 тыс. 864 руб. 5. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 41 млн 902 тыс. 973 руб. 6. Другие поступления, не запрещенные законом, были в размере 6 млн 462 тыс. 734 руб. [5].

В 2014 г. имущественные поступления партии «Единая Россия» были на сумму 276 млн 86 тыс. 245 руб., в том числе пожертвования в размере 2 млн 194 тыс. 139 руб., из которых 1 млн 690 тыс. 139 руб. от юридических лиц, а от физических лиц – 504 тыс. руб. и все они соответствовали закону. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 273 млн 892 тыс. 100 руб. Другие поступления, не запрещенные законом, составили 6 руб. [5].

Стоимость имущества, которая возвращена пожертвователям из-за несоблюдения соответствующих законов

или перечислена в доход РФ, составила 99 млн 810 тыс. руб. [5].

Исключая пожертвования, несоответствующие закону, общий доход партии «Единая Россия» за счет денежных и имущественных поступлений в 2014 г. составил 3 млрд 617 млн 980 тыс. 506 руб.

Источники финансирования партии «Единая Россия» в 2015 г.

Серьезное изменение количества средств федерального бюджета, полученных политическими партиями, оказывает важное влияние на источники финансирования для политических партий России в 2015 г. Согласно поправке к закону «О политических партиях», который вступил в силу с 1 января 2015 г., политическая партия, которая в выборах получила не менее 3 % от общего количества голосов избирателей, может получить национальную финансовую помощь с первоначальных 20 рублей с 2011, 50 руб. с 2012 г. за голос до 110 рублей за голос.

В 2015 г. источники финансирования партии «Единая Россия» в виде денежных средств составили 5 млрд 187 млн 693 тыс. 255.06 руб. Источники денежных поступлений: 1. Членские взносы составили 227 млн 591 тыс. 401.48 руб. 2. Финансирование из федерального бюджета составило 3 млрд 560 млн 891 тыс. 70 руб. 3. Добровольные пожертвования всего – 1 млрд 193 млн 149 тыс. 636.04 руб., из которых 1 млрд 72 млн 306 тыс. 9 руб. поступило в установленном законом порядке. Сумма законных пожертвований от юридических лиц составила 936 млн 112 тыс. 916.78 руб., от физических лиц – 136 млн 193 тыс. 92.22 руб. 4. Доходы от предпринимательской деятельности – 643 тыс. 900.06 руб. 5. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 189 млн 75 тыс.

507.04 руб. 6. Другие поступления, не запрещенные законом, были в размере 14 млн 341 тыс. 740.44 руб. [6].

В 2015 г. имущественные поступления партии «Единая Россия» были на сумму 385 млн 788 тыс. 144.76 руб., в том числе пожертвования в размере 749 тыс. 510 руб., и все они от физических лиц, соответствовали закону.

Поступления от гражданско-правовых сделок составили 385 млн 38 тыс. 643.76 руб. Другие поступления, не запрещенные законом, составили 0 руб.

Стоимость имущества, которая возвращена жертвователям из-за несоблюдения соответствующих законов или перечислена в доход РФ, составила 180 млн 157 тыс. 178.04 руб.

Исключая пожертвования, несоответствующие закону, общий доход партии «Единая Россия» за счет денежных и имущественных поступлений в 2013 г. составил 5 млрд 393 млн 324 тыс. 221.78 руб. [6].

Источники финансирования партии «Единая Россия» в 2016 г.

В 2016 г. финансирование партии «Единая Россия» в виде денежных средств составило 5 млрд 187 млн 693 тыс. 255.06 руб. Источники денежных поступлений: 1. Членские взносы составили 170 млн 972 тыс. 554 рубля. 2. Финансирование из федерального бюджета составило 3 млрд 560 млн 891 тыс. 70 руб. 3. Добровольные пожертвования всего – 4 млрд 283 млн 835 тыс. 530.34 руб., из которых 4 млрд 77 млн 958 тыс. 717.30 руб. поступило в установленном законом порядке. Сумма законных пожертвований, полученных партией «Единая Россия» от юридических лиц, составила 3 млрд 923 млн 281 тыс. 368.20 руб., от физических лиц – 154 млн 677 тыс. 349.10 руб. 4. Доходы от предприниматель-

ской деятельности – 1 млн 936 тыс. 290.78 руб. 5. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 144 млн 291 тыс. 390.36 руб. 6. Другие поступления, не запрещенные законом, были в размере 15 млн 534 тыс. 878.25 руб. [7].

В 2016 г. имущественные поступления партии «Единая Россия» были на сумму 714 млн 890 тыс. 623.38 руб., в том числе пожертвования в размере 56 млн 514 тыс. 362 руб., все они от юридических лиц, и соответствовали закону. Поступления от гражданско-правовых сделок составили 658 млн 376 тыс. 261.38 руб. Другие поступления, не запрещенные законом, составили 0 руб.

Стоимость имущества, которая возвращена жертвователям из-за несоблюдения соответствующих законов или перечислена в доход РФ, составила 315 млн 706 тыс. 940.04 руб.

Исключая пожертвования, несоответствующие закону, общий доход партии «Единая Россия» за счет денежных и имущественных поступлений в 2016 г. составил 7 млрд 914 млн 694 тыс. 103.27 руб. [7].

Государственная финансовая помощь и пожертвования от юридических лиц в источниках партии «Единая Россия»

Главные источники средств для «Единой России» – это в основном поступления из федерального бюджета и пожертвования от юридических лиц. Согласно сводным финансовым отчетам, переданным партией «Единая Россия» Центральной избирательной комиссии Российской Федерации с 2011 по 2016 г.

Поступление партии «Единая Россия» средств из федерального бюджета в 2011 г. составило 894 284 820 рублей. В 2012 г. партия «Единая Россия» по-

лучила из федерального бюджета 2 585 350 840 рублей. В этом году одной из причин, по которой партия «Единая Россия» получила больше средств федерального бюджета, чем в 2011 г., и также больше, чем в 2013 и 2014 гг., является то, что финансовая поддержка избирательных бюллетеней, выигранных партией на выборах в Государственную Думу, была скорректирована с 20 рублей за один бюллетень до 50 рублей. Кроме того, Путин, кандидат в президенты, рекомендованный партией «Единая Россия», участвовал в федеральных выборах в 2012 г. и выиграл более 3 % голосов, партия получила единовременное национальное финансирование в размере 20 рублей за голос, умноженное на количество избирателей. Поступление партии «Единая Россия» средств из федерального бюджета в 2013 г. составило 1 707 609 127 рублей. В 2014 г. партия «Единая Россия» получила из федерального бюджета 1 793 070 512 руб., а в 2015 г. – 3 560 891 070 руб., в 2016 г. та же самая сумма, что и в 2015 г.

Причиной, по которой сумма средств из федерального бюджета в 2015 и 2016 гг. снова изменилась, является то, что в соответствии с пересмотренными положениями закона «О политических партиях» финансовая поддержка избирательных бюллетеней, полученных на выборах в Государственную Думу 14 октября 2014 г., была скорректирована до 110 рублей за голос.

Пожертвования от юридических лиц в источниках партии «Единая Россия»

Какие отношения с капиталом имеет партия «Единая Россия»? Требуется детальное изучение законных пожертвований от юридических лиц в источниках партии. Пожертвования от юри-

дических лица, полученные партией, состоят из двух частей: денежные пожертвования и безналичные пожертвования (значения конвертируются в рубль). Согласно данным о законных пожертвованиях от юридических лиц, перечисленных в сводном финансовом отчете, представленном Центральной избирательной комиссией Российской Федерации партией «Единая Россия» с 2011 по 2016 г., пожертвования от юридических лиц, не соответствующие закону, возвращены или переданы в Государственное казначейство.

В 2011 г. денежные пожертвования от юридических лиц партии «Единая Россия» составили 2 755 645 958 руб. Безналичные пожертвования от юридических лиц составили 27 038 414 руб. 260 юридических лиц пожертвовали более 400 000 руб., из которых самая высокая сумма пожертвования – 49 491 944 руб. Юридические лица, пожертвовавшие менее 400 000 рублей, не указаны.

В 2012 г. денежные пожертвования от юридических лиц партии «Единая Россия» составили 964 284 707 руб. Безналичные пожертвования от юридических лиц составили 2 538 650 руб. 132 юридических лиц пожертвовали более 400 000 руб. из которых самая высокая сумма пожертвования – 50 млн руб. (в них включается 6,7 млн руб., не в соответствующих требованиям законодательства). Юридические лица, пожертвовавшие менее 400 000 рублей, не указаны.

В 2013 г. денежные пожертвования от юридических лиц партии «Единая Россия» составили 648 578 786 руб. Безналичные пожертвования от юридических лиц составили 10 359 559 руб. 117 юридических лиц пожертвовали более 300 000 руб., из которых самая высокая сумма пожертвования –

33 259 925 руб. Юридические лица, пожертвовавшие менее 300 000 рублей, не указаны.

В 2014 г. денежные пожертвования от юридических лиц партии «Единая Россия» составили 1 259 268 652 руб. Безналичные пожертвования от юридических лиц составили 1 690 139 руб. 193 юридических лиц пожертвовали более 300 000 руб., из которых самая высокая сумма пожертвования – 61,5 млн руб. (в них включаются 2,2 млн руб., не соответствующих требованиям законодательства). Юридические лица, пожертвовавшие менее 300 000 рублей, не указаны.

В 2015 г. денежные пожертвования от юридических лиц партии «Единая Россия» составили 936 112 916,78 руб. Безналичные пожертвования от юридических лиц составили 0 руб. 375 юридических лиц пожертвовали более 300 000 руб., из которых самая высокая сумма пожертвования – 40 млн руб. (в них включаются 2 млн руб., не соответствующих требованиям законодательства). Юридические лица, пожертвовавшие менее 300 000 рублей, не указаны.

В 2016 г. денежные пожертвования от юридических лиц партии «Единая Россия» составили 3 923 281 368,20 руб. Безналичные пожертвования от юридических лиц составили 56 514 362 руб. 619 юридических лиц пожертвовали более 300 000 руб., из которых самая высокая сумма пожертвования – 45 млн руб. (в них включаются 1,7 млн руб., не соответствующих требованиям законодательства). Юридические лица, пожертвовавшие менее 300 000 рублей, не указаны.

Сводный финансовый отчет «Единой России» (2011-2016 гг.) показывает, что юридические лица, пожертвовавшие партии, состоят из двух частей:

Первая часть состоит из общественного фонда поддержки всероссийской политической партии «Единая Россия», региональных общественных фондов и общественных фондов поддержки партии «Единая Россия» разных субъектов федерации, и все они являются некорпоративными юридическими лицами. Цель этих юридических лиц – собирать деньги и средства для партии «Единая Россия». Наибольшее количество пожертвований в 2011 г. было собрано Псковским региональным общественным фондом поддержки партии «Единая Россия». Наибольшее количество пожертвований в 2013 г. было собрано общественным фондом поддержки Всероссийской политической партии «Единая Россия». Но в 2015 г. эти некоммерческие юридические лица больше не фигурируют в списке пожертвователей со взносами более 300 000 рублей.

Вторая часть в основном состоит из юридических лиц. В 2012 г. наибольшее количество пожертвований сделано было обществом с ограниченной ответственностью «Мытищинская база нефтепродуктов», зарегистрированном в Московской области. В 2014 г. наибольшее количество пожертвований сделано гостиничным комплексом, зарегистрированным в Республике Коми. В 2015 г. наибольшее количество пожертвований сделано было компанией «Концерн монарх», зарегистрированной в Москве.

С 2011 по 2016 г. корпоративных юридических лиц, которые пожертвовали более 10 миллионов рублей партии «Единая Россия», в 2011 г. их было 30, в 2012 г. – 8, в 2013 г. – 2, в 2014 г. – 17, в 2015 г. – 23, а в 2016 г. – 115.

В 2011 и 2016 гг. партия «Единая Россия» получила наибольшее количество пожертвований от юридических лиц, поскольку эти два года были годом

выборов в Госдуму России. Однако сумма корпоративных пожертвований, полученных партией в 2016 г., была намного выше суммы корпоративных пожертвований, полученных в 2011 г.

Изменения в финансировании политической партии «Единая Россия» (2011-2016)

С 2011 по 2016 г., после выборов шестой Государственной Думы, статус финансирования партии «Единая Россия» значительно изменился.

Согласно расчетам автора, основанном на сводном финансовом отчете, переданном Центральной избирательной комиссии Российской Федерации партией «Единая Россия», на денежные пожертвования от юридических лиц в 2011 г. приходилось 70,94 % от денежных доходов. Государственная помощь составила 68,97 % ее денежных доходов в 2012 г., в 2013 г. – 63,85 %, а в 2014 г. – 53,49 %. В 2015 г. государственная финансовая помощь составила 70,28 % ее денежных доходов, а в 2016 г. корпоративные денежные пожертвования составили 50,82 % годовых доходов.

Неденежные пожертвования от юридических лиц с 2011 по 2016 г. не представляли собой фундаментального значения в доле дохода партии «Единая Россия». Неденежные пожертвования от юридических лиц составили соответственно 10,92 % от их доходов в 2011 г., в 2012 г. – 1,09 %, в 2013 г. – 3,32 %, в 2014 г. – 0,61 %, в 2015 г. – 0 %, а в 2016 г. всего было 7,91 %.

Выводы

После предварительного исследования доходов и расходов партии «Единая Россия» (2011-2016 гг.) автор сделал следующие выводы:

Согласно источникам финансирования партия «Единая Россия» в 2011 г.

относилась к типу партий пожертвований со стороны. С 2012 по 2015 г. партия «Единая Россия» превратилась в политическую партию государственного финансового ассигнования. Главной причиной, влияющей на ее доходы, явился результат выборов в шестую Государственную Думу. Однако на выборах в Госдуму 2016 г. партия снова стала партией пожертвований с точки зрения финансирования. Сумма пожертвований (наличных и имущество), внесенных в 2011 г., составила 71,92 % от общих доходов. В 2011 г. «Единая Россия» относилась к партии пожертвований. Однако после выборов шестой Государственной Думы России доходы в основном зависели от федерального бюджета, доля доходов от государства в 2012 г. составляла 69,16 %, в 2013 г. – 65,25 %, в 2014 г. – 53,65 %, и в 2015 г. – 71,11 %. Поскольку финансовая помощь от государства уже составила более половины общего дохода партии, с 2012 по 2015 г. партия «Единая Россия» в основном относилась к типу политической партии государственного финансового ассигнования. Однако на выборах в Государственную Думу в 2016 г. корпоративные пожертвования (денежные средства и имущество) составили 50,28 % от ее общего дохода, «Единая Россия» снова стала партией пожертвований.

Три наиболее важных фактора влияют на объем государственного финансирования в источниках средств партии «Единая Россия» (2011-2016). Прежде всего, результат выборов в Госдуму в 2011 г. напрямую повлиял на количество источников (2011-2016) финансирования для партии «Единая Россия», так как положения закона «О политических партиях» о размере финансирования каждого голоса избирателей непосредственно влияли на количество государ-

ственного финансирования, полученно-го партией «Единая Россия». Во-вторых, результат президентских выборов 2012 г. в России также оказал значительное влияние на объем государственной финансовой помощи, которую партия получила в этом году. В-третьих, пересмотр соответствующих положений закона «О политических партиях» напрямую повлиял на объем источников (2011-2016) финансирования для партии «Единая Россия». С 1 января 2009 г., согласно закону «О политических партиях», государственный бюджет России ежегодно выделяет партии 20 рублей, умноженных на число голосов избирателей, полученных федеральным списком кандидатов, выдвинутым политической партией, и полученное на выборах количество голосов не должно быть менее 3 % от общего количества голосов избирателей. С 1 декабря 2012 г. эта сумма была скорректирована с первоначальных 20 рублей до 50 рублей. 14 октября 2014 г. эта сумма была увеличена до 110 рублей, с 19 декабря 2016 г. – до 152 рублей.

Бюджет партии «Единая Россия» (2011-2016) пополнялся большими суммами от юридических лиц, что свидетельствует о том, что российские коммерческие круги имеют тесные связи с партией «Единая Россия». В 2011 г. – в год выборов в Думу, общая сумма денежных средств и других форм пожертвований, полученных партией в соответствии с законом, соста-

вила 2 821 140 231 руб. А в 2016 г. – в год выборов в Думу общая сумма денежных средств и других форм пожертвований, полученных партией в соответствии с законом, составила 3 979 795 730.20 руб. В другие годы сумма пожертвования также была очень высока. Эти цифры показывают, что в российских бизнес-кругах существует устойчивая экономическая мощь для поддержки партии «Единая Россия», но что это за специфические отношения между политическими и деловыми кругами? Необходимо дальнейшее уточнение и изучение.

Для любой политической партии проблема источников финансирования имеет решающее значение, и партия «Единая Россия» не является исключением. В качестве «правящей партии» – партии, поддерживаемой Путиным, и партии, поддерживающей Путина, доходы партии зависели от результатов выборов в Госдуму и пожертвований от юридических лиц в 2011-2016 гг. Партия поддерживается как бизнес-сообществом, так и государством. Поскольку партия «Единая Россия» является «партией режима», которая поддерживает Президента, она сама по себе является важной частью современной российской политической системы, созданной Путиным с момента его вступления в должность, поэтому ее статус в России, как крупнейшей партии, в краткосрочной перспективе непоколебим.

Библиографический список

1. Лю Шоуган, Хао Юхуа Финансовая основа партийной политики – сравнительный анализ типов финансирования политических партий [Текст] // Журнал Шанхайского университета финансов и экономики. – 2008. – Декабрь. – С. 17-18. (на кит. яз.)
2. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Средства политической партии. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet11/EDINAYA.PDF. – (Дата обращения: 19.12.2018).

3. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Средства политической партии. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet12/EDINAYA.PDF. – (Дата обращения: 19.12.2018).
4. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Средства политической партии. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet13/EDINAYA.PDF. – (Дата обращения: 19.12.2018).
5. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Средства политической партии. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet4/EDINAYA.PDF. – (Дата обращения: 19.12.2018).
6. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Средства политической партии. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet15/EDINAYA.PDF. – (Дата обращения: 19.12.2018).
7. Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Средства политической партии. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet16/EDINAYA.PDF. – (Дата обращения: 19.12.2018).
8. Федеральный закон «О политических партиях». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991>. – (Дата обращения: 19.12.2018).

Bibliograficheskij spisok

1. Lyu SHougan, Hao YUHua. Finansovaya osnova partijnoj politiki – sravnitel'nyj analiz tipov finansirovaniya politicheskikh partij [Tekst] // ZHurnal SHanhajskogo universiteta finansov i ehkonomiki. – 2008. Dekabr'. – S. 17-18. (na kit. yaz.)
2. Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii, Sredstva politicheskij partii. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet11/EDINAYA.PDF. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
3. Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii, Sredstva politicheskij partii. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet12/EDINAYA.PDF. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
4. Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii, Sredstva politicheskij partii. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet13/EDINAYA.PDF. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
5. Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii, Sredstva politicheskij partii. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet4/EDINAYA.PDF. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
6. Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii, Sredstva politicheskij partii. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet15/EDINAYA.PDF. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
7. Oficial'nyj sajt Central'noj izbiratel'noj komissii Rossijskoj Federacii, Sredstva politicheskij partii. – URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet16/EDINAYA.PDF. – (Data obrashhenija: 19.12.2018).
8. Federal'nyj zakon «O politicheskij partijah». – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102071991>.

В. И. Пефтиев

<https://orcid.org/0000-0001-6367-7651>

Глобальная политэкономия: интерпретация феномена

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости и возможности становления новой отрасли знаний – глобальная политэкономия. Она отвечает потребности в выявлении вековых трендов, анализе причин и последствий системного кризиса глобализации, в утверждении универсальных ценностей (без забвения уникальных), императиву интегративных знаний и усвоению достижений лингвистического поворота в социо-гуманитарных науках.

Систематизированы основные проявления новой экономической реальности (НЭР) и ее вызовы. Показаны основные направления рекомбинации межгосударственных альянсов. Отмечены особенности сегментации мировых рынков. Сформулированы авторские гипотезы относительно глобальной политэкономии, ее истоков и составных частей, места в глобалистике.

Ключевые слова: глобальная политэкономия, системный кризис, интегративные знания, иноязычный текст, рекомбинация межгосударственных альянсов, сегментация мировых рынков.

V. I. Peftiev

Global political economy: interpretation of the phenomenon

Abstract. The article is devoted to substantiation of necessity and possibility of formation of a new branch of knowledge – global political economy. It meets the need to identify age-old trends, analyze the causes and consequences of the systemic crisis of globalization, to assert universal values (without forgetting the unique ones), the imperative of integrative knowledge and the assimilation of the achievements of the linguistic turn in the social Sciences and Humanities.

The main manifestations of the new economic reality (NER) and its challenges are systematized. The main directions of recombination of interstate alliances are shown. Features of segmentation of the world markets are noted. The author's hypotheses concerning the global political economy, its origins and components, and its place in globalism are formulated.

Keywords: global political economy, systemic crisis, integrative knowledge, foreign language text, recombination of interstate alliances, segmentation of world markets.

Введение

Замысел статьи возник накануне 100-летия Октября – нелегитимного переворота, получившего статус революции и мирового события XX в. после победы большевиков в гражданской войне и социалистического экспе-

римента со спорными итогами. Нас не интересуют личности Октября и Советского Союза, наша головная боль – в чем невыученные уроки Октября с проекцией от прошлого к будущему России, назовем их.

– Не вступать в мировые войны по соображениям, кажущимся вескими. Единственное оправдание – защита отечества от внешних агрессоров; борьба с международным терроризмом допускает участие в военных акциях на дальних подступах к границам России.

– Не доводить конфликты интересов до революции (хаос, разруха, гибель миллионов, смуты в головах). Реформы всегда лучше «войны классов», поколений, с соседями.

– Никогда не прибегать к кровавому насилию, геноциду собственных народов.

– Избегать обострения бедности и неравенства.

В этом главный вывод книги Т. Пикетти «Капитал в XXI веке», второй шедевр после «Капитала» К. Маркса [15]. XX век подтвердил значимость вековых трендов для анализа перспектив и ретроспективы; отсюда проистекает первое содержательное обоснование феномена «глобальная политэкономия».

Настоящее чревато кардинальными сдвигами:

– движение к катастрофам континентального или вселенского масштабов;

– поиск компромиссов по глобальным проблемам современности (климат, бедность, экология, терроризм, разоружение и пр.);

– перманентная конфронтация мировых лидеров, политических систем и моделей, цивилизаций со вспышками ксенофобии, национализма, радикализма.

Тотальная неопределенность и повышенные риски сопровождают нас повсюду. Такой турбулентный контекст имеет второе обоснование – системный кризис глобализации, озвученный нами еще в 2009 г. [11]. Этот вывод удержи-

вает нас от апологии глобализации, ибо в этом нелинейном и противоречивом процессе задействованы шансы, вызовы и угрозы, что раскалывает мировое сообщество на оптимистов, скептиков и пессимистов.

Политэкономия возникла как конфликтно-компромиссное взаимодействие власти и капитала. С беспокойством, безразличием или гневом воспринимает население действия основных агентов общества.

Не забудем и то, что политэкономия в лице прародителей (меркантилистов, начало XVI в.) обязана своими достижениями коммерсантам и банкирам, государственным деятелям и людям науки. И она, сохраняя национальную самобытность, защищала универсальные ценности: торговый баланс, как инструмент государственного регулирования внешней торговли; кругооборот доходов и стимулирование внутреннего спроса; зависимость денежного обращения от реальной экономики; поворот в сторону производства и распределения богатства.

На фоне системного кризиса глобализации политэкономия вытесняется из национальных ниш, ей предстоит заниматься наднациональными темами, интегрируя геэкономiku и геополитику, отсюда и акцент на глобальность политэкономии. Истоки этой миссии политэкономии коренятся в ее родословной [3, 4, 8, 12].

И последнее обоснование глобальной политэкономии находим в интегративных знаниях и в лингвистическом повороте в социогуманитарных науках. Глобальная политэкономия опирается на понимание иноязычного текста, который многолик. Понимание иноязычного текста относится к явлениям и понятиям наивысшего класса сложно-

сти из-за пересечения с философией, психологией и языкознанием.

В одной из текущих публикаций осуществлен экспресс-анализ высказываний грандов европейской журналистики (The Economist, le Monde, le Figaro) относительно «новичков» в геополитике (Д. Трамп и Э. Макрон), которые предстают как «свой-чужой» для разной аудитории. Обращено внимание на неполные знания контекста и невнимание к языковой палитре политической риторики в эпоху постмодерна.

Налицо четыре тренда: словесная агрессия перемещается из Европы в США; дефицит политиков эпохального масштаба; политическая риторика заслушивает здравые суждения и компромиссные идеи политиков, экспертов и ученых; полярная оценка политиков-новичков [7, 14, 20].

Глобальная политэкономия – порождение первой четверти XXI в. Ее содержание, границы и контекст формируются под воздействием совокупности объективных факторов и субъективных обстоятельств. Прежде всего, речь идет о новой экономической реальности (НЭР).

Системный кризис глобализации (ведущий признак – асимметричность взаимозависимости) не мог не сказаться на переменах в конфигурациях межгосударственных альянсов. Появились новые претенденты на лидерство в геэкономике и геополитике. Возрастает значение медиаполитики: она является пространством создания власти (М. Кастельс).

Наблюдается взаимное притяжение между политической властью, глобальным капиталом (ТНК) и теоретической экономикой. Глобальная политэкономия – проект незавершенный, хотя глобализация уже перешагнула младенче-

ский возраст. Идея незавершенности как вековой тренд фигурирует в трудах многих философов и историков, например, Ю. Хабермаса [18].

Политэкономия отстает от эволюции своего объекта и предмета исследования. И, тем не менее, глобальная политэкономия является в потенции выходом из системного кризиса, ответом на вызовы современности, посткризисным творением. В ее генезисе и становлении участвуют самостоятельные действующие лица со своими целевыми установками. Отсюда и сложность самого высокого порядка в достижении исторического компромисса.

Единство в реализации сверхзадачи не исключает, а порой и предполагает, различия позиций теоретиков и практиков, экономистов и политиков, власти и бизнеса. После краткой презентации проблемного поля тезисно сформулируем авторские размышления по основным рубрикам.

Новая экономическая реальность и ее вызовы

НЭР – это феномен, имеющий и сторонников, и противников в научном сообществе. Для нас НЭР относится к разряду фактов, обновляющих профессиональный язык экономистов и политиков, бизнеса и науки. Неологизм «новая экономическая реальность» доминировал на юбилейном Петербургском экономическом форуме (16-18 июня 2016 г.) НЭР относится к феноменам еще без полнокровной концептуализации.

НЭР – это пролог эпохи тотальной неопределенности и повышенных рисков. Накопление свидетельств подрыва устойчивости мирового хозяйства фиксируется на рубеже XX–XXI вв. Точкой невозврата к старому порядку стал мировой финансово-экономический кри-

зис 2008-2009 гг. Из-за неопределенности и рисков теряется доверие к цифрам, оценкам и прогнозам международных организаций, рейтинговых агентств, аналитических центров.

НЭР – это итог спонтанной и руково­д­ствен­ной деятельности хозяйствующих субъектов (от мега – и до миниэкономки) с разнонаправленной динамикой и неупорядоченным множеством (повсюду приметы хаоса). Хаос, по канонам синергетики, свидетельствует о переходности переживаемого момента всемирной истории. Самое трудное впереди – выявление точек бифуркации в эволюции хаоса от тотальной неопределенности к элементам какого-то порядка.

Артикуляция НЭР еще далека от завершения, поэтому каждый видит новое в миропорядке через увеличительное стекло. Для одних главное в НЭР видится в тотальной неопределенности и в повышенных рисках. Отсюда происходят такие политические аномалии как Brexit, победа Д. Трампа на выборах в США, президент Франции в миссии спасителя Европы и др. Другие наблюдают и измеряют углубление разрыва и динамике доходов от труда и капитала (Т. Пикетти).

Антиглобалисты объясняют мировые катаклизмы (гражданские войны, геноциды в Африке, наплыв мигрантов в Европу) бесчеловечностью глобального капитала. Третьих волнуют низкие темпы экономического роста как новая «норма» в долгосрочной перспективе.

Тезис о IV промышленной революции и VI технологическом укладе входит весомым компонентом в концепцию НЭР. Он означает, с одной стороны, очередное подтверждение роли знаний в экономике и завуалированный

отказ от концепции постиндустриализма – с другой. В перечне научных приоритетов – знания о жизни, человеке и Земле.

Компетентный подход к знаниям (плюс умения, навыки, опыт) реализуется с особым успехом в высоких технологиях. Восстанавливают достойное место в хозяйственной жизни промышленности, ее авангардные отрасли – роботы, композитные материалы, атомная энергетика, фармацевтика, возобновляемая энергетика и др.

НЭР – это длительная и в чем-то застойная вялость мировой экономики и как следствие низкие темпы роста ВВП как «норма» (Т. Пикетти). В этом сгустке перемен проявляются негативные тренды текущего десятилетия. К ним относим в первую очередь монетарный допинг в виде количественного смягчения.

НЭР знаменует собой наложение друг на друга кризисов разной природы, продолжительности и последствий: циклы Жугляра, Кузнеца, Кондратьева; суперцикл в 30-35 лет в нефтегазовом комплексе; вековые тренды. Модификации процесса волатильности столь непонятны, что пессимисты назвали происходящее в экономической науке как «теория кризисов в кризисе».

Санкции превратились в постоянно действующий инструмент глобальной конкуренции с конкретными адресами получателей коммерческих выгод, сверхдоходов, монопольных преимуществ. Национальные ТНК США, ЕС освобождаются на деле и де юре от обязательств по соблюдению антимонопольного законодательства. Санкции теряют свою эффективность (к ним адаптируются), но они сохраняются политиками для поддержания «холодной войны» в усеченном варианте.

НЭР означает и замешательство с выбором доктринальных установок экономической стратегии. Неoliberalизм теряет свои позиции в ранге мейнстрима, но и неопротекционизм сопряжен с многочисленными издержками. Взаимное ослабление доктринальных оппонентов усиливает третью сторону – неоинституционализм в стадии обновления благодаря инициативам и бизнеса, и государства через государственно-частное партнерство, конструктивный диалог власти и бизнеса.

Рекомбинация межгосударственных альянсов

Новая реальность в геоэкономике и геополитике обнаруживает себя в рекомбинации межгосударственных альянсов и коалиций. США сохраняют статус сверхдержавы, лидера в мире, но без гегемонии. Да и лидерство за пределами Атлантики и в отдельных сферах ускользает из-за становления региональных центров с глобальными амбициями. Отдельные политические «бесприданницы» (Украина) пытаются использовать кризис своей государственности для получения дополнительных выгод от противостояния между США, ЕС, с одной стороны, и Россией – с другой.

Группа БРИКС находится в стратегической обороне и занята неотложными внутренними проблемами (Бразилия, ЮАР и, отчасти, Россия).

Политические конфликты в Сирии, на Украине, на наш взгляд, попадают в разряд «замороженных» от 3-5 лет и до жизни одного поколения, то есть без движения вперед и отката назад, даже при условии прекращения вооруженного противостояния.

Системный кризис в Евросоюзе – очевидность, реальность, факт. Ясны внутренние и внешние факторы его

возникновения (Brexit, массовая миграция, «неуживчивое сожительство» «старожилов» и «новичков», долги, финансы и др.) Главное в другом: как дальше будет развиваться кризис? Что следует учесть России во взаимоотношениях с ЕС?

Марк и Екатерина Энтины выносят на обсуждение научного сообщества и властных структур свои рекомендации по конструированию отношений Евросоюза и России на среднесрочный период. Исходные тезисы таковы:

- Будущее ЕС вариативно.
- России пора переходить от деклараций и готовности к сотрудничеству на детализацию идей, подготовку модельных законов и инициатив на проработку 5-6 проектов стратегического сотрудничества.

- В налаживании взаимодействия должны участвовать российские и евразийские эксперты через свои профессиональные организации [19].

Сказанное выше заслуживает внимания и поддержки.

Большая Евразия (без Японии и Южной Кореи) – это сердцевина северного полушария Земли. На этом субконтиненте функционируют межгосударственные альянсы с разными «свидетельствами о рождении», неодинаковым составом, несовпадающими интересами и целями (G20, ШОС, БРИКС, АТЭС и др.). В них активно участвует и Россия. Полагаем, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) может быть драйвером Большой Евразии.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) – это новая ступень экономико-политической интеграции в недрах СНГ: Таможенный союз (Россия, Беларусь, Казахстан) плюс Армения и Киргизия. Ему предстоит вобрать в себя

достижения ЕС, не повторять его ошибок (старых и новых). Заслуга ЕАЭС состоит в собирании бывших советских республик на позитивной программе: развитие взаимной торговли, выравнивание отдельных макроэкономических индикаторов, создание цепочек формирования добавленной стоимости, организация коллективной безопасности внутри региона и его границ с соседями.

В АТР идет поиск моделей экономической интеграции. Модель Форума АТЭС нацелена на постепенное формирование зоны свободной торговли с элементами общего рынка. Вызревают и иные центры влияния и силы («мягкой» и «жесткой»). Они находятся в «тени», не афишируют свои амбиции. В обозримом будущем там могут появиться очаги притяжения-отталкивания, новые претенденты на участие в мировом пространстве (Турция, Иран, Саудовская Аравия, Египет, Кения, Уганда, Ангола, гиганты Латинской Америки и др.).

О мегатреугольнике США-Китай-Россия – споры, полемика, дискуссии. На время отвлечемся от них и озвучим, на наш взгляд, самые проницательные прогнозы.

В. Т. Третьяков (МГУ) определил отношения США – Россия как экзистенциальные несовместимые. Запомним мечту на вырост российского политолога – создать пояс нейтральных государств в Европе (Финляндия, Чехия, Словакия, Венгрия, Австрия и др.) [17].

Россия – Китай называют свое взаимодействие стратегическим партнерством. Партнерство двух мировых держав-соседей по определению и различению конкретных интересов не может быть безоблачным: сказываются и

самобытность идеологии, культуры, традиций.

Оппоненты стратегическому партнерству предрекают России статус младшего партнера. В глобальном прогнозе ИМЭМО «Мир 2035» высказаны сомнения в достижении Китаем мирового лидерства к середине 30-х гг. XXI в.; главная преграда – бремя внутренних противоречий и социально-экономические дисфункции в экономике и обществе [1].

Итак, к концу второго десятилетия XXI в. мир снова оказался по перепаху. Старый миропорядок разваливается, а новый – в эмбриональном состоянии, часто под обломками и в агрессивной среде. Осмысление происходящего относится и к миссии глобальной политэкономии. Рекомбинация межгосударственных альянсов, приведет ли она к миропорядку без войн и политики силы?

Возникающий полицентризм – это хаос или движение к единству, при сохранении суверенитета больших и малых наций? Что возобладает в конечном счете: глобализация (после выхода из системного кризиса) или регионализация (с обособлением мегарегионов, континентов)?

Каков будет окончательный баланс приобретений и потерь от многовекторности в геоэкономике и геополитике? Россия по экономической мощи – крупная региональная держава, но ее интересы глобальны. В этом ее сила и слабость, это противоречие надлежит снять. Как и когда? Многоточие...

Сегментация мировых рынков

Мировые рынки комбинируют политико-экономический подход с макроэкономическим анализом комплексов. Материалы рубрики вступают в конфликт с постулатом о единстве мирово-

го пространства, к чему приведет глобализация. По каждому мировому рынку подходим с оговоркой о тенденции к сегментации (чаще всего де факто, а иногда и де юре – ОПЕК).

Сегментация мировых рынков (в авторской интерпретации) – это: а) автономность без обособления, самоизоляции; б) самодостаточность с размерной взаимозависимостью; в) институциональное многообразие при надзоре международных регуляторов (МВФ, ВБ, ВТО, G20, ОПЕК плюс).

Сегментация прослеживается по политико-экономическому статусу таких мировых рынков, как энергоносители, экспорт вооружений и военной техники, финансовые рынки, рейтинги ТНК и др.

Политико-экономический ранг нефтегазового комплекса (НГК) и рынков энергоносителей поражает своей многоликостью и полифункциональностью.

Сбалансированная и безопасная энергетика пополнила список глобальных проблем современности. Энергоносители выступают и как факторы производства, и как товары. Нефть и газ имеют конкурентов в лице альтернативных энергоносителей. Нефтегазовому комплексу организационно и технологически присуще тяготение к вертикальной интеграции. Рынки нефти и газа сочетают свойства естественной монополии и олигополии. Чистые доходы имеют признаки ренты и прибыли. Нефть и газ выступают как инструмент геэкономии и геополитики (например, «Северный поток-2»).

Договоренности ОПЕК плюс помогают управлять динамикой спроса и предложения на сырую нефть и нефтепродукты.

ОПК – комплекс особенный, в чем-то даже уникальный: финансируем из национального (федерального) бюджета с множеством секретных статей; автономен по организации и технологиям; заказчиком выступает военное ведомство; его изделия нуждаются в постоянном совершенствовании. Не всем странам по ресурсам и умению содержать ОПК и быть серьезным конкурентом на мировых рынках. Закон о санкциях США против России от 2 августа 2017 г. имеет своей очевидной целью ослабление российского ОПК и сдерживание «Оборонэкспорта». На текущую 6-летку ОПК России столкнется с внутренними ограничениями: снижение бюджетных ассигнований; выпуск гражданской продукции и двойного назначения; переориентация на новые направления.

Финансовые рынки относят нас к образу Sagrada Família в Барселоне, то есть архитектурному сооружению незавершенному и с непонятным замыслом. Он вовлекает нас в дискуссии (затухающие и возобновляемые) о природе и судьбе денег.

Финансы – это денежные ресурсы в системе общественного воспроизводства, но и фонды, дающие сверхдоходы его владельцу (государству, банкам и компаниям, гражданам). Финансы – это предметная (профессиональная) деятельность, вызывающая восхищение и ажиотаж одних агентов рынка и проклятия других. Всеобщий переполох вызывает и финансовый «кентавр» – криптовалюты (протоденьги).

Транснациональные корпорации (ТНК) – один из субъектов глобализации первого плана. Потенциал ТНК сопоставим с ресурсами и ВВП среднеразвитого государства (до 10 млн населения). В интересах ТНК учре-

ждаются трансконтинентальные партнерства и зоны свободной торговли, применяются экономико-политические, секторальные и персональные санкции.

Рейтинги ТНК («FT» и «Forbes») нацеливают аналитиков, экспертов, ученых, самих фигурантов на анализ изменений в структуре международного бизнеса. ТНК как авангард глобального капитала продвигает за пределами ОЭСР («золотой миллиард») свою деловую культуру, практики общения [10].

Корпорации вводят в обращение новые термины, например, решортинг (возвращение капитала и производств из-за границы в страну базирования) [9].

Авторские гипотезы

Хаотичная глобализация (текущее состояние) – это мир жесткий, многомерный, щедрый на возможности и угрозы. Отсюда проистекают вопросы-загадки для политиков, бизнесменов и ученых. И ответы на них – в гипотезах, предположениях, версиях.

Политэкономия возникла запоздало (начало XVI в.) как преднаука (прото-наука) для европейского континента в образе меркантилизма, и даже французская школа физиократии явилась прологом к учению о всеобщности товара, ячейки богатства любой нации. До маржинализма Европа воспринимала постулаты А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля как универсальные ценности.

Глобализация – пусть и незавершенная, нелинейная, противоречивая – нуждается в глобальной политэкономии для адекватного понимания новой экономической реальности (НЭР) и ее вызовов. Очевидно, что она (глобальная политэкономия) зарождается на

линии соприкосновения геоэкономики и геополитики.

Но кто окажется ее *pater familias*: бизнес, политика или наука? Кто выигрывает соревнование доктрин? Полагаем, что не – Запад, но локализация затруднена. В корпусе будущей глобальной политэкономии, надеемся, найдут свое скромное место феномены асимметричной взаимозависимости, суверенной экономической политики, рекомбинации межгосударственных альянсов, сегментации мировых рынков, смены лидеров в мегарегионах и др.

Глобальная политэкономия обязана быть открытой для новых веяний в науках и не отвергать частичную конвергенцию в концепциях, то есть интегративной по самой глубокой сущности.

Автор усматривает три источника и три составные части глобальной политэкономии (без римейка, аналогии известной работой В. И. Ленина). Источниками глобальной политэкономии, на наш взгляд, могут быть: 1) геоэкономика; 2) геополитика и 3) политическая психология (плюс отдельные концепты из политологии, философии, социологии). К текущему моменту просматриваются контуры трех составных частей (предметных знаний):

– гражданские войны и этнополитические конфликты (Сирия, Ирак, Йемен, Ливия, Украина, Судан и др.);

– трансформация экономики и общества с возникающими рынками: общее, особенное, уникальное;

– глобальная конкуренция, ТНК, сегментация мировых рынков (энергоносителей, вооружений, ценных бумаг, криптовалют и др.).

В этом контексте глобальная политэкономия предстает как ветвь гло-

балистики, порождения интегративных знаний. У нее множество корней (идеально подходит метафора – ризома, понятие из биологии растений). Она еще не познана должным образом (своеобразная «вещь в себе» на языке философии), но предвидим ее благополучное будущее.

Библиографический список

1. Байков, А., Дундич, А. Большие тренды мирового развития: экспертный взгляд через двадцатилетие [Текст] / А. Байков, А. Дундич // МЭ и МО. – 2018. – № 5. – С. 110-116.
2. Бауэр, В. П., Побываев, С. А., Сильвестров, С. Н. Блокчейн как дополнительная реальность: от гипотезы к основам теории и практики [Текст] / В. П. Бауэр, С. А. Побываев, С. Н. Сильвестров // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 1. – С. 20-32.
3. Бланки, Ад. История политэкономии в Европе [Текст] / Ад. Бланки ; пер с фр. – СПб., 1864. – 402 с.
4. Гловели, Г. История экономических учений [Текст] : учебное пособие / Г. Гловели. – М. : Юрайт, 2015. – 777 с.
5. Григорьев, Л. М. Два дискурса в российской экономической науке [Текст] / Л. М. Григорьев // Вопросы экономики. – 2017. – № 9. – С. 135-157.
6. Громько, Ал. А. Европейские исследования дилеммы универсальности и уникальности [Текст] / Ал. А. Громько // Современная Европа. – 2017. – № 9. – С. 6-17.
7. Ерохина, Т. И., Хрящева, И. А., Захарова, М. И. Модус пограничности в современном гуманитарном знании [Текст] / Т. И. Ерохина, И. А. Хрящева, М. И. Захарова // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 3. – С. 233-239.
8. История экономических учений [Текст] : учебное пособие. – М. : ИНФРА-М., 2000. – 784 с.
9. Кондрашов, В. Решортинг как форма реиндустриализации [Текст] / В. Кондрашов // МЭ и МО. – 2017. – № 9. – С. 54-65.
10. Мосейко, А. Н., Харитонов, Е. В. Деловая культура в российско-африканских отношениях [Текст] / А. Н. Мосейко, Е. В. Харитонов // Азия и Африка сегодня – 2017. – № 11. – С. 44-49.
11. Новикова, А. М., Пефтиев, В. И. Нефтегазовый комплекс в контексте глобализации / А. М. Новикова, В. И. Пефтиев. – Ярославль : ЯГПУ, 2009. – 131 с.
12. Пефтиев, В. И. Забытые экономисты XIX века [Текст] / В. И. Пефтиев. – Ярославль : ЯГПУ, 2011. – 174 с.
13. Пефтиев, В. И. Либеральный этатизм в России: контуры феномена [Текст] / В. И. Пефтиев // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 68-72.
14. Пефтиев, В. И., Титова, Л. А. Подходы к пониманию иноязычного текста в коммуникационном пространстве «свой-чужой» [Текст] // В. И. Пефтиев, Л. А. Титова // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль. – 2018. – № 4. – С. 227-232.
15. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке [Текст] / Т. Пикетти. – М. : Ad МARGINEL Пресс, 2016. – 592 с.

16. Потапова, С. Ю., Родбертус, М. М. Фактор Трампа в немецкоязычной прессе [Текст] / С. Ю. Потапова, М. М. Родбертус // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. – № 2. – С. 41-42.
17. Третьяков, В. Т. США и Россия при Трампе и Путине [Текст] / В. Т. Третьяков // Полис. – 2017. – № 6. – С. 128, 132-133.
18. Хабермас, Ю. Политические работы [Текст] / Ю. Хабермас ; пер. с нем. – М. : Практис, 2003. – С. 30-31.
19. Энтин, М., Энтина, Е. К конструированию отношений между Россией и ЕС [Текст] / М. Энтин, Е. Энтина ; Совр. Европа. – 2017. – № 5. – С. 16-26.
20. Яковлев, П. Я. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации [Текст] / П. Я. Яковлев // МЭ и МО. – 2017. – № 7. – С. 5-14.

Bibliograficheskij spisok

1. Bajkov, A., Dundich, A. Bol'shie trendy mirovogo razvitiya: ehkspertnyj vzglyad cherez dvadcatiletie [Текст] / A. Bajkov, A. Dundich // МЕИ и МО. – 2018. – № 5. – С. 110-116.
2. Bauehr, V. P., Pobuvaev, S. A., Sil'vestrov, S. N. Blokchejn kak dopolonitel'naya real'nost': ot gipotezy k osnovam teorii i praktiki [Текст] / V. P. Bauehr, S. A. Pobuvaev, S. N. Sil'vestrov // EHkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. – 2018. – № 1. – С. 20-32.
3. Blanki, Ad. Istoriya politehkonomii v Evrope [Текст] / Ad. Blanki ; per s fr. – SPb., 1864. – 402 s.
4. Gloveli, G. Istoriya ehkonomicheskikh uchenij [Текст] : uchebnoe posobie / G. Gloveli. – М. : YUrajt, 2015. – 777 s.
5. Grigor'ev, L. M. Dva diskursa v rossijskoj ehkonomicheskoy nauke [Текст] / L. M. Grigor'ev // Voprosy ehkonomiki. – 2017. – № 9. – С. 135-157.
6. Gromyko, Al. A. Evropejskie issledovaniya dilemmy universal'nosti i unikal'nosti [Текст] / Al. A. Gromyko // Sovremennaya Evropa. – 2017. – № 9. – С. 6-17.
7. Erohina, T. I., Hryashcheva, I. A., Zaharova, M. I. Modus pogranchnosti v sovremennom gumanitarnom znanii [Текст] / T. I. Erohina, I. A. Hryashcheva, M. I. Zaharova // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 3. – С. 233-239.
8. Istoriya ehkonomicheskikh uchenij [Текст] : uchebnoe posobie. – М. : INFRA-M., 2000. – 784 s.
9. Kondrashov, V. Reshorting kak forma reindustrializacii [Текст] / V. Kondrashov // МЕИ и МО. – 2017. – № 9. – С. 54-65.
10. Mosejko, A. N., Haritonov, E. V. Delovaya kul'tura v rossijsko-afrikanskih otnosheniyah [Текст] / A. N. Mosejko, E. V. Haritonova // Aziya i Afrika segodnya – 2017. – № 11. – С. 44-49.
11. Novikova, A. M., Peftiev, V. I. Nefregazovyy kompleks v kontekste globalizacii / A. M. Novikova, V. I. Peftiev. – YAroslavl' : YAGPU, 2009. – 131 s.
12. Peftiev, V. I. Zabytye ehkonomisty XIX veka [Текст] / V. I. Peftiev. – YAroslavl' : YAGPU, 2011. – 174 s.
13. Peftiev, V. I. Liberal'nyj ehtatizm v Rossii: kontury fenomena [Текст] / V. I. Peftiev // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2013. – Т. 1. – № 3. – С. 68-72.

14. Peftiev, V. I., Titova, L. A. Podhody k ponimaniyu inoyazychnogo teksta v kommunikacionnom prostranstve «svojchuzhoj» [Tekst] / V. I. Peftiev, L. A. Titova // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – YAroslavl'. – 2018. – № 4. – S. 227-232.
15. Piketti, T. Kapital v XXI veke [Tekst] / T. Piketti. – M. : Ad Marginel' Press, 2016. – 592 s.
16. Potapova, S. YU., Rodbertus, M. M. Faktor Trampa v nemeckoyazychnoj presse [Tekst] / S. YU. Potapova, M. M. Rodbertus // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. – 2017. – № 2. – S. 41-42.
17. Tret'yakov, V. T. SSHA i Rossiya pri Trampe i Putine [Tekst] / V. T. Tret'yakov // Polis. – 2017. – № 6. – S. 128, 132-133.
18. Habermas, YU. Politicheskie raboty [Tekst] / YU. Habermas ; per. s nem. – M. : Praktis, 2003. – S. 30-31.
19. EHntin, M., EHntina, E. K konstruirovaniyu otnoshenij mezhdru Rossiej i ES [Tekst] / M. EHntin, E. EHntina ; Sovr.Evropa. – 2017. – № 5. – S. 16-26.
20. YAkovlev, P. YA. «Faktor Trampa» i menyayushchij oblik globalizacii [Tekst] / P. YA. YAkovlev // MEH i MO. – 2017. – № 7. – S. 5-14.

Л. Г. Батракова

<https://orcid.org/0000-0003-2356-3511>

**Экономические интересы и экономические отношения
в сфере образования**

Аннотация. Даны понятия «экономический интерес» и «экономические отношения», показаны экономические отношения в сфере образования на сторонах спроса и предложения образовательных услуг, выявлены противоречия экономических интересов в сфере образования

Ключевые слова: экономический интерес, экономические отношения, спрос и предложение, противоречия

ECONOMICS

L. G. Batrakova

Economic interests and economic relations in education

Abstract. Given the notion of «economic interest» and «economic relations», showing economic relations in education on the sides of the supply and demand of educational services, contradictions of economic interests in education

Keywords: economic interest, economic relations, supply and demand, contradictions

К трактовке сущности понятия «интересы» исследователи обращались с давних времен. Древнегреческие философы Демокрит (ок. 460-370 до н. э.), Аристотель (384-322 до н. э.), Кар Лукреций (99-55 гг. до н. э.) в своих произведениях уделяли большое внимание сущности человеческой природы, а также мотивации деятельности человека. Их заслугой является то, что они начали обосновывать поступки людей исходя из потребностей и интересов, отказавшись от религиозной концепции развития общества. Так, Аристотель под интересами понимал обуслов-

ленное природой человека стремление к благу [3].

В средневековый период мотивацию поступков людей объясняли их интересами. Итальянский мыслитель и политический деятель Никколо Макиавелли (1469-1527 гг.) рассматривал «материальный интерес» как главную движущую силу истории. Именно в столкновении материальных интересов он видел причину борьбы между бедными и богатыми. В своей работе «Государь» он писал: «Люди скорее забудут смерть отца, чем лишение имущества».

В XVII столетии проблема интересов стала волновать не только философов, но и социологов, психологов, экономистов. По мнению Иммануила Канта (1724-1804) и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770-1831), интерес – это реальная причина деятельности социальных субъектов, лежащая в основе непосредственных побуждений, идей, действий, определяющаяся положением и ролью этих субъектов (индивидов, социальных групп) в системе общественных отношений [10].

В Современном толковом словаре (1997) записано, что интерес (от лат. interest – имеет значение, важно) [9]:

– в социологии – реальная причина социальных действий, лежащая в основе непосредственных побуждений – мотивов, идей и т. п. – участвующих в них индивидов, социальных групп;

– в психологии – отношение личности к предмету как к чему-то для нее ценному, привлекающему.

Французскими материалистами XVIII в. и представителями английской классической политической экономии впервые было выдвинуто положение о том, что среди мотивов человеческой деятельности определяющую роль играет экономический интерес.

По мнению известного шотландского экономиста и философа, основоположника классической школы политэкономии Адама Смита (1723-1790) людьми движут собственные интересы. Он так писал о мотивации предпринимателей: «Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и говорим им вовсе не о наших нуждах, а об их выгодах» [8, с. 17].

Как коммерческий термин «интерес» возник в средние века и означал возмещение ущерба. В конце XIX в. словом «интерес» обозначалась выгода для кредитора и стоимость пользования денежными средствами для заемщика. В немецком Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (ЭСБЕ) (1898) записано, что «интерес обозначает выгоду или пользу отдельного лица или известной совокупности лиц, противопологаемые выгоде и пользе других лиц».

Представители марксистской теории политической экономии для объяснения мотивации людей при капитализме использовали категорию «экономический интерес». Субъектами экономических интересов являются отдельные индивиды, домохозяйства, коллективы (группы) людей, общество в целом, а объектами – экономические блага (вещественные товары, услуги, информация и т. п.).

Среди экономистов нет единства в определении сущности экономических интересов. Экономический интерес определяют как осознанную потребность, мотив, стимул, отношение субъекта к самому себе.

В современной экономической теории экономический интерес связывают с понятиями «выгода», «выбор», «максимализм», «рациональность». Например, люди совершают такие действия, которые приносят им наибольшую выгоду. Общим для определений является то, что речь идет о движущих силах, которые побуждают субъектов к трудовой и хозяйственной деятельности, направленной на эффективное развитие производства, определяя при этом их поведение.

Сформулируем следующее определение – экономический интерес – это

объективно-субъективная категория, представляющая собой такую характеристику экономического положения субъектов, которая показывает уровень осознания того, какие возможности они имеют для улучшения или ухудшения их экономического положения и какой мере эти возможности они могут использовать.

Экономические интересы общества могут быть классифицированы по разным критериям:

- по важности: главные, первоочередные; второстепенные;

- по временным признакам: текущие; перспективные;

- по объектам: имущественные; финансовые; интеллектуальные и т. п.;

- по степени осознания: действительные; кажущиеся, мнимые;

- в зависимости от возможностей реализации: реальные; утопические.

- по территориальному признаку: муниципальные; региональные; национальные; межгосударственные; общечеловеческие (глобальные);

- по субъектам рыночного хозяйства: домашние хозяйства, предприниматели, государство.

Хозяйствующие субъекты имеют специфические экономические интересы: у домашних хозяйств они обращены на максимизацию общей полезности с учетом цен и доходов; у предпринимателей – на максимизацию прибыли, снижение затрат и повышение конкурентоспособности; у государства – на реализацию нужд общества.

Экономические интересы принято делить на:

- личные или частные, связанные с индивидуальными потребностями домашних хозяйств. Содержание и особенности личных интересов определя-

ются формой собственности, в сфере которой трудится работник, его положением как свободного или наемного труженика;

- групповые или коллективные, выражающие необходимость удовлетворения потребностей групп населения, предприятий, организаций, всех тех, кто объединен этим общим интересом;

- общественные, представляющие потребности общества в целом, всего государства;

- общечеловеческими.

В последних двух отражаются национальные, государственные, классовые интересы.

В командно-административной экономике иерархия интересов экономических субъектов строится так, как показано на рисунке 1.

Рис. 1. Иерархия интересов в командно-административной экономике

В рыночной экономике приоритет отдается интересам личности, так как они являются стимулом для ведения экономической деятельности и способствуют удовлетворению общественных потребностей через насыщение рынка материальными благами и услугами. Поэтому производители ориентируются на реализацию личных интересов. Координация интересов экономических субъектов в рыночной экономике показана на рисунке 2.

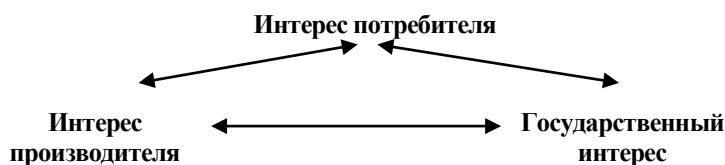

Рис. 2. Координация интересов экономических субъектов в рыночной экономике

Экономические интересы людей выступают как проявления экономических отношений. Об этом в 1873 г. в работе «Еще раз о Прудоне и жилищном вопросе» писал один из основоположников марксизма Фридрих Энгельс (1820-1895): «экономические отношения каждого данного общества проявляются, прежде всего, как интересы» [4, с. 271].

Так, экономические интересы предпринимателя и наемного работника определяются их местом в системе экономических отношений. Интересом предпринимателя является получение максимальной прибыли, а интерес работника заключается в том, чтобы дороже продать свою рабочую силу и получить большую заработную плату. Это же относится и к служащим – учителям, врачам, ученым и т. д. Следовательно, термин «экономический интерес» используется как побудительный мотив, стимул трудовой и хозяйственной деятельности субъектов экономических отношений, определяя их поведение. Важнейшими направлениями совершенствования экономических отношений служат реформирование отношений собственности, хозяйственного механизма и учет экономических интересов.

Экономические отношения формируются во всех сферах жизни общества: экономической, политической, социальной и др., в том числе в обла-

сти образования. Сфера образования функционирует по общим экономическим законам, так как является составной частью национального хозяйства, а, с другой стороны – системообразующей основой социально-экономического развития, формирующей новые экономические законы и закономерности.

В сфере образования экономические отношения складываются в процессе воспроизводства социальных благ, которые выступают как в вещной форме, так и в форме услуг.

К особенностям экономических отношений в сфере образования можно отнести:

- недостаток информации. Покупателями образовательных услуг выступают не дети, а их родители, которые часто не обладают необходимой информацией, чтобы оценить качество образовательных услуг;

- препятствия инвестиционным решениям. Затраты на получение образования можно представить как инвестиции в его будущие доходы. С экономической точки зрения результаты обучения выражаются в возможном увеличении его будущих доходов. Выпускник должен сопоставить экономические издержки и выгоды альтернативы инвестиционного решения, которые в реальности оценить практически невозможно, так как помимо рассчитываемых издержек (оплата обучения, при-

обретение учебных материалов и пр.) существуют и дополнительные расходы. Кроме того, к издержкам получения образования относится упущенная выгода – не полученные доходы, вследствие того, что учащийся тратит время на обучение, а не зарабатывает деньги;

– влияние внешних эффектов, представляющих собой издержки или выгоды от рыночных сделок, не отраженные в ценах, которые можно сгруппировать следующим образом:

– экстерналии для работников, которые трудятся с лицами, получившими образование. Образованные работники оказывают положительное влияние на рост производительности труда менее образованных, помогая им работать более эффективно, при этом не получая дополнительного вознаграждения;

– экстерналии для общества, которые связаны с социализацией индивидов, с распространением инноваций и влиянием на экономическое развитие.

Внешние эффекты проявляются в результате производства или потребления благ. Основы данного понятия были даны английским экономистом Артуром Сесилом Пигу (1877-1959 гг.) в книге «Экономическая теория благосостояния» (1920 г.). А само словосочетание «внешние эффекты» ввел в 1958 г. американский экономист Пол Энтони Самуэльсон (1915-2009 гг.).

Американо-израильский экономист Стэнли Фишер (род. в 1943 г.) дал следующее определение: «Внешний эффект имеет место всегда, когда действия некоторого домашнего хозяйства или фирмы непосредственно влияют на издержки или выгоды каких-либо других домашних хозяйств или фирм и когда эти побочные эффекты не находят полного отражения в рыночных ценах». С экономической точки зрения

люди с высшим образованием более производительны и этим они содействуют росту эффективности экономики, плодами которого пользуются не только они сами, но и все общество.

Образование можно рассматривать как систему, состоящую из совокупности взаимосвязанных элементов и подсистем, образующих определенную целостность. В статье 10 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ определена структура системы образования [1]. Она включает в себя:

– федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования, образовательные стандарты, образовательные программы различных вида, уровня и (или) направленности;

– организации, осуществляющие образовательную деятельность, педагогических работников, обучающихся и родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся;

– федеральные государственные органы и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, созданные ими консультативные, совещательные и иные органы;

– организации, осуществляющие обеспечение образовательной деятельности, оценку качества образования;

– объединения юридических лиц, работодателей и их объединений, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования.

Подсистемами образования являются дошкольное воспитание, общее среднее образование; внешкольное воспитание, общее среднее образова-

ние, профессионально-техническое образование; высшее образование; послевузовское образование; повышение квалификации и переподготовка кадров; дополнительное образование. Самообразование – это свободный активный путь культурного самосовершенствования, позволяющий добиться наилучших успехов в образовательной деятельности.

В последние годы в системе экономических наук наряду с отраслевыми экономиками (промышленности, сельского хозяйства, строительства и др.) появилась экономика образования – это наука, которая изучает специфику производительных сил и производственных отношений в отрасли, создающей образовательные услуги, удовлетворяющей потребности личности и общества в них при ограниченных ресурсах, выделенных на эти цели.

Механизм функционирования рынка труда, являющегося основополагающим элементом национальной экономики, представляет собой процесс взаимодействия спроса и предложения рабочей силы, в результате которого образуется либо ее дефицит, либо избыток. Спрос на рынке труда представляет собой совокупность спроса на ресурсы труда страны при любой на них цене, а предложение – это совокупное предложение ресурсов труда работников в стране при всех возможных ценах на труд.

Спрос определяется потребностью работодателя в сотрудниках, отличающихся определенной квалификационной и профессиональной характеристикой.

Спрос на рабочую силу включает в себя три составляющие:

– удовлетворенный (реализованный) спрос, который определяется чис-

лом работников, нанятых предприятием в течение определенного периода времени;

– неудовлетворенный спрос (резервный), который определяется числом вакантных рабочих мест на предприятиях всех форм собственности;

– прогнозируемый (потенциальный) спрос, характеризующий дополнительную потребность в работниках в целях расширения производства.

Сущность экономических отношений в сфере образования выражают экономические законы. Экономика образования выявляет особенности действия экономических законов и категорий в сфере обучения и воспитания, подготовки квалифицированных кадров, повышения образовательного и культурно-технического уровня населения.

Особое внимание уделяется рынку труда. Рынок образовательных услуг – это система экономических отношений по поводу купли-продажи услуг образования. Функционирование рынка представляет собой взаимодействие спроса и предложения на образовательные услуги. Важным элементом рынка образовательных услуг является конкуренция, которая заставляет образовательные учреждения повышать качество услуг, внедрять нововведения, увеличивать затраты на рекламу, маркетинговые исследования и др.

Спросом является платежеспособная потребность в образовательных услугах. Он выражает интересы потребителей. На спрос влияют следующие факторы: доходы населения, состояние населения; численность и структура населения в системе; потребности населения, его запросы, а также запросы отраслей народного хозяйства; мода, реклама.

Предложением является количество образовательных услуг, которое образовательные учреждения могут и готовы предоставить на рынок для продажи по соответствующим ценам в данный период времени. На предложение влияют следующие факторы, которые увеличивают или снижают предложение: цена на ресурсы, тарифы; издержки образовательных учреждений по организации учебно-хозяйственного процесса; налоги и дотации; количество производителей образовательных услуг.

Закон спроса представляет собой обратно пропорциональную зависимость между ценой и спросом на услуги. Закон предложения выражает прямо пропорциональную зависимость между ценой и предложением образовательных услуг. Взаимодействие спроса и предложения, цены раскрывает механизм функционирования рынка.

Экономические интересы в сфере образования дифференцируют на сторонах спроса и предложения образовательных услуг на рынке труда. На стороне спроса существует противоречие между спросом труда на специалистов определенного профиля и интересами отдельных индивидов в получении образования по той или иной специальности. Очевидно, что отдельные индивиды не могут сами прогнозировать структуру спроса в долгосрочной перспективе. Ориентиром для людей могут служить данные о специальностях выпускников вузов.

Рынок требует от системы образования подготовки специалистов, соответствующих запросам и потребностям. Однако выбор профессии часто определяется ложными представлениями о престижности определенных профессий и специальностей. Такой

выбор определяет структуру образовательных услуг и впоследствии создает проблемы с трудоустройством и эффективной занятостью молодежи.

Диспропорция между структурой, объемами, профилями подготовки кадров и структурой спроса на рабочую силу – одна из причин, формирующих дисбаланс между спросом и предложением на рынке труда. Решением проблемы может стать приведение структуры и объемов подготовки кадров в соответствие с потребностями экономики. В связи с этим можно говорить об оптимизации взаимодействия учреждений профессионального образования с рынком труда.

Основу государственной политики регулирования процессов подготовки кадров в учреждениях профессионального образования составляют:

- развитие систем профессионального образования; переподготовки, повышения квалификации кадров; развитие непрерывного профессионального образования;

- реализация целевых программ;
- формирование сегмента организованного рынка труда;
- повышение эффективности деятельности территориальных служб занятости;
- расширение объемов и качества образовательных услуг.

Важнейшим условием повышения эффективности подготовки и трудоустройства кадров является улучшение сотрудничества между образовательными учреждениями, службами занятости и работодателями.

В настоящее время учебные заведения переходят от отраслевого к территориальному принципу подготовки, что позволяет учесть потребности региональной экономики.

В РФ разработан комплекс мер, направленных на совершенствование системы среднего профессионального образования, на 2015-2020 гг., утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации № 349-р от 03.03. 2015 г. [2]. Одним из первых шагов в этом направлении стало утверждение списка 50 наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования: администратор баз данных, графический дизайнер, программист, сетевой и системный администратор, специалист по информационным ресурсам, специалист по тестированию в области информационных технологий и др.

Последние годы список дефицитных специалистов остается примерно одинаковым: профессионалы в сфере IT, логистики, банковские методологи, менеджеры с опытом внедрения западных систем управления бизнесом и пр.

Чтобы правильно оценить ситуацию на рынке труда, необходимо дать оцен-

ку востребованности специальностей с помощью следующих показателей:

1. Коэффициент напряженности рынка труда:

$$K_E = \frac{S_{незан}}{N_{вак}} \times 100, (1)$$

где $S_{незан}$ – численность населения, не занятого трудовой деятельностью, или зарегистрированных безработных в каждой профессиональной группе;

$N_{вак}$ – число вакантных должностей и свободных рабочих мест соответствующего профиля.

Если значение коэффициента больше 1, то это свидетельствует об избыточном предложении рабочей силы, если меньше 1, то можно констатировать наличие избыточного спроса на рабочую силу.

По данным Росстата в 2016 г. в России коэффициент напряженности на рынке труда составил 3,3, в Ярославской области 4,4. Росстат представляет этот показатель не по каждой группе, а по всем специальностям в целом (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициент напряженности на рынке труда [5]

	Годы									
	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Российская Федерация	3,5	6,2	4,9	3,6	2,7	2,4	2,1	3,3	3,3	
г. Москва	0,3	0,8	0,7	0,6	0,4	0,7	0,6	1,1	1,1	
Ярославская область	3	8,8	6,2	3,8	1,8	2,1	1,7	3,7	4,4	
Ивановская область	2,5	9,2	5	3,6	2,5	1,7	1,6	3,9	4,4	
Костромская область	2,9	6,8	4,1	3,2	2,6	2,4	1,5	3,3	3,4	

По итогам I полугодия 2017 г. в большинстве субъектов Российской Федерации произошло увеличение коэффициента напряженности. И это за-

кономерно, так как по мере снижения общего уровня безработицы в стране конкуренция между претендентами на одно вакантное место возрастает.

2. Коэффициент вакантности:

$$K_E = \frac{S_{зан}}{N_{вак}} \times 100, (2)$$

где $S_{зан}$ – число занятых в экономике;
 $N_{вак}$ – число вакантных мест.

Коэффициент вакантности характеризует наличие несбалансированности на рынке труда и определяет, сколько занятых приходится на одну вакансию. Основным недостатком показателя является то, что число вакантных мест также определяется на основе данных государственных служб занятости. Практика же свидетельствует о том, что подавляющее большинство платежеспособных предприятий предпочитают набирать сотрудников либо собственными силами, либо пользуясь услугами кадровых агентств.

В целях изучения потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам Федеральная служба государственной статистики провела выборочное обследование организаций по состоянию на 31 октября 2016 г. Не включались в состав работников списочного состава следующие работники:

- работавшие по совместительству (внешние совместители);
- выполнявшие работы по договорам подряда и другим договорам гражданско-правового характера;
- находившиеся в отпуске по беременности и родам или в отпуске по уходу за ребенком.

По данным выборочного обследования общая численность работников списочного состава насчитывала 27,8 млн чел. Результаты распределения работников по укрупненным профессиональным группам следующие [5]:

- специалисты высшего уровня квалификации (7,3 млн чел.);

- квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий (4,2 млн чел.);

- операторы производственных установок и машин, сборщики и водители (3,5 млн чел.);

- неквалифицированные рабочие (3,2 млн чел.);

- специалисты среднего уровня квалификации (3,1 млн чел.).

3. Удельный вес занятых не по специальности, а ниже полученной в вузе квалификации

В России сложилась парадоксальная ситуация, когда профессиональное образование стало одним из факторов разбалансированности рынка труда. Это можно подтвердить тем, что снижается доля профессионально-квалификационной структуры рабочих мест, растет невостребованность интеллектуального потенциала, распространяется такая аномалия, как работа не по специальности.

В период экономических реформ произошел спад интереса к профессии инженера. Работа инженера считалась не престижной и мало оплачиваемой. В результате произошла переориентация инженеров на другие виды деятельности. На сегодняшний день на отечественном рынке существует ограниченное число специалистов с необходимым инженерным бэкграундом: директоров по производству, технических директоров, технологов и т. д. В сегменте проектирования ощущается нехватка главных инженеров проекта, конструкторов.

В таблице 2 представлены самые дефицитные профессии производственного сектора и сферы услуг в России.

Таблица 2

Дефицитные профессии [6]

Сектора	Профессии	Причины дефицита кадров
Производственный сектор	Рабочие профессии Квалифицированные рабочие, в том числе токари Специалисты сложных производств	Развал системы профессионально-технического образования в РФ
	Инженерные профессии Главные инженеры проектов Конструкторы Проектировщики Специалисты по внутренним и наружным инженерным сетям Инженеры-электронщики Авиатехники и инженеры для обслуживания самолетов Директора по производству Специалисты по наладке ультрасовременных производственных линий Технические директора Технологи	Разрыв между требованиями компаний и практикой работы вузов
Сектор услуг	Линейные специалисты Менеджеры по продажам Специалисты IT-сектора Программисты Банковские методологи Специалисты высокотехнологичной логистики Маркетологи	Кандидаты находятся в постоянном поиске лучших условий труда, отсюда возникает текучка кадров Кандидатов много, но настоящих профессионалов среди них мало Недостаточно качественная подготовка специалистов в вузах
	Топ-менеджеры Управляющие объектами недвижимости IT-менеджмент	Компаниям нужны специалисты экстра-класса

В таблице перечислены наиболее востребованные профессии 2017 г. Очевидно, что спрос на ранее популярные специальности юристов и экономистов снизился, начали осваиваться новые современные сферы деятельности.

Одна из самых востребованных и перспективных в IT-индустрии профессия SMM менеджера. SMM – это Social Media Marketing или маркетинг в социальных сетях. SMM менеджер – это универсальный специалист, деятельность которого заключается в про-

EE%EC%E8 %F7 %E5 %F1 %EA%E8 %E9_%E8 %ED%F2 %E5 %F0 %E5 %F1. – (Дата обращения: 19.12.2018).

Bibliograficheskij spisok

1. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 29.07.2017).
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 3.03.2015 № 349-r «Ob utverzhdenii kompleksa mer, napravlennyh na sovershenstvovanie sistemy srednego professional'nogo obrazovaniya, na 2015-2020 gody».
3. Batrakova, L. G. EHkonomicheskie interesy v sfere obrazovaniya [Tekst] / L. G. Batrakova // Materialy Vtoroj zaochnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy prava, ehkonomiki i obrazovaniya na sovremennom ehtape: teoriya i praktika», g. Almaty, Institut prava i ehkonomiki, 14-15 marta 2014 goda. – Almaty : KazNPU im. Abaya, IPiEH, 2014. – S. 335-338.
4. Marks, K., EHngel's, F. Sochineniya [Tekst] / K. Marks, F. EHngel's. – 2-e izd. – M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961. – T. 18. – 807 s.
5. Oficial'nyj sajt Rosstata [EHlektronnyj resurs]. – URL: www.gks.ru. – (Data obrashcheniya: 19.12.2018).
6. Sechkina, U. 2013: samye deficitnye professii v Rossii [EHlektronnyj resurs] / U. Senchina // [Executive.ru](http://www.executive.ru). – URL: <http://www.executive.ru/career/labormarket/1877708/>. – (Data obrashcheniya: 19.12.2018).
7. Skarzhinskij, M. I. Problemy institucionalizacii sfery obrazovaniya [Tekst] / M. I. Skarzhinskij // Nauchno-metodicheskij zhurnal «EHkonomika obrazovaniya». – 2012. – № 3. – S. 64-68.
8. Smit, A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [Tekst] / A. Smit // An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations – M. : OGIZ. – 1935. – № 1. – 960 c.
9. Interes [Tekst] // Sovremennyy tolkovyy slovar'. – M. : Izd.: Bol'shaya Sovetskaya EHnciklopediya. – 1997. – 6110 s.
10. EHkonomicheskij interes. Vikipediya: svobodnaya ehnciklopediya [EHlektronnyj resurs]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%DD%EA%EE%ED%EE%EC%E8%F7%E5%F1%EA%E8%E9_%E8%ED%F2%E5%F0%E5%F1. – (Data obrashcheniya: 19.12.2018)

А. П. Опальский

М. Б. Матросова

<https://orcid.org/0000-0002-4232-6979>

Региональный аспект кадровой политики налоговых органов

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы адаптации персонала налоговой службы, на примере городской инспекции Мурманска, современным методам управления. Рассмотрены результаты анкетирования сотрудников Инспекции с целью установления соответствия критериям, формирующим основные требования к персоналу.

Ключевые слова: кадровая политика, налоговые органы, управление персоналом, система адаптации персонала.

P. Opalskiy, M. B. Matrosova

The regional aspect of personnel policy of the tax authorities

Annotation. The article deals with the issues of adaptation of the staff of the tax service, on the example of the city inspection of Murmansk, modern management methods. The results of the survey of Inspection staff in order to establish compliance with the criteria that form the basic requirements for personnel are considered.

Keywords: personnel policy, tax authorities, personnel management, personnel adaptation system.

В современных условиях развивающихся направлений реформ экономики и социально-трудовой сферы возникает необходимость применения адекватных новым подходам к управлению трудовыми ресурсами организаций. Реализуя задачи кадровой политики, организация достигает стратегических целей управления персоналом, ориентированных, с одной стороны, на сближение интересов работника с интересами организации в достижении высокой производительности труда и повышении эффективности производства – с другой.

Во многих организациях кадровая политика, целенаправленно проводимая в отношении персонала, не связана

со стратегией развития предприятия или организации, и это, несомненно, приводит в потере конкурентоспособности. Острейшей проблемой становится разработка кадровой политики, ориентированной на достижение стратегических целей организации. Актуальным остается и преодоление кадровых деформаций в органах государственной власти и местного самоуправления и, прежде всего, обеспечение защиты прав человека и формирования антикоррупционных механизмов в кадровой сфере. Речь идет о реализации конституционных положений по равному праву на карьерное продвижение на основе заслуг; преодоления коррупционной практики, субъективности

кадровых назначений, двойных стандартов и тому подобное.

В этой связи важной проблемой являются вопросы кадрового менеджмента, позволяющего более эффективно использовать потенциал работников, а также конкуренция, которая ведется на рынке труда за профессионалов высокого класса. Только профессиональные и зрелые в личностном отношении сотрудники делают ее продукт или услуги конкурентоспособными.

Кадровую политику можно определить как деятельность по формированию максимально сбалансированного и эффективного коллектива и учет приоритетных целей как организации в целом, так и отдельных сотрудников в частности. Кадровая политика определяет главное направление и основы работы с кадрами, общие и специфические требования к ним и разрабатывается высшим руководящим составом, кадровой службой [4, с. 44].

Федеральные экономические службы в соответствии со ст. 71 Конституции РФ находятся в ведении Российской Федерации, в то время как установление общих принципов налогообложения и сборов в стране относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72).

Федеральная налоговая служба (ФНС России) является федеральным органом исполнительной власти, в основную компетенцию которого входит контроль и надзор за соблюдением законодательства о налогах и сборах.

Руководитель Инспекции ФНС России по городу Мурманску организует работу по полному и своевременному учету плательщиков и осуществляет контроль над соблюдением налогового законодательства и Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), реша-

ет кадровые и хозяйственные вопросы. Также, в непосредственном подчинении руководителя инспекции находится отдел финансового и общего обеспечения.

Кадровая политика налоговых органов имеет значительные отличия от кадровой политики организаций. Как мы знаем, самым большим стимулом к работе является материальная составляющая, которую контролирует государство (например, Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»). Процесс распределения заключается в выделении денежных средств по нормативам, штатной положенности, тарификации. Таким образом, руководитель городского ранга (инспекции) лишен полноценного распределения и регулирования денежных средств. В этом есть рациональное зерно – иначе регион «задохнулся» бы от обилия установленных налогов, влияющих на благополучие их сборщиков. И не с этого ли началась французская революция?

Персонал налоговых органов в течение всего периода становления налоговой системы в нашей стране поставлен в довольно жесткие организационные, институциональные и психологические рамки, когда вместе с освоением новых технологий в сфере налогового администрирования и всеобщей информатизацией происходит адаптация к процессу непрерывного обучения и переобучения.

Формирование кадрового состава налоговых органов происходило под влиянием комплексного воздействия трех факторов: создания социально значимой государственной структуры; целей и задач самих налоговых органов

в условиях их модернизации; давления региональных рынков труда [6, с. 67].

Специалисты переходили в налоговую сферу из различных отраслей промышленности и сельского хозяйства и в процессе формирования налоговой системы страны осваивали налоговое производство и контролировали его соблюдение. Однако очевидно, что для эффективного и качественного проведения налоговой политики необходимы высококвалифицированные кадры. В связи с этим возникает проблема переподготовки кадров, не имеющих базового экономического образования. К тому же налоговый процесс непрерывно усложняется.

Недостаточно квалифицированный кадровый состав налоговых органов может создать угрозу экономической безопасности России. Кадровый потенциал налоговых органов планируется повышать с учетом модернизации системы ценностей и социальных приоритетов, процессов масштабной экономической трансформации и глобализации [6, с. 69].

Деятельность данного института должна соответствовать прогрессивным мировым стандартам. основополагающими критериями, формирующими требования к персоналу, становятся вовлеченность, соучастие, преданность своей организации и общественной функции. неизменным остается и требование готовности к непрерывному обучению, самообразованию и деятельности в условиях постоянных законодательных, структурных, функциональных и технологических изменений.

Среднесписочная численность в 2017 г. составила 84 человека, что на 6,7 % больше аналогичного показателя 2016 г. Численность руководителей на

протяжении 2016-2017 гг. оставалась постоянной.

В таблице 1 приведены данные, характеризующие изменение кадрового состава ИФНС России по городу Мурманску с 2015 г.

В половозрастной структуре персонала преобладают женщины (60,7 %) в возрасте от 31 до 45 лет (57,1 %). Численность представителей группы в возрасте 18-30 лет за рассматриваемый период увеличилась на 5,6 %, численность представителей средней возрастной группы увеличилась на 2,1 %. Рост численности представителей старшей возрастной группы – старше 45 лет – связан с высокой интенсивностью труда, слабо развитой системой замещения вакантных позиций молодыми кандидатами.

По уровню образования преобладают сотрудники с высшим образованием (67,85 %). Все руководители имеют высшее образование. В ИФНС России по городу Мурманску поощряется повышение уровня образования, поэтому 8 человек совмещают работу с получением высшего образования. Доля руководителей составляет 11,8 %, и на протяжении последних двух лет она не менялась.

За 2017 г. (по данным на 01.01.2018) в мероприятиях системы профессионального развития приняли участие 47 государственными служащими ИФНС России по городу Мурманску.

Более 30 % из них получили повышение по должности. Из них 4 чел. перешли из категории «Специалисты» в категорию «Руководители». В кадровый резерв зачислено 13 государственных служащих ИФНС России по городу Мурманску (на 01.01.2018 г.).

Таблица 1

Характеристика кадрового состава ИФНС России по г. Мурманску в динамике за 2015-2017 гг.

Параметр	2015 г.	Доля в структуре, 2015 г., %	2016 г.	Доля в структуре, 2016 г., %	2017 г.	Доля в структуре, 2017 г., %	Изменение численности (2017 г. к 2016 г.), %
Пол							
Мужской	30	39,5	31	38,3	33	39,3	6,5
Женский	46	60,5	50	61,7	51	60,7	2,0
Возраст							
18-30	16	21,1	18	22,2	19	22,6	5,6
31-45	45	59,2	47	58,0	48	57,1	2,1
Старше 45	15	19,7	16	19,8	17	19,8	6,25
Образование							
Высшее	52	61,9	54	64,26	57	67,85	6,8
Неоконченное высшее	10	13,2	11	13,6	11	13,1	0,0
Среднее специальное или профессиональное	14	16,67	16	16,67	16	16,67	0,0
Категория персонала							
Руководители	9,0	11,8	9,0	11,8	9,0	11,8	0,0
Специалисты	67	88,2	72	88,9	75	89,3	8,3
Итого:	76	100	81	100,0	84	100,0	6,7

В рамках адаптационной программы 11 поступивших на государственную гражданскую службу в ИФНС России по городу Мурманску приняли участие в специальных мероприятиях системы внутреннего обучения. 100 % участников успешно прошли испытательный срок.

Средняя оценка эффективности программ и мероприятий системы профессионального развития – 4,9 баллов из 5 (по результатам оценки программ и мероприятий, данной участниками).

При оценке достигнутых результатов профессионального развития муниципальных служащих в ИФНС России по городу Мурманску важная задача состоит в том, чтобы обеспечить надежное выявление наиболее перспективных специалистов, обладающих качествами, которые более всего необходимы для работы в муниципальном органе.

С целью выявления оценки эффективности достигнутых результатов профессионального развития служащих в ИФНС России по городу Мурманску было проведено анкетирование

сотрудников, количество респондентов первого опроса составило 50 человек.

Распределение респондентов по возрасту и гендеру представлены в таблице 2.

Вид опроса – анкетирование. Ниже приводятся основные результаты исследования эффективности профессионального развития служащих в ИФНС России по городу Мурманску по оценке самих сотрудников.

Таблица 2

Распределение опрошенных респондентов по возрасту и гендеру

Показатели	Количество
Возраст	
до 20 лет	1
от 20 до 30 лет	28
от 31 до 40 лет	8
от 41 до 50 лет	9
от 51 до 60 лет	4
старше 60 лет	0
Пол респондента	
женский	39
мужской	11

Таблица 3

Распределение ответов на поставленные в анкете вопросы

Вопрос анкеты	Варианты ответов	Процент ответов
Ваши успехи и достижения всегда замечаются руководством?	Мои успехи всегда замечаются	19
	Отдельные мои успехи замечаются	26
	Мои успехи остаются незамеченными	55
Вам интересна Ваша работа в рамках ее вклада в развитие г. Мурманска?	Я переживаю за свою работу	70
	Я склонен считать, что работа мне интересна	25
	Мне безразличны проблемы организации	5
Выполняя свои функции и должностные обязанности, Вы ощущаете чувство ответственности за успешную деятельность в г. Мурманска и то, что Вы вносите вклад в общее дело всего учреждения?	Да	21
	Нет	56
	Затрудняюсь ответить	23
Чувствуете ли Вы, что вносите вклад в общее дело всей организации, работая в ИФНС России по городу Мурманску?	Чувствую свой вклад в общее дело	16
	Скорее нет, чем да	31

Вопрос анкеты	Варианты ответов	Процент ответов
	Скорее да, чем нет	29
	Не могу так сказать о своей работе	24
Чувствуете ли Вы, что растете в профессиональном плане и развиваетесь, работая в ИФНС России по городу Мурманску?	Да	35
	Нет	49
	Затрудняюсь ответить	16

Таким образом, можно сделать вывод, что в ИФНС России по городу Мурманску низкий уровень морального стимулирования и мотивации персонала к обучению и повышению своей квалификации, так как сами служащие отметили негативные тенденции в данном направлении работы руководства ИФНС России по городу Мурманску.

Уровень удовлетворенности работника рассматривается как мера его адаптированности к организации и считается, что, чем выше степень насыщения потребностей и притязаний сотрудника, тем выше его уровень адаптации к внутренней среде организации. Нами было проведено выборочное анкетирование сотрудников ИФНС России по городу Мурманску на предмет удовлетворения системой адаптации персонала. В результате проведенного анализа мы можем выделить основные проблемы системы адаптации персонала:

- отсутствие надбавки к заработной плате у наставников нового персонала;

- отсутствие технологии социальной адаптации сотрудников к коллективу, в ИФНС России по городу Мурманску не проводятся мероприятия по сплочению коллектива, развитию групповой динамики;

- непроработанность «Положения о наставничестве». Наставник не толь-

ко помогает новичку адаптироваться, но и развивает собственные управленческие навыки. Это является дополнительной ответственностью, так как успешность адаптации новичка является показателем качества работы самого наставника;

- несовершенство программы адаптации. Программа не учитывает совершенствования процесса адаптации для новых сотрудников.

Глобальная «головная боль» любой организации – текучка кадров.

Большое количество «фоновых провалов» в стаже у основного контингента служащих: их стаж составляет либо более 10 лет (несмотря на уже весомый стаж, люди теряют интерес к работе), либо менее 2 лет (что само говорит за себя: постигнув азы, работник еще не обладает полноценными знаниями, адекватными для принятия каких-либо объективных решений).

Средний, самый продуктивный возраст вымывается из системы госслужбы вследствие неудовлетворенности человека своим положением, перспективами роста, заработной платой. Неудовлетворительное состояние системы подготовки и переподготовки кадров управленческого персонала связано с тем, что обучение чаще всего осуществляется дистанционно и, к сожалению, оно менее продуктивно.

Половина опрошенных считает, что существующая на сегодняшний день система стимулирования недостаточно эффективна и не способствует улучшению их работы.

На рисунке 1 представлены ответы на вопрос об основных причинах увольнения коллег.

Все обозначенные факторы указывают на то, что текучесть кадров очень сильно связана с отсутствием в организации высокоэффективной системы мотивации служащих.

Анализ уволившихся служащих по собственному желанию показал, что большинство этих служащих уволились из-за того, что их не устраивала заработная плата, были не четко определены должностные обязанности, не устраивала система дополнительной мотивации / стимулирования труда и не было возможности повышать профессиональный и культурный уровень.

В ходе проведенного анализа системы мотивации в ИФНС России по городу Мурманску было выявлено, что для служащих наиболее значимыми факторами являются такие, как заработная плата, признание их заслуг, возможность карьерного роста.

Для руководителей, как для людей, занимающихся интересной, творческой работой, большую важность приобретает сам процесс труда, приносящий удовлетворение, и, следовательно, результат работы, который должен, по мнению руководителей, получать соответствующую оценку со стороны руководства.

Дальнейший анализ показал, что все опрошенные уделяют немаловажное значение таким факторам мотивации, как возможность реализовать свои идеи и возможность повышения ква-

лификации путем профессионального обучения и личного развития.

В ходе исследования также было зафиксировано, что все служащие в ИФНС России по городу Мурманску уделяют большое значение заработной плате. Вряд ли можно говорить о необоснованных, завышенных ожиданиях сотрудников, так как на современном этапе даже высококвалифицированные специалисты за свой труд часто получают неадекватное, недопустимо низкое вознаграждение.

Так же важным является то, что большинство опрошенных руководителей и специалистов в ИФНС России по городу Мурманску признают наличие возможностей карьерного и профессионального роста в организации, а значит, планируют продолжить работать в ИФНС России по городу Мурманску, и даже в данном структурном подразделении.

Результаты исследования показали, что степень удовлетворенности служащих ИФНС России по городу Мурманску существующей системой мотивации не высокая; при формировании направлений мотивации, по их мнению, необходимо использовать в равной мере как материальные, так и нематериальные направления мотивации, которые должны в полной мере удовлетворять персонал всех отделов ИФНС России по городу Мурманску.

Учитывая небольшое снижение мотивационной функции заработной платы, усиливается потребность персонала в профессиональном развитии и развитии карьеры, в связи с этим необходимы дополнительные методы нематериального стимулирования служащих ИФНС России по городу Мурманску. В то же время и система материальной мотивации не полностью удовлетворя-

ет персонал ИФНС России по городу Мурманску.

Гибкость и адаптивность кадровой политики становятся главными факторами эффективности деятельности, так что креативность и инновационность

системы управления персоналом налоговых органов будут способствовать повышению конкурентоспособности нашей страны в мировом сообществе.

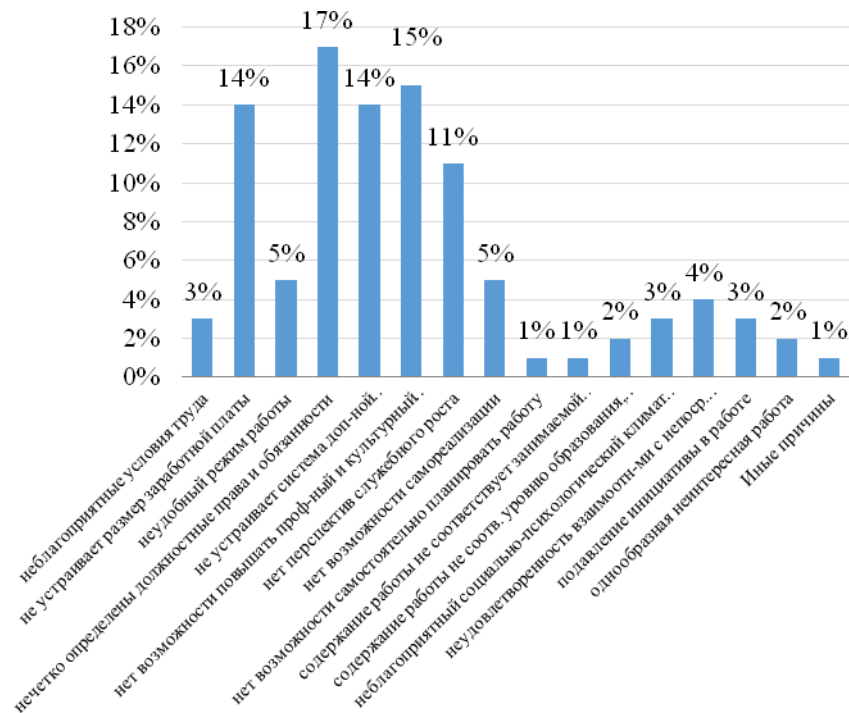

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос об основных причинах увольнения коллег, мнение госслужащих

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации.
2. Ветлужских, Е. Мотивация и оплата труда: инструменты, методики, практика [Текст] / Е. Ветлужских. – М. : Альпина Паблишер, 2014.
3. Воронина, Л. И. Кадровое планирование, построение модели сотрудника и служебная дисциплина в государственных и заведениях [Текст] / Л. И. Воронина // Менеджмент в государственных структурах: Альманах. – М., 2017.
4. Кибанов, А. Я. Кадровая политика и стратегия управления персоналом [Текст] / А. Я. Кибанов. – М. : Проспект, 2014.

5. Люшина, Э. Ю. Управление человеческими ресурсами [Текст] : учебное пособие / Э. Ю. Люшина, Е. Г. Моисеева, Е. О. Тихонова. – Саратов: Вузовское образование, 2017.

6. Морозова, Г. В., Дерина, О. В. Развитие кадрового потенциала налоговых органов как условие повышения их эффективности [Текст] / Г. В. Морозова, О. В. Дерина // Регионология. – 2016. – № 3.

7. Овчинникова, Т. Новая парадигма управления персоналом в условиях рыночной экономики [Текст] / Т. Овчинникова // Управление персоналом. – 2015. – № 7.

8. Питухин, Е., Шабаева, С., Степуть, И., Мороз, Д. Методика анализа кадрового обеспечения региональной экономики: профессиональный разрез [Текст] / Е. Питухин, С. Шабаева, И. Степуть, Д. Мороз // Вопросы экономики. – 2018. – № 6.

Bibliograficheskij spisok

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii.

2. Vetluzhskih, E. Motivaciya i oplata truda: instrumenty, metodiki, praktika [Текст] / E. Vetluzhskih. – М. : Al'pina Pabliher, 2014.

3. Voronina, L. I. Kadrovoe planirovanie, postroenie modeli sotrudnika i sluzhebnyaya disciplina v gosudarstvennyh i zavedeniyah [Текст] / L. I. Voronina // Menedzhment v gosudarstvennyh strukturah: Al'manah. – М., 2017.

4. Kibanov, A. YA. Kadrovaya politika i strategiya upravleniya persona-lom [Текст] / A. YA. Kibanov. – М. : Prospekt, 2014.

5. Lyushina, EH. YU. Upravlenie chelovecheskimi resursami [Текст] : учебное пособие / EH. YU. Lyushina, E. G. Moiseeva, E. O. Tihonova. – Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2017.

6. Morozova, G. V., Derina, O. V. Razvitie kadrovogo potenciala nalogovyh organov kak uslovie povysheniya ih ehffektivnosti [Текст] / G. V. Morozova, O. V. Derina // Regionologiya. – 2016. – № 3.

7. Ovchinnikova, T. Novaya paradigma upravleniya personalom v usloviyah rynochnoj ehkonomiki [Текст] / T. Ovchinnikova // Upravlenie personalom. – 2015. – № 7.

8. Pituhin, E., SHabaeva, S., Stepus', I., Moroz, D. Metodika analiza kadrovogo obespecheniya regional'noj ehkonomiki: professional'nyj razrez [Текст] / E. Pituhin, S. SHabaeva, I. Stepus', D. Moroz // Voprosy ehkonomiki. – 2018. – № 6.

И. Ю. Тарханова

<https://orcid.org/0000-0002-7166-650X>

**Образование взрослых как ресурс развития
универсальных компетенций личности**

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы организации непрерывного образования взрослых в современных условиях. Переход на компетентностный подход коренным образом трансформирует систему образования, в том числе и систему образования взрослых. Специфической особенностью образовательного результата при организации компетентностно ориентированного образования является демонстрация компетенций в поведенческих действиях, наблюдаемых и соотносимых с определенными критериями учебных целей. Данная статья посвящена проблеме включения универсальных компетенций в целевой контекст образовательных программ для взрослых. Универсальные компетенции являются значимым инструментом унификации образовательных результатов и обеспечения преемственности уровней высшего и постдипломного образования и отражают ожидания современного общества в части социально-личностного позиционирования в нем образованного человека и потенциальной готовности его к самореализации и саморазвитию. Само понятие «универсальные» предполагает, что они присутствуют везде – во всех модулях образовательных программ для взрослых и в различных видах деятельности, составляющих их содержание. Это влечет за собой идею включения в образовательные программы для взрослых видов деятельности, аутентичных для формирования универсальных компетенций. Это позволит значительно увеличить вероятность социализации взрослых средствами образования и расширять их способности внедрять новые технологические решения, управлять процессами изменения профессиональной деятельности в условиях социальной динамики, развиваться как в рамках полученной в вузе профессии, так и за ее пределами.

Ключевые слова: универсальные компетенции, непрерывное образование, образование взрослых

PEDAGOGY

I. Yu. Tarkhanova

**Adult education as a resource for the development
of universal competences of the individual**

Abstract. This article deals with the organization of continuing education of adults in modern conditions. The transition to a competency-based approach radically transforms the education system, including the adult education system. A specific feature of the educational result in the organization of competence-based education is the demonstration of competencies in behavioral actions observed and correlated with certain criteria of educational goals. This article is devoted

© Тарханова И. Ю., 2018

to the problem of inclusion of universal competences in the target context of educational programs for adults.. Universal competencies are an important tool for the unification of educational results and ensuring the continuity of levels of higher and postgraduate education and reflect the expectations of modern society in terms of social and personal positioning of an educated person in it and his potential readiness for self-realization and self-development. The very concept of «universal» assumes that they are present everywhere – in all modules of educational programs for adults and in various activities that make up their content. This entails the idea of including authentic activities in adult education programs to form universal competencies. This will greatly increase the probability of socialization of adults by means of education and to expand their ability to introduce new technological solutions to manage the processes of change of professional activity in the conditions of social dynamics, developed in the framework obtained in the University to the profession and beyond.

Keywords: universal competence, continuing education, adult education

В общей проблематике исследований процесса образования взрослого человека особое место принадлежит его личностно-профессиональному развитию, где профессиональное и личностное саморазвитие может быть понято и описано не только как адаптация, но и как вторичная индивидуализация, результатом которой будет состоявшаяся индивидуальность как профессиональное личностное качество, как характеристика субъектной активности в конкретной деятельности при достижении определенного уровня образования [8].

В свою очередь, образование в том случае будет способствовать становлению личности не только как профессионала, но и в качестве активного социального субъекта. Поэтому важным представляется анализ компетентностного подхода – как основного концепта современной системы непрерывного образования. Логично, что он может стать определяющим и для оценки процесса образования взрослых, поскольку компетентность сегодня рассматривается в качестве одной из значимых характеристик социальной зрелости личности.

Наличие компетентности является необходимым условием успешного выполнения не только профессиональ-

ной деятельности, но и социального функционирования в других сферах жизнедеятельности.

Компетентностный подход – это подход, при котором результаты образования признаются значимыми за пределами системы образования, то есть становятся средством социализации личности.

Образовательный результат в контексте Болонского процесса должен быть представлен «профессиональной подготовленностью выпускника к рынку труда», который понимается как «использование совокупности знаний, умений, компетенций, а также личностных характеристик для успешного роста выпускников высших учебных заведений в выбранной профессии и для расширения перспектив их трудоустройства, в чем заинтересованы как сами выпускники, так и общество, экономика в целом и работодатели, в частности» [5].

За последние десятилетия в условиях создания единого европейского пространства высшего образования, первоочередной стала задача обеспечения сопоставимости, совместимости и прозрачности образовательных программ. Для достижения данной цели потребовалось разработка единых подходов к образованию, общего понимания со-

держания квалификаций и результатов обучения. Основой выработки общей методологии был призван стать компетентностный подход, который в свою очередь базируется на анализе профессиональных требований, определяющих приоритетность компетенций, необходимых в конкретной сфере профессиональной деятельности [4, 12, 13, 14, 17, 20].

В 1996 г. в Берне в рамках программы Совета Европы был поставлен вопрос о роли «ключевых компетенций» (key competence), которыми должен обладать индивид с тем, чтобы успешно жить и продолжать свое образование. В частности, успех в жизни, профессиональной работе, семейных делах и других социальных сферах требует от выпускника учебных заведений наличия таких ключевых компетентностей, как автономное действие (самостоятельность и индивидуальная инициатива), использование инструментов (физических и социокультурных средств, включая компьютер, естественный язык и т. д.), функционирование в социально неоднородных группах (толерантность, готовность взаимодействовать с людьми, отличными от тебя самого). Кроме того, выделяются политическая и социальная компетентности (разрешение конфликтов ненасильственным путем и участие в поддержании демократических институтов), критическое отношение к информации в средствах массовой коммуникации и рекламе, способность учиться на протяжении всей жизни и т. д. [11].

Идея выделения универсальных компетенций отталкивается также от американской традиции дифференциации профессиональных навыков на soft-skills (мягкие навыки) и hard-skills (жесткие навыки). Долгое время счита-

лось, что hard skills должны доминировать в этой диаде, под их формирование была настроена вся система высшего профессионального образования. Но в начале нынешнего века американские ученые доказали, что от 75 до 85 % профессионального успеха зависит именно от soft skills и только 25-15 % – от hard skills. Иными словами, soft skills представляют собой набор таких личностных характеристик, которые способствовали бы эффективному взаимодействию и сотрудничеству между людьми, участвующими в деловом процессе.

Именно осознание значимости сначала «мягких», а затем и собственно профессиональных компетенций, перевернуло в течение последних 20 лет всю систему западного высшего образования. Что касается российских вузов, большинство из них до сих пор ориентированы, прежде всего, на формирование у будущих специалистов профессиональных (hard) компетенций, несмотря на то, что ведущую роль в индивидуальных и корпоративных профессиональных достижениях в современном постиндустриальном обществе обеспечивается «надстроечными» (soft) умениями.

В российской традиции, под универсальными (общими) компетенциями понимается способность человека устанавливать связи между знанием и реальной ситуацией, осуществлять принятие верного образовательного направления и вырабатывать алгоритм действий по его реализации в условиях неопределенности, являющихся основанием для других, более конкретных и предметно-ориентированных составляющих [10, с. 26].

В самом общем виде универсальные компетенции можно определить

как неспецифичные для работы в определенной профессии или отрасли, но очень важные для работы, образования и жизни в целом.

В работе 2006 г. «Ключевые компетенции для успешной жизни и развивающегося общества» Д. Райген и Л. Салганик [17] сформулировали требования к отбору ключевых компетенций будущего специалиста.

– Ключевые компетенции должны быть многофункциональны. Ключевые компетенции необходимы для достижения множества важных целей и решения разных проблем в различных контекстах.

– Ключевые компетенции должны быть комплексны, то есть актуальны и применимы в различных областях жизни (личной, семейной, социальной, профессиональной, политической).

– Высокий уровень умственной сложности. Компетенции должны стимулировать развитие более высокого уровня мышления и умственных способностей. Основополагающие компетенции должны помочь в развитии более передовых навыков умственной деятельности, таких как критическое и аналитическое мышление, а также способствовать росту и развитию ценностных ориентиров и суждений.

– Ключевые компетенции должны быть многомерны, отражать наличие образца или способа действия, острый аналитический и критический смысл, коммуникативные возможности и здравый смысл.

– В качестве универсальных компетенций современного высшего образования можно выделить три ключевых группы:

– универсальные компетенции для трудового и мобильного поведения на рынке труда (УК-1 Системное и критическое мышление; УК-2 Разработка и

реализация проектов; УК-3 Командная работа и лидерство; УК-4 Коммуникация; УК-5 Межкультурное взаимодействие);

– универсальные компетенции для жизнеосуществления человека; (УК-6, 7 Самоорганизация и саморазвитие (в том числе здоровьесбережение);

– универсальные компетенции для сохранения жизни на Земле – ноосферные компетенции (УК-8 Безопасность жизнедеятельности) [6, 10].

Образование взрослых имеет возможности для расширения данного перечня. Так к одной из универсальных компетенций взрослого человека можно отнести способность к мобильности, характеризуемой социологами как перемещение, передвижение социальных групп и отдельных людей внутри социальной структуры общества [15]. По мере изучения данного явления с позиции разных наук представления о мобильности дифференцировались, и в настоящее время ведутся исследования мобильности разных видов. Неуклонно возрастающий сегодня интерес к мобильности как со стороны представителей науки, так и со стороны организаторов образования для взрослых вполне закономерен и оправдан. В связи с реализацией Россией Болонских соглашений в данной сфере особое внимание уделяется готовности взрослого человека к академической и профессиональной мобильности [20].

Включение мобильности в список универсальных компетенций современного взрослого человека обусловлена тем, что современное общество нуждается в людях, подготовленных к жизнедеятельности в интенсивно меняющихся условиях. Только такие профессионалы смогут успешно самореализоваться и чувствовать себя ком-

фортно в современном обществе, а также обеспечить его устойчивое синергичное развитие. Соответственно подготовка социально, культурно, профессионально мобильных специалистов становится одной из главных целей профессионального образования. Кроме того, академическая и профессиональная мобильность взрослого имеют равноположенное значение для формирования его профессиональной компетентности [3].

На наш взгляд, при сложившемся дефинитивном различии данных терминов нет достаточных оснований для определения их иерархии в процессе профессионализации личности. Мобильность, в широком понимании данного феномена, автоматически и зачастую подсознательно развивает в человеке определенные качества: умение выбирать пути взаимодействия с окружающим миром; способность мыслить в сравнительном аспекте; способность к поликультурной коммуникации; способность изменять самовосприятие; способность рассматривать среду профессиональной деятельности в кросс-культурном аспекте [7, с. 122].

Так, в диссертации Л. А. Амировой профессиональная мобильность трактуется как многоуровневый феномен, который последовательно развивается и проявляет себя в виде допрофессиональной мобильности (в которой, на наш взгляд центральное место занимает мобильность академическая), общепрофессиональной мобильности, профессиональной мобильности в конкретной области деятельности [1, с. 12].

Мы согласны с позицией данного автора, что профессионально мобильный специалист способен самостоятельно найти пути самореализации и

самосовершенствования, благополучно миновать периоды профессиональных кризисов, не поддаваясь маргинализации сознания.

В «Болонской Декларации о европейском пространстве для высшего образования» присутствует требование максимальной активизации академической и научной мобильности [2, с. 23-29], при этом акцент смещен на интернационализацию образования, то есть обеспечение возможности студентам и преподавателям обучаться и стажироваться за рубежом.

В организационном аспекте проблема развития универсальных компетенций рассматривается через призму создания условий для реализации данной возможности. В качестве внутренних (личностных) условий можно говорить о сформированности ценностной сферы, личностных свойств, адекватности реакции на жизненные ситуации, наличии навыков целеполагания и самоорганизации, умения строить и реализовывать жизненные планы, в качестве одного из внешних условий мы выдвигаем наличие возможностей включения в систему образования взрослых.

Участники Педагогической Ассамблеи, прошедшей 21-22 января 2010 г. в Санкт-Петербурге на базе Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, единодушно признали, что обновление качества профессиональной деятельности является важнейшим фактором модернизации и дальнейшего инновационного развития страны и требует решения новых значимых задач. Среди первоочередных задач была названа и задача развития образования взрослых, которое включает не только повышение квалификации и переподготовку взрос-

лых, но и неформальные образовательные практики, и *самообразование*.

Таким образом, образование взрослых сегодня является одним из наиболее перспективных средств развития

универсальных компетенций личности и создает условия для ценностно-смысловой ориентации взрослого человека на «обучение в течение всей жизни».

Библиографический список

1. Амирова, Л. А. Развитие профессиональной мобильности педагога в системе дополнительного образования [Текст] : автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.08 / Л. А. Амирова. – Уфа, 2009. – 29 с.
2. Болонский процесс: на пути к Берлинской конференции (европейский анализ) [Текст] / Под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. В. И. Байденко. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Российский Новый Университет. 2004. – 416 с.
3. Бугайчук, Т. В. Концепция социализации взрослых средствами дополнительного профессионального образования [Текст] / Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева, А. Ю. Куликов, И. Ю. Тарханова // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 131-135.
4. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Электронный ресурс] / И. А. Зимняя // Эйдос: Интернет_журнал. – 2006. – URL: <http://www.eidos.ru>. – (Дата обращения: 19.12.2018).
5. Компетенции и образование: модели, методы, технологии [Текст] // Монография. Часть IV / Научный ред. к. ф. н. Е. В. Шутова. – М. : Перо, 2014. – 152 с.
6. Мишин, И. Н. Критическая оценка формирования перечня компетенций в ФГОС ВО 3++ [Текст] / И. Н. Мишин // Высшее образование в России. – 2018. – № 4. – С. 66-75.
7. Нурмухаметова, В. В. Образовательное сопровождение социальной мобильности (социально-философский анализ) [Текст] / В. В. Нурмухаметова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение / Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7-2 (33). – С. 122-124.
8. Обоснование Российской концепции непрерывного образования взрослых [Текст] : монография / А. Г. Теслинов, В. В. Безлепкин, В. Л. Петров, С. А. Щенников. – Жуковский: МИМ ЛИНК, 2014. – 130 с.
9. Пилипенко, С. А. Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации [Текст] / С. А. Пилипенко, А. А. Жидков, Е. В. Караваева, А. В. Серова // Высшее образование в России. – 2016. – № 6. – С. 5-15.
10. Пузанков, Д. В. Проблемы оценивания результатов обучения при компетентностном задании требований к выпускнику вуза [Текст] / Д. В. Пузанков, Н. Н. Кузьмин, А. А. Шехонин [и др.] // Материалы XI Симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика». – М., 2006. – С. 25-28.
11. Совет Европы: Симпозиум по теме «Ключевые компетенции для Европы»: док. DECS / SC / Sec. (96) 43. – Берн, 1996.
12. Соснин, Н. В. О проблеме трансляции компетенций в содержание обучения [Текст] / Н. В. Соснин // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 64-71.

13. Спенсер, Л. Компетенции на работе [Текст] / Л. Спенсер, С. Спенсер. – М. : Гиппо, 2010. – 384 с.
14. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования [Текст] / И. Д. Фруммин, М. С. Добрякова, К. А. Баранников, И. М. Реморенко // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – 28 с.
15. Drukker, D. M. Neighborhood effects on social mobility and social welfare / dissertation Ph. D. // The University of Texas at Austin. – 2000. – 180 p.
16. Lifelong Learning and Adults. OECD: Education Today, 2013. – URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-today-2013/lifelong-learning-and-adults_edu_today-2013-9-en/ (дата обращения 17.10.2017).
17. Rychen, D. S. Key Competencies for a Successful Life and a Well-Functioning Society / D. S. Rychen and L. H. Salganik // Göttingen: Hogrefe&Huber Publishers. – 2006. – 332 p.
18. Shen, C. Discussion of skill improvement in marine ecosystem dynamic models based on parameter optimization and skill assessment / Shen C., Shi H., Ding D., Liu Y., Li F. // Chinese Journal of Oceanology and Limnology. – 2016. – Т. 34. – № 4. – С. 683-696.
19. The official Bologna Seminar on Employability in context of the Bologna Process, Bled / Slovenia 21-23 October 2004. – p. 32.
20. Wagenaar, R. Competences and learning outcomes: a panacea for understanding the (new) role of Higher Education? Tuning journal for higher education. – 2014. – Vol. 1. – № 2. – P. 279-302. – URL: <http://www.tuningjournal.org/article/view/16/157>. – (Дата обращения: 10.01.2018).

Bibliograficheskij spisok

1. Amirova, L. A. Razvitie professional'noj mobil'nosti pedagoga v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya [Текст] : avtoreferat dis. ... d-ra ped. nauk. 13.00.08 / L. A. Amirova. – Ufa, 2009. – 29 s.
2. Bolonskij process: na puti k Berlinskoj konferencii (evropejskij analiz) [Текст] / Pod nauch. red. d-ra ped. nauk, prof. V. I. Bajdenko. – М. : Issledovatel'skij centr problem kachestva podgotovki specialistov, Rossijskij Novyj Universitet. 2004. – 416 s.
3. Bugajchuk, T. V. Konceptiya socializacii vzroslyh sredstvami dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Текст] / T. V. Bugajchuk, O. A. Koryakovceva, A. YU. Kulikov, I. YU. Tarhanova // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 131-135.
4. Zimnyaya, I. A. Klyuchevye kompetencii – novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya [Электронный ресурс] / I. A. Zimnyaya // ЭИДос: Internet_zhurnal. – 2006. – URL: <http://www.eidos.ru>. – (Дата обращения: 19.12.2018).
5. Kompetencii i obrazovanie: modeli, metody, tekhnologii [Текст] // Monografiya. CHast' IV / Nauchnyj red. k. f. n. E. V. SHutova. – М. : Pero, 2014. – 152 s.
6. Mishin, I. N. Kriticheskaya ocenka formirovaniya perechnya kompetencij v FGOS VO 3++ [Текст] / I. N. Mishin // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2018. – № 4. – S. 66-75.

7. Nurmuhametova, V. V. Obrazovatel'noe soprovozhdenie social'noj mobil'nosti (social'no-filosofskij analiz) [Tekst] / V. V. Nurmuhametova // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie / Voprosy teorii i praktiki. – 2013. – № 7-2 (33). – S. 122-124.
8. Obosnovanie Rossijskoj koncepcii nepreryvnogo obrazovaniya vzroslyh [Tekst] : monografiya / A. G. Teslinov, V. V. Bezlepkina, V. L. Petrov, S. A. SHCHennikov. – ZHukovskij: MIM LINK, 2014. – 130 c.
9. Pilipenko, S. A. Sopryazhenie FGOS i professional'nyh standartov: vyyavlennye problemy, vozmozhnye podhody, rekomendacii po aktualizacii [Tekst] / S. A. Pilipenko, A. A. ZHidkov, E. V. Karavaeva, A. V. Serova // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2016. – № 6. – S. 5-15.
10. Puzankov, D. V. Problemy ocenivaniya rezul'tatov obucheniya pri kompetentnostnom zadanii trebovanij k vypuskniku vuza [Tekst] / D. V. Puzankov, N. N. Kuz'min, A. A. SHEkhonin [i dr.] // Materialy HI Simpoziuma «Kvalimetriya v obrazovanii: metodologiya, metodika, praktika». – M., 2006. – S. 25-28.
11. Sovet Evropy: Simpozium po teme «Klyuchevye kompetencii dlya Evropy»: dok. DECS / SC / Sec. (96) 43. – Bern, 1996.
12. Sosnin, N. V. O probleme translyacii kompetencij v sodержanie obucheniya [Tekst] / N. V. Sosnin // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2014. – № 12. – S. 64-71.
13. Spenser, L. Kompetencii na rabote [Tekst] / L. Spenser, S. Spenser. – M. : Gip-po, 2010. – 384 s.
14. Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu učit' segodnya dlya uspekha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendenciyah transformacii shkol'nogo obrazovaniya [Tekst] / I. D. Frumin, M. S. Dobryakova, K. A. Barannikov, I. M. Remorenko // Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ehkonomiki», Institut obrazovaniya. – M. : NIU VSHEH, 2018. – 28 s.
15. Drukker, D. M. Neighborhood effects on social mobility and social welfare / dissertation Ph. D. // The University of Texas at Austin. – 2000. – 180 r.
16. Lifelong Learning and Adults. OECD: Education Today, 2013. – URL: http://www.oecd-ilibrary.org/education/education-today-2013/lifelong-learning-and-adults_edu_today-2013-9-en/ (data obrashcheniya 17.10.2017).
17. Rychen, D. S. Key Competencies for a Successful Life and a Well-Functioning Society / D. S. Rychen and L. H. Salganik // Göttingen: Hogrefe&Huber Publishers. – 2006. – 332 r.
18. Shen, C. Discussion of skill improvement in marine ecosystem dynamic models based on parameter optimization and skill assessment / Shen C., Shi H., Ding D., Liu Y., Li F. // Chinese Journal of Oceanology and Limnology. – 2016. – T. 34. – № 4. – S. 683-696.
19. The official Bologna Seminar on Employability in context of the Bologna Process, Bled / Slovenia 21-23 October 2004. – p. 32.
20. Wagenaar, R. Competences and learning outcomes: a panacea for understanding the (new) role of Higher Education? Tuning journal for higher education. – 2014. – Vol. 1. – № 2. – P. 279-302. – URL: <http://www.tuningjournal.org/article/view/16/157>. – (Data obrashcheniya: 10.01.2018).

М. В. Соколова

<https://orcid.org/0000-0002-8840-5824>

Европейский опыт подготовки учителей к инклюзивному образованию

Аннотация. Вопросы подготовки учителей к инклюзивному образованию играют важную роль в Европе. Конвенция ООН о правах лиц с ОВЗ 2006 г. представляет собой основу для изменений, поддерживаемую многими сообществами, как на международном уровне, так и на уровне Европы. Они признают, насколько значимыми в образовании являются попытки развивать более эгалитарное общество. В статье подчеркивается, что при реформировании образовательной системы существует необходимость готовить всех учителей к встрече с разнообразными обучающимися в классах (детьми с ОВЗ) и для совместной работы с коллегами. Основываясь на ключевых документах, эта статья раскрывает контекст инклюзивной политики в деле подготовки педагогических кадров и содержит доступное доказательство, свидетельствующее об эволюции подготовки учителя к инклюзии в Европе. В статье представлен опыт работы европейского агентства по образованию для лиц с особыми потребностями и высвечиваются возможности и вызовы в странах, которые являются членами этой организации в вопросах по инклюзии. В статье обращается внимание на тот факт, что требования к школам и учителям в современном мире становятся более сложными, так как общество ожидает от школ эффективного взаимодействия с детьми с ОВЗ. Автор раскрывает содержание понятия «эффективное взаимодействие» в вопросах инклюзивного образования.

Ключевые слова: инклюзия, дети с особыми потребностями, дети с ограниченными возможностями здоровья.

M. V. Sokolova

European experience in teachers training for inclusive education

Abstract. Questions of teachers training for inclusive education play an important role in Europe. The convention of the UN on the rights of the disabled of 2006 is the basis for changes supported by many communities both at the international level and at the level of Europe. They recognize how significant in education attempts to develop more egalitarian society are. In the article it is emphasized that while reforming the educational system there is a need to train all teachers to meet various students in classes (disabled children) and joint cooperation with colleagues. Based on key documents, this article reveals the context of inclusive policy in pedagogical staff training and has available proof presenting the evolution of the teacher training to inclusion in Europe. The article presents the European agency experience in training of people with special requirements, and here are highlighted opportunities and challenges in the countries which are members of this organization in inclusion questions. In the article the attention is drawn to the fact that requirements to schools and teachers in the modern world become more complicated as society expects schools to cooperate effectively with disabled children. The author reveals the content of the concept «effective interaction» in inclusive education questions.

© Соколова М. В., 2018

Keywords: inclusion, children with special needs, children with health limitations.

В современном мире инклюзивное образование является уже свершившимся фактом. В РФ подготовлен пакет документов, согласно которому инклюзивное образование определяется как одно из приоритетных направлений государственной политики. С 1 сентября 2016 г., согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» [1], каждый ребенок с ограниченными возможностями здоровья имеет право на получение качественного образования в школе по месту жительства. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования на 2013-2020 годы» [2] подчеркивает право родителей на выбор образовательного учреждения для ребенка в условиях инклюзии по месту жительства. Нормативно-правовая база в сфере инклюзивного образования определена. Каков же практический опыт ее осуществления? Приходится признать, что практика инклюзивного обучения не стала массовым явлением в современной школе. Проведенное нами исследование показало, что даже определение понятия «инклюзия» знакомо только 28 % выпускникам бакалавриата [3].

Инклюзивное обучение не стало свершившимся фактом. Проблемой инклюзии в мире занимаются более 40 лет [4]. Попробуем обратиться к мировому опыту.

В мае 2009 г., признавая нарастающую сложность в системе образования в Европе, совет Министров образования договорился о стратегическом плане для европейского сотрудничества на период после 2010 г. под названием «Образование и подготовка педагогов 2020». Этот стратегический план нацелен на поддержание дальнейшего

развития инклюзивного образования в странах Евросоюза. План «Европа 2020» направлен на образование систем, укрепляющих «личные, социальные и профессиональные достижения всех граждан», на «экономическое процветание и занятость», а также «утверждение демократических ценностей, социального взаимодействия, активного гражданского участия и интеркультурного диалога».

Стратегическая задача плана специально определяет направление образовательной политики по отношению к обучающимся с различными типами специальных нужд. В ней констатируется: «Образовательные и подготовительные системы должны быть направлены на то, чтобы все обучающиеся, в том числе дети с ОВЗ и дети иммигрантов, завершили свое обучение, включая обучение второго шанса и обучение посредством более индивидуального подхода» [1].

Образование должно обеспечить межкультурные компетенции, демократические ценности, уважение к фундаментальным правам, равно как и условия для этого, а также противостоять всем формам дискриминации, подготавливая молодежь разных национальностей к позитивному взаимодействию со своими наставниками.

Недавние заключения Совета по социальным вопросам образования констатируют, что образовательные системы в Европейском союзе должны сочетать равенство и достижения, они также признают, что улучшение качества образования и ключевых компетенций для всех имеет решающее значение не только для экономического роста и конкурентоспособности, но и для уменьше-

ния бедности и достижения социальной инклюзии.

Конвенция ООН о правах людей с ОВЗ также является документом, который требует изменений в положении граждан с ОВЗ; ее 24 статья утверждает, что инклюзивное обучение не только является наилучшей образовательной формой для учащихся с ОВЗ, но и помогает уничтожать барьеры и стереотипы. Становится очевидной решающая роль учителей в вопросах инклюзивного образования. Тот вклад, который учителя могут внести в развитие инклюзивной школы, а потенциально – в создание более справедливого общества равных возможностей, становится импульсом для развития во многих странах. 48-я сессия Международной конференции по образованию, проведенная ЮНЕСКО в 2008 г., рекомендовала руководителям образовательной политики признать природу инклюзивного образования как «продолжающийся процесс, направленный на предоставление равного образования для всех, при уважении к разнообразию и разным потребностям и способностям, образовательным ожиданиям учащихся и сообществ, отвергающих все формы дискриминации» [7].

Резолюция конференции предлагает принять во внимание и ряд других приоритетов: 1) озабоченность низкими образовательными результатами, зафиксированными национальными системами оценивания; 2) национальные цели стратегии «Европа 2020» включают согласованные членами намерения уменьшить раннее покидание школы; 3) реагирование на вызовы и возможности, вытекающие из миграционных процессов и мобильности; 4) роль инклюзивного образования в противодействии дискриминации и

уравнивание всех обучающихся в позитивном взаимодействии с наставниками.

Совет рассматривает это как часть стратегического плана в области образования. Во все большей степени признается потребность в единой взаимосвязанной политике, основанной на идее о том, что движение в сторону инклюзивного образования не может происходить изолированно и требует системной реформы. В частности, растет признание того, что инклюзивное образование является ключом для достижения высококачественного образования для всех учащихся. Европейское агентство развития образования для лиц с ОВЗ отмечает, что интегрированное законодательство, ведущее к связи между инклюзивным образованием и другими инициативами в области образовательной политики, является ключевым принципом качественного инклюзивного образования.

Происходящие во всей Европе процессы включают важные сдвиги в терминологии. Термин «инклюзия» сейчас используется в отношении гораздо большего круга учеников, а не только в отношении тех, кто имеет специальные образовательные нужды. Д. Аллексия и А. Уоткинс в 2009 г. показали, что, хотя многие страны движутся в направлении этого более широкого определения, взяв за основу то, что было сформулировано ЮНЕСКО в 2008 г., руководители образования и практики не всегда говорят о том же самом.

Важно заметить, что сдвиги в терминологии требуют изменений в понимании идеологии. Это подразумевает признание того, что различия как естественная часть жизни являются ценным ресурсом для взаимного обучения. Флориан и Роуз в 2009 г. констатирова-

ли: учителя должны понимать, что различия нужно воспринимать как существенный аспект развития человека в любой образовательной концепции [8].

Современная Европейская политика в области инклюзии опирается на признание того, что требования к школам и учителям в современном мире становятся более сложными, так как общество ожидает от школ эффективного взаимодействия с детьми с ОВЗ [4].

Под эффективным взаимодействием понимается [5, с. 349]:

- работа с детьми, разговаривающими на разных языках;
- обучение детей с разными уровнями подготовки;
- внимание к культурным и гендерным различиям обучающихся;
- внимание к вопросам продвижения толерантности и социального взаимодействия;
- решение проблем неуспевающих школьников и школьников, имеющих учебные и поведенческие проблемы;
- использование новых технологий;
- сохранение взаимодействия с быстро развивающимися областями знания и использование новых подходов в оценивании знаний обучающихся.

В подготовке учителей к инклюзивному образованию также требуются определенные сдвиги. В чем нуждаются учителя, чтобы быть подготовленными к растущему разнообразию тех, кто обучается в школе? Комиссия Европейского общества в 2007 г. констатировала, что «изменения в образовании ставят новые требования для учительской профессии». Сегодня в классах обучаются дети с различными уровнями способностей и разными ограничениями. Эти изменения требу-

ют от учителей не только приобретения новых знаний и умений, но и их постоянного развития.

В 2007 г. министры образования договорились, среди прочего, о следующих характеристиках современного учителя [5, с. 343]:

- учитель должен быть высококвалифицированным, обладать как хорошими знаниями в области педагогики, так и знаниями по своему предмету;
- учитель должен обладать умениями и компетенциями, чтобы направлять и поддерживать учеников;
- учителя должны понимать социальные и культурные различия в обучении;
- учителя должны признавать важность получения новых знаний, быть способны к внедрению инноваций и использованию свидетельств для оценивания своей работы.

В плане Европейского объединения подчеркнуто: необходимо формировать более привлекательный образ педагогической профессии, поддерживать карьеры учителей на ранних этапах выбора и подготовку школьных лидеров. Качество педагогов является наиболее важным фактором, определяющим достижения учащихся. В связи с необходимостью заменить в ближайшие пятнадцать лет 2 млн более пожилых учителей Европа стоит перед необходимостью сделать учительскую профессию более привлекательной при выборе карьеры.

С 2009 г. Совет Евросоюза изучает профессиональное становление учителей и директоров и констатирует, что знания и умения учителей, как и качество школьного руководства, – это самые важные факторы достижения высококачественных учебных результатов. Совет подчеркнул, что никакой

первоначальный курс подготовки учителей не может снабдить их всеми компетенциями, которые им понадобятся в их деятельности, и отметил, что требования к учительской профессии претерпевают быстрые изменения. От учителей требуется реагировать на конкретный образовательный контекст, в котором они работают.

В 2010 г. Совет Евросоюза обратил внимание на различия в образовании и описал пути улучшения их качества: «...создание условий для успешной инклюзии школьников с ОВЗ в основе своей дает преимущество всем школьникам. Увеличение индивидуальных учебных планов и форм оценивания, призванных стимулировать процесс обучения, предоставление учителям умений использования форм обучения в сотрудничестве, расширение досуга и соучастия – это и есть инструменты улучшения качества образования для всех» [6].

Для улучшения качества инклюзивного образования органы управления образованием собирают информацию о практике распространения инклюзии в 25 странах Евросоюза. Разработанная анкета позволила собрать информацию об инновационных практиках инклюзивного образования. Анкеты позволяют собрать данные о национальных принципах инклюзивного образования, а также практике инклюзивного образования в высшей школе. Текущая ситуация в Европе обнаружила терминологические различия: некоторые страны, не используя термин «инклюзия», обращаются к понятиям «школа для всех» (Швеция), «внимание к различиям» (Испания). Страны отходят от термина «интеграция», когда речь идет о «присоединении» детей с ОВЗ к главной про-

грамме обучения [5]. Помимо различий, анкета показала общие концепции:

- страны, участвующие в проекте, выделили компетенции, относящиеся к инклюзии;

- ключевыми компетенциями для развития практики инклюзивного образования названы следующие: сотрудничество с другими (профессионалами, родителями), оценивание и планирование различных потребностей обучающихся, адресная языковая подготовка и оценивание культурных различий как ресурс для обучения, а не как фактор, который нужно подавить;

- планирование программ и содержания инклюзивного образования должно осуществляться так, чтобы включать всех участников (здоровых детей и детей с ОВЗ);

- важно использовать разнообразные методы, обучающие инклюзии (групповую и самостоятельную работу), соотнося их с целями обучения, возрастными особенностями обучающихся, их способностями и уровнем развития и оценивая результативность используемых методов;

- планировать программы и их содержание так, чтобы включать в работу всех учеников, обеспечивая позитивный настрой и доброе взаимоотношение;

- направлять усилия на здоровье и благополучие обучающихся.

Делая выводы, необходимо подчеркнуть, что реформа школьного педагогического образования должна вписываться в широкий социальный аспект инклюзии. Инклюзивное обучение должно быть ключевой стратегией для ответа на вызовы маргинализации и исключения. Необходимо продолжить обсуждение стандартов и равенства в образовании, что приведет к улучшению инклюзивной практики.

Реформа инклюзивного образования в Европе должна включать уточнение терминологии и понимание сложностей, которые вытекают из разного толкования понятий. Подготовка к учительской профессии должна сохранять академический компонент, и педагогическая практика должна быть поддержана ясным пониманием теоретиче-

ских вопросов. Более тесное сотрудничество между педагогическими университетами и школой обеспечит возможность моделирования эффективной практики в тренировке умений, необходимых для инклюзивного обучения. Для подъема статуса учителей необходимо поддержать их посредством непрерывного повышения квалификации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.11.2013) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2014): официальный текст [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148547. – (Дата обращения 10.10.2018).
2. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»: официальный текст [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70552648/>. – (Дата обращения 10.10.2018).
3. Соколова, М. В., Макеева, Т. В. Специфика многоуровневой подготовки социальных работников в Германии [Текст] / М. В. Соколова, Т. В. Макеева // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы седьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием); под науч. ред. М. В. Новикова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 307 с.
4. Токарская, Л. В., Жукова, И. В. Реализация государственной политики Российской Федерации в сфере инклюзивного образования [Текст] / Л. В. Токарская, И. В. Жукова // Социум и власть. – 2015. – № 5. – С. 36-41.
5. Anna Sheliya, Marina Sokolova. Inclusive Education for Children with Disabilities: Russian Perspectives, p. 124-134. Human Rights, Inclusion and Social Justice. International perspectives on Challenges of Social Work in a Globalised World. – Oldenburg, 2014. – 242 p.
6. Donnelly V., Watkins A. Teacher Education for Inclusion in Europe // Prospect. – 2011. – № 41. – P. 341-353.
7. European Commission (2008, 16 December). Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: An updated strategic framework for European cooperation in education and training COM (2008) 865 final. – Brussels: European Union. – URL: http://ec.europa.eu/education/lifelong-learning-policy/doc/com865_en.pdf.
8. Florian, L., & Rouse, M. (2009). The inclusive practice project in Scotland: Teacher education for inclusive education // Teaching and Teacher Education. – № 25(4). – P. 594-601.

Bibliograficheskij spisok

1. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 25.11.2013) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2014): oficial'nyj tekst [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148547. – (Data obrashcheniya 10.10.2018).
2. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 28 dekabrya 2013 g. № 442-FZ «Ob osnovah social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii»: oficial'nyj tekst [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://base.garant.ru/70552648/>. – (Data obrashcheniya 10.10.2018).
3. Sokolova, M. V., Makeeva, T. V. Specifika mnogourovnevoj podgotovki social'nyh rabotnikov v Germanii [Tekst] / M. V. Sokolova, T. V. Makeeva // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyah modernizacii: materialy sed'moj vs Rossijskoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem); pod nauch. red. M. V. Novikova. – Yaroslavl' : RIO YAGPU, 2015. – 307 s.
4. Tokarskaya, L. V., Zhukova, I. V. Realizaciya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere inklyuzivnogo obrazovaniya [Tekst] / L. V. Tokarskaya, I. V. Zhukova // Socium i vlast'. – 2015. – № 5. – S. 36-41.
5. Anna Sheliya, Marina Sokolova. Inclusive Education for Children with Disabilities: Russian Perspectives, r. 124-134. Human Rights, Inclusion and Social Justice. International perspectives on Challenges of Social Work in a Globalised World. – Oldenburg, 2014. – 242 p.
6. Donnelly V., Watkins A. Teacher Education for Inclusion in Europe // Prospect. – 2011. – № 41. – P. 341-353.
7. European Commission (2008, 16 December). Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: An updated strategic framework for European cooperation in education and training COM (2008) 865 final. – Brussels: European Union. – URL: http://ec.europa.eu/education/lifelong-learning-policy/doc/com865_en.pdf.
8. Florian, L., & Rouse, M. (2009). The inclusive practice project in Scotland: Teacher education for inclusive education // Teaching and Teacher Education. – № 25(4). – P. 594-601.

УДК 37.018.46

Л. Н. Данилова

<https://orcid.org/0000-0002-1272-401X>

Инновационная модель профессионального развития учителей в Республике Сингапур

Аннотация. В статье освещается современный опыт профессионального развития учителей в Сингапуре, в основе которого лежат индивидуальные усилия педагога при сопровождении наставников, коллег и органов управления образованием, направленные в рамках концепции непрерывного образования на планомерное целенаправленное совершенствование его профессиональных компетенций и продвижение по карьерной лестнице. В исследовании характеризуется специфика понимания компетенций педагога в сингапурской педагогике, отдельные формы повышения квалификации и организационно-педагогические условия данного процесса, описываются возможности карьерного роста, выявляется значение стратегического подхода профессионального развития педагога для поддержания сбалансированного функционирования системы педагогического образования, представляются данные об отношении самих сингапурских учителей к непрерывному образованию. Кроме того, в статье обосновывается инновационный характер сингапурского опыта, и делаются выводы о целесообразности использования в управлении кадровым потенциалом российских школ отдельных его элементов.

Ключевые слова: образование в Сингапуре, дополнительное педагогическое образование, карьера учителя, профессиональное развитие, стратегический подход, менторство, профессиональное выгорание.

L. N. Danilova

Innovative model of professional development of teachers in the Republic of Singapore

Abstract. The article highlights the modern experience of professional development of teachers in Singapore, which is based on the individual efforts of the teacher, accompanied by mentors, colleagues and educational authorities, aimed at the concept of continuous education on the systematic purposeful improvement of his professional competence and career advancement. The study characterizes the specificity of understanding of the teacher's competences in Singapore pedagogy, some forms of professional development and organizational and pedagogical conditions of this process, describes the opportunities for career growth, reveals the importance of the strategic approach of professional development of the teacher to maintain a balanced functioning of the system of pedagogical education, presents data on the attitude of the Singapore teachers to continuing education. In addition, the article substantiates the innovative nature of the Singapore experience and draws conclusions about the feasibility of the use of its individual elements in the management of the personnel potential of Russian schools.

Keywords: education in Singapore, additional pedagogical education, teacher's career, professional development, strategic approach, mentoring, professional burnout.

© Данилова Л. Н., 2018

Вот уже не первое десятилетие Сингапур непрерывно предпринимает попытки, призванные сделать национальное педагогическое образование лучшим в мире, для чего правительство вкладывает большие суммы в образовательный сектор, ежегодно увеличивая ассигнования. В стране существует четкое представление о том, какова роль учителя в целенаправленном развитии личности, как привлекать учителей в профессию, как сделать непрерывное педагогическое образование приоритетом каждого учителя, а поддержку педагогов – приоритетом государства. Это представление действует на практике, а потому здесь нет проблем кадрового дефицита или низкой компетентности педагогов, учителя чувствуют себя в профессии комфортно и являются гордостью нации.

Образовательная система Сингапура значительно отличается от российской, а устройство педагогического образования резко контрастирует с отечественной практикой. Тем не менее, заслуживают внимательного изучения факторы и причины успеха сингапурского образования и, в частности, определение возможностей использования элементов системы подготовки педагогов в этой стране для повышения эффективности педагогического образования в России. В качестве главных доказательств высокой успешности опыта Сингапура в сфере профессионального педагогического образования можно назвать как минимум три факта: 1) на уровне социально-экономических отношений – закрепление «экономического чуда» и успех реформ были гарантированы эффективностью национальной образовательной системы, в том числе, и плодотворными усилиями педагогов; 2) на уровне общественного

мнения – профессия учителя пользуется большим уважением и популярностью в сингапурском обществе, а ее престиж во многом основан на высоком доверии населения к профессионализму педагогов; 3) на уровне образовательной системы – в международных рейтингах образовательных достижений учащихся Сингапур уверенно держит лидирующие позиции (например, программа PISA), что обусловлено качеством преподавания в школах страны.

Чтобы понимать причины данного успеха и определять, возможно ли использование сингапурского опыта при модернизации российского образования, необходимо учитывать национальное своеобразие образовательной системы Сингапура, включая демографический, экономический, политический, культурологический факторы. В частности, надо принимать во внимание разницу экономических показателей двух государств. Будучи еще в 60х гг. страной с высоким уровнем бедности, смертности и неграмотности населения, где не было ни индустриальных, ни природных ресурсов, ни сельскохозяйственных угодий, в XXI в. Сингапур относится к числу наиболее развитых государств мира: по данным 2017 г. по уровню жизни занимает 17-е место из 149 [9, с. 10]; по ВВП на душу населения – 6-е место в мире. По численности населения он сопоставим с Санкт-Петербургом (около 5,4 млн чел.), поэтому и образовательная система размерами в разы уступает российской: в республике действуют примерно 370 школ, где в 2016 г. работало немногим более 33 тысяч педагогов [5].

По данным 2016 г., 40 % учителей – это люди 30-40 лет, примерно 16 % – учителя 25-39 и 40-44 лет, а педагогов от 50 лет и старше в общем количестве

около 15 %, то есть кадровый состав школ определенно молодой. Основная масса (более 12 700 чел.) имеет диплом бакалавра, чуть меньше (около 11 300 чел.) – бакалавра с отличием, около 4 тыс. – постдипломное образование, включая магистратуру и докторскую ученую степень (последнюю имели около 140 школьных педагогов). С одной стороны, можно сказать, что в России профессиональная подготовка учителей видится более фундаментальной, продолжительной и соответствующей требованиям информационного мира, но недостатки ускоренной модели подготовки педагогов в Сингапуре (двухлетний срок бакалавриата) компенсируются действенным практико-ориентированным подходом и системой непрерывного педагогического образования, в которой развивается учитель в течение всей своей профессиональной карьеры.

Кроме того, важно учитывать разницу менталитетов. Современное сингапурское общество основано на принципе меритократии, когда руководящие должности занимают сотрудники с лучшими компетенциями в своей области деятельности, вне зависимости от связей, возраста, стажа, пола и т. д. Иначе говоря, здесь культивирована идеология, что только ум, знания, профессиональные умения, таланты, энергичность и трудолюбие позволяют людям добиваться успехов в жизни. В подобных условиях естественным путем создается большой спрос на высшее образование, а, следовательно, высокая конкуренция среди абитуриентов, спрос на эффективную общеобразовательную подготовку, на хороших учителей и непрерывное педагогическое образование.

Именно система профессионального развития учителей в Республике Синга-

пур и является объектом изучения в данной статье.

Если за этап профессионального становления личности отвечают в основном вузы, то в вопросах развития профессионализма ответственность делят между собой молодая специалист, трудоустроившая его школа и органы контроля над образованием. Школы крайне заинтересованы не только в притоке новых кадров, но и в их профессиональном сопровождении, поэтому в целях скорейшей трудовой социализации молодые педагоги прикрепляются к наставнику, ментору, который должен помогать им адаптироваться на рабочем месте, получать и совершенствовать практические навыки, идентифицировать свое место в школе. Культура наставничества в сингапурских школах отлично развита, и эту функцию выполняют около 40 % педагогов (в сравнении со средним показателем по странам ОЭСР 14 %) [2].

Важно, что сингапурцы подходят к профессиональному развитию учителей с позиций менеджмента, поэтому с первых недель трудовой деятельности учителя осуществляется целенаправленное управление построением его карьеры: с самого начала учитель настроен на профессиональный рост, а школа – на сопровождение педагога в этом процессе, поскольку подобный рост несет с собой субъективные и объективные улучшения специфики его трудовой деятельности (от повышения компетентности до повышения социального статуса), в чем напрямую заинтересованы все субъекты педагогического процесса. С этой целью спустя три года после старта трудовой карьеры конкретного педагога происходит определение должности, максимально соответствующей его индивидуальным

особенностям: предметник, специалист и администратор. Все дальнейшее профессиональное развитие будет осуществляться в рамках функционала выбранной должности, однако при желании направленность профессиональной деятельности можно сменить. Отсюда можно заключить, что, во-первых, сингапурская образовательная система действительно изучает каждого педагога, стараясь выявить его профессиональный потенциал и подобрать ему оптимально подходящую способностям должность, а, во-вторых, совмещение преподавательской работы с другими обязанностями не практикуется, чтобы сотрудник мог сосредоточиться на непосредственных обязанностях. Учитель ведет уроки, а воспитательной, управленческой, кураторской, профориентационной и прочей работой занимаются администраторы и специалисты; подобное распределение профессиональных обязанностей педагогов представляется весьма целесообразным и для России.

Стратегический подход к профессиональному сопровождению молодых учителей соответствует идее, что успешные сотрудники реже уходят из профессии, если видят перспективы карьерного роста и, если своевременно вознаграждаются за продуктивную текущую деятельность. Этот инновационный подход еще только осмысливается в России, однако уже сейчас, сравнивая менталитет сингапурских и отечественных педагогов, у вторых можно заметить некий обреченный взгляд на профессиональную карьеру и пассивное отношение к использованию возможностей карьерного роста. К примеру, в исследовании С. В. Кутняк при опросе 200 учителей, 50 завучей и 30 директоров мордовских школ выяс-

нилось, что 80 % из них не планирует свое карьерное продвижение, что объяснялось их заниженной самооценкой, низким уровнем социальной активности и отсутствием представлений о реальных возможностях карьерного роста учителя [1].

Последняя причина указывает на дефициты российской системы педагогического образования на уровне преподавания в учреждениях профессионального образования (необходимо давать студентам знания о выстраивании своей карьеры и повышении профессионализма) и управления школами (извне, администрацией и методической службой).

В Сингапуре учителя знают о возможностях своего роста и планируют его вместе со школой. В рамках каждого из трех карьерных путей существует несколько карьерных ступеней. Они имеют следующую структуру.

Первый путь предлагает администрирование в образовании, построение карьеры директора школы или даже министерского чиновника.

Второй путь связан со специализацией: педагоги, располагающие исключительными знаниями и опытом, делятся ими с коллегами, выступая в качестве наставников и консультантов, занимаются обновлением содержания образования, определяют выбор новых учебников, занимаются эвалуацией образовательного процесса. Этот путь отличается наименьшей востребованностью в сравнении с функциями учителя и администратора школы.

Третий карьерный путь – движение к должности учителя-мастера, чьи методические и дидактические умения и опыт востребованы у коллег, и кто отвечает за повышение квалификации учителей других школ.

Схема 1. Возможности карьерного роста учителя в Сингапуре

Разумеется, оплата на каждой ступени выше, чем на предыдущей, чтобы стимулировать педагогов к активному выстраиванию своей карьеры и профессиональному росту, причем тарификационная сетка составлена таким образом, что размеры оплаты между тремя карьерными путями примерно одинаковы, и зарплата ведущего учителя приближается к зарплате директора школы. Учитывая, что общество Сингапура строится на меритократическом принципе управления, **продвижение по карьерной лестнице** может осуществляться быстро и зависит исключительно от желаний, усилий и компетентности самого педагога, а не субъективных мотивов и представлений его начальства. Возможности перехода на следующую карьерную ступень открываются официальным подтверждением у педагога определенного уровня компетенций,

строго установленных в модели профессионального роста, таким образом, фактор субъективности в оценивании и аттестации педагога значительно нивелируется.

Стратегический подход к управлению профессиональным развитием учителя успешно решает задачи мотивации педагогов, профилактики его профессиональной деформации и увольнений. Так, по статистике по разным причинам увольняются из школ только менее 3 % учителей в год (не считая тех, кто уходит на пенсию) [10], и, хотя этот факт объясняется не только стратегией профессионального роста педагога, как причина она является крайне важной.

В отличие от многих стран, повышать квалификацию учителям в Сингапуре вменено в **обязанность** (в объеме 100 часов ежегодно). Управлением профессиональным развитием педагогов

занимается Центр развития преподавания и обучения (Centre for Development of Teaching and Learning) на базе Национального университета Сингапура (аналог институтов повышения квалификации при университетах в России). Формы этой деятельности разнообразны и выбираются учителем, но отличаются большой практической направленностью содержания. Например, образовательные курсы разрабатываются лучшими педагогами и под конкретные объединения учителей, поэтому соответствуют актуальным профессиональным потребностям последних и готовят их к решению узких практических задач (использование современных ИТ в методике отдельного предмета, повышение успеваемости учащихся, обучение одаренных в рамках общеобразовательной школы, повышение мотивации учеников и т. д.). Финансирование повышения квалификации происходит за счет бюджетных средств.

Вообще, сингапурская образовательная система требует от учителей постоянного развития и поддерживает их в успехах и трудностях. Например, от учителя ожидаются высокая результативность его труда, свидетельством которой является высокая успеваемость учеников, поэтому в случае низких показателей учащихся учитель особенно нуждается в педагогическом сопровождении более опытного коллеги, чтобы разобраться с причинами возникших трудностей и найти оптимальные решения по их преодолению.

Администрация и наставник-инструктор управляют профессиональным ростом любого учителя, поэтому учитель в Сингапуре – это открытая профессия. Если в России педагог по большей мере предоставлен сам себе, а его непосредственную работу в классе контролируют в основном бюрократи-

ческими путями, то его сингапурский коллега много взаимодействует с другими педагогами и привыкает к тому, что за его работой в классе открыто наблюдают.

Еще в 2001 г. Министерство ввело новый инструмент измерения компетентности педагогов – **систему оценивания эффективности** их работы (Evaluation and Performance Management System).

Вместе с результатами деятельности педагога система используется для выбора его карьерного пути, отслеживания профессионального роста, аттестации и оплаты труда. К результатам труда относятся показатели по четырем направлениям повышения квалификации: всестороннее развитие учащихся, вклад в деятельность школы, взаимодействие с родителями, профессиональный рост.

В начале каждого года на основе данных за предыдущий год педагог составляет план своего профессионального развития, а ответственный за повышение квалификации специалист Департамента образования следит за его выполнением и периодически вносит в него комментарии. В этом документе педагог определяет собственные наличные и желаемые компетенции, ставит цели и задачи для их формирования, планирует соответствующую работу.

Ожидается формирование новых и совершенствование имеющихся компетенций в рамках четырех указанных выше направлений. Наставник не только следит за реализацией плана, но тесно сотрудничает с учителем, предлагая ему конкретную помощь, советы, делясь своим мнением о процессе индивидуального роста педагога.

В конце года педагог пишет отчет, получает отзывы директора школы и наставника, что ложится в основу его аттестации. Ее учителя проходят регу-

лярно, подтверждая свой профессионализм. **Критериями оценки** выступают не просто уровень образования и результаты профессионального развития, а личный вклад в образовательные достижения учеников, гармоничность взаимоотношений с их родителями, участие в развитии школы, перспективный профессиональный потенциал и т. д. Наивысшие баллы в такой аттестации приносят дополнительную надбавку к зарплате, низкие баллы, напротив, влияют на оплату труда отрицательно.

Кроме того, успешность учителя влияет на размер его бонуса, то есть тринадцатой зарплаты. В конце года наставник характеризует и оценивает в своем отчете качество работы педагога, опираясь на его личностные качества, способности, индивидуальные умения и навыки, достижения и перспективы. Вместе с самоанализом учителя эти документы служат основанием для определения бонуса.

Министерство образования определяет **компетенции** как основные характеристики педагога – образ мышления, действия, чувств или речи, то есть характеристики, определяющие успешность педагога в его профессиональной деятельности. Оно разработало модель знаний, компетенций, ценностей и умений педагога XXI в., где подчеркнуло значимость личностно-ориентированного обучения.

Гомоцентрический подход к образованию ставит ученика в центр работы учителей, то есть они должны понимать индивидуальность каждого учащегося, находить в каждом педагогический потенциал, верить в его силы, заботиться о развитии всех учащихся, совершенствовать методики обучения на основе научных представлений о процессе познания, проектировать гармоничную образовательную среду и т. д.

Кроме того, развитие профессиональной идентичности учителя требует поддержания наивысших профессиональных стандартов и сильной внутренней мотивации педагога к непрерывному образованию в условиях быстро изменяющейся внешней среды и потребностей учащихся.

Служение профессии и обществу в соответствии со статусом государственного чиновника предполагает содействие педагогов молодым учителям посредством активного сотрудничества в целях взаимного обогащения своей профессиональной деятельности. Для всего этого необходимо обладать разнообразными навыками, например, рефлексии и мышления, управления людьми и самоуправления, администрирования и предпринимательства, обладать социальным и эмоциональным интеллектом (способности, определяющие социальное взаимодействие).

Компетентному учителю XXI в. необходимы знания о своей личности, об учащихся, сообществе, содержании образования, развитии образования и глобализации, методические знания.

Основу системы оценивания эффективности составила **модель компетенции педагога** (Teaching Competency Model), в которой усматривается сходство с российским профстандартом учителя. Оценивается несколько **групп компетенций** [8]:

- разностороннее развитие учащихся;
- совершенствование знаний педагога (предметное мастерство, аналитическое мышление, инициативность, креативное преподавание);
- завоевание сердец и умов (понимание окружающих, развитие других людей);
- совместная работа (взаимодействие с родителями, работа в команде).

Обращает на себя внимание, что в отличие от России, воспитательная работа с учениками не входит в поле обязательных компетенций учителя, в то время как партнерские отношения с родителями, напротив, являются одним из важнейших кластеров его профессиональных компетенций.

Кластер «Понимание себя и других» не оценивается, но также изучается по причине значимости для рефлексивных умений учителя. Компетенции в остальных кластерах разбиты на уровни эффективности, определенные благодаря изучению опыта лучших сингапурских учителей, что изначально задает высокую планку при развитии и оценивании педагогов, заставляя их совершенствоваться в профессии и стремиться к высшему уровню, не только формально установленному в документации, но и проявляющемуся в практике преподавания на местах. Компетенции педагога делятся на базовые и компетенции учителей-мастеров. Например, в кластере «Совершенствование знаний» одна из компетенций называется «Инициативность».

От педагогов в должности мастера она требует умений рассчитывать время для оптимизации своих возможностей, обнаруживать и самостоятельно предотвращать потенциальные проблемы, а также владения стратегическим предвидением ситуаций для использования их в своих интересах; от остальных педагогов ожидается умение понимать и соответствовать наличной ситуации, решительно действовать в критической ситуации и своевременно решать проблемы. Иначе говоря, умения сосредоточены в общей сфере, но отличаются уровнем профессионализма.

В итоге аттестации, благодаря такой конкретике, самому педагогу, и органам контроля видно, каковы дефициты и

сильные стороны сотрудника. Модель компетентности педагога, раскрывающая его компетенции, используется в Сингапуре при найме и сопровождении молодых учителей, при ежегодном определении задач профессионального развития педагога, изучении уровней компетенций педагогических работников в течение года, аттестации учителей, определении направления профессиональной карьеры каждого педагога и расчета премий и надбавок.

Для действующих педагогов действуют различные учебные курсы и мастер-классы, и основные соответствующие возможности предлагает Национальный институт образования Наньянского технологического университета. Он проводит эти программы на своей базе и на других площадках для географического удобства обучающихся.

Помимо освоения курсов в соответствии с имеющимся уровнем образования, здесь есть программы, окончание которых принесет педагогам магистерскую или докторскую степень, хотя, как следует из статистики, они не имеют большого наплыва слушателей.

В целом в Сингапуре считается, что профессиональное постдипломное образование педагогов делится на: 1) формальное; 2) внутришкольное; 3) самообразование и электронное индивидуальное самообучение [6].

Это **формы профессионального развития**. Образовательные программы для школьных педагогов, направленные на повышение их квалификации, о чем свидетельствует некий диплом или сертификат, относится как раз к первому, формальному пути развития.

В рамках государственной инициативы по применению кооперативного подхода к непрерывному образованию учителей для распространения среди них культуры самосовершенствования

профессионального мастерства в школах созданы профессиональные образовательные сообщества, основанные на сотрудничестве небольших групп узких специалистов, то есть это внутришкольный путь развития педагога [7, с. 53].

Все они поддерживаются властями, пользуются свободой творчества, но действуют в соответствии с общей идеологией, разработкой которой по заказу министерства занимается Академия учителей Сингапура.

Внутришкольное развитие осуществляется обычно на базе своего образовательного учреждения и не предполагает выдачи формальных свидетельств. Педагоги встречаются в установленных дни группами по 4-7 человек, чтобы совместно найти пути улучшения каких-либо образовательных результатов или решения трудностей (путем обсуждения новых идей и практик, коллективного планирования и анализа, рефлексии).

При необходимости группа взаимодействует или объединяется с другим профессиональным сообществом, помощь им могут оказывать внешние эксперты. Исследования подтвердили, что наиболее оптимально сообщества подходят учителям, которые принимают активное участие в профессиональном общении и склонны к кооперативной форме взаимодействия с коллегами [7, с. 56].

Любопытную модель педагогического образования представляет собой созданный в 2015 г. при поддержке министерства образования на базе одной из школ Центр педагогического и образовательного мастерства (Centre for Teaching and Learning Excellence). Для работы здесь привлечены сотрудники Академии учителей Сингапура и Национального института образования, а также учителя самой базовой школы. Все они перио-

дически дают публичные уроки, наблюдать которые могут и студенты, и действующие учителя других школ. Поскольку наплыв обучающихся в такой форме довольно большой, то, чтобы дети не чувствовали дискомфорта из-за присутствия незнакомцев в классе, Центр прибегает к средствам вроде видеозаписей урока и наблюдения из-за тонированного зеркального стекла.

Таким образом, он представляет собой новую форму сотрудничества различных ведомств и школы, направленную на распространение на учителей передовых идей обучения экспертами, чиновниками и преподавателями вуза непосредственно на практике, чтобы педагоги могли применять эти идеи при занятиях со своими учениками.

Следует признать, что такая форма содействует максимально быстрому переходу инновационных методических идей от науки к школьной практике.

Согласно данным небольшого сингапурского исследования, современные представления о повышении квалификации у учителей отличаются. В частности, часть из них призналась, что участвуют в этих процессах только из-за формальной обязанности, но осознают свои потребности в профессиональном развитии и дефициты все педагоги. Большинство предпочитают формальные курсы, поскольку они удобно встраиваются в их расписание. Кроме того, более привлекательной, чем профессиональные сообщества, для многих видится индивидуальная активность, так как развитие педагога – процесс личностный.

Большинство педагогов готовы повышать квалификацию, однако признают влияние на свою включенность в него факторов времени, финансов, личных потребностей, специфики повышения квалификации, потребностей

школьников и поддержки школьного окружения. При этом все согласились, что конечной целью их профессионального развития является содействие ученикам [3; 4].

Анализируя результаты опроса, авторы сделали вывод, что высокая степень участия педагогов в предложениях профессионального развития объясняется многоярусной структурой поддержки учителей в этом процессе, централизованным, но контролируемым подходом к повышению квалификации, а также чувством профессионализма самих педагогов [3].

Исследования ОЭСР подтвердили очень высокую включенность сингапурских учителей в различные предложения профессионального саморазвития. При сравнении соответствующих показателей по 34 странам выяснилось, что, к примеру, среди учителей начальной школы максимальное число педагогов, участвующих в семинарах и курсах, из Сингапура (93 %; по другим странам, участвовавшим в исследовании средний показатель составлял 71 %) [2].

В результате анализа организации профессионального роста педагогов в Республике Сингапур можно сделать

вывод, что **сильными элементами этой системы** являются высоко развитая культура наставничества в школах (профессиональное сопровождение всех учителей), стратегический и коллегиальный подходы к профессиональному развитию учителя (целенаправленная работа разных структур и педагога, ориентированная на его профессиональное совершенствование и карьерный рост), строгая регламентация и большой объем ежегодного повышения квалификации, его финансирование из государственного бюджета, а также сквозное использование модели компетентности педагога (от теоретического образования в вузе до найма работника и повышения квалификации). Система оценивания компетентности педагогов определенно заслуживает более пристального внимания в российской педагогике, а опыт использования стратегического подхода, уже привлечшего интерес менеджеров образования, несомненно, способен обогатить отечественную практику развития педагогических кадров и способствовать преодолению таких хронических проблем нашей системы, как дефицит учителей и быстрое профессиональное выгорание педагогов.

Библиографический список

1. Кутняк, С. В. Исследование возможностей карьерного роста современного учителя [Текст] // Гуманитарные науки. Педагогика. – 2009. – № 1. – С. 92-99.
2. A Teachers' Guide to TALIS 2013: Teaching and Learning International Survey / OECD. – Paris: TALIS, OECD Publishing, 2014.
3. Chang C. H., Teng P. P. S., Tan A. L. Uncovering why Teachers in Singapore Participate in Professional Development Activities // London International Conference on Education 2013. Proceedings / Olajide, F. (Ed.). – London: Infonomics Society, 2013. – P. 66-69.
4. Chang C. H., Teng P., Tan A. L., Joiko S., Chan Y. W., Poh M. S. Uncovering Singapore Teachers' Motivation to Participate in Professional Development Activities // Literacy Information and Computer Education Journal. – 2014. – № 5(1). – P. 1369-1375.
5. Education Statistics Digest 2017 / Ministry of Education Singapore. – 2017. – URL: https://www.moe.gov.sg/docs/default-source/document/publications/education-statistics-digest/esd_2017.pdf.

6. Goh Ch. C. M. Successes and Challenges in the Continuing Education of Teachers. The Singapore Experience // Teacher Development: Dimensions & Perspectives. – Singapore: The HEAD Foundation, 2016. – P. 9-20.

7. Lee D. H. L., Hong H., Tay W. Y., Lee W. O. Professional learning communities in Singapore schools // Journal of Co-operative Studies, Special issue. – 2014. – № 46(2). – P. 53-56.

8. Ministry of Education Singapore <https://www.moe.gov.sg/>

9. The Legatum Prosperity Index 2017 / The Legatum Institute. – 2017. – URL: https://lif.blob.core.windows.net/lif/docs/default-source/default-library/pdf55f152ff15736886_a8b2ff00001f4427.pdf?sfvrsn=0

10. Teacher and Leader Effectiveness in High-Performing Education Systems / L. Darling-Hammond, R. Rothman (Eds.). – Washington, DC: Alliance for Excellent Education and Stanford, 2011.

Bibliograficheskiy spisok

1. Kutnyak, S. V. Issledovanie vozmozhnostej kar'ernogo rosta sovremennogo uchitelya [Tekst] // Gumanitarnye nauki. Pedagogika. – 2009. – № 1. – S. 92-99.

2. A Teachers' Guide to TALIS 2013: Teaching and Learning International Survey / OECD. – Paris: TALIS, OECD Publishing, 2014.

3. Chang C. H., Teng P. P. S., Tan A. L. Uncovering why Teachers in Singapore Participate in Professional Development Activities // London International Conference on Education 2013. Proceedings / Olajide, F. (Ed.). – London: Infonomics Society, 2013. – P. 66-69.

4. Chang C. H., Teng P., Tan A. L., Joiko S., Chan Y. W., Poh M. S. Uncovering Singapore Teachers' Motivation to Participate in Professional Development Activities // Literacy Information and Computer Education Journal. – 2014. – № 5(1). – P. 1369-1375.

5. Education Statistics Digest 2017 / Ministry of Education Singapore. – 2017. – URL: https://www.moe.gov.sg/docs/default-source/document/publications/education-statistics-digest/esd_2017.pdf

6. Goh Ch. C. M. Successes and Challenges in the Continuing Education of Teachers. The Singapore Experience // Teacher Development: Dimensions & Perspectives. – Singapore: The HEAD Foundation, 2016. – P. 9-20.

7. Lee D. H. L., Hong H., Tay W. Y., Lee W. O. Professional learning communities in Singapore schools // Journal of Cooperative Studies, Special issue. – 2014. – № 46(2). – P. 53-56.

8. Ministry of Education Singapore <https://www.moe.gov.sg/>

9. The Legatum Prosperity Index 2017 / The Legatum Institute. – 2017. – URL: https://lif.blob.core.windows.net/lif/docs/default-source/default-library/pdf55f152ff15736886_a8b2ff00001f4427.pdf?sfvrsn=0

10. Teacher and Leader Effectiveness in High-Performing Education Systems / L. Darling-Hammond, R. Rothman (Eds.). – Washington, DC: Alliance for Excellent Education and Stanford, 2011.

С. Л. Таланов

<https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Соблюдение прав несовершеннолетних и молодых лиц в пенитенциарных учреждениях

Аннотация. В статье анализируется ситуация в сфере соблюдения и защиты прав несовершеннолетних и молодых лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы. Автором проведено социологическое исследование по указанной проблеме в Можайской воспитательной колонии для несовершеннолетних, в исправительных колониях и СИЗО-2, расположенных на территории Ярославской области. Исследование показало, что соблюдение прав человека способствует снижению уровня повторной преступности, и подтвердило эффективность продуманных целевых программ на федеральном и региональном уровнях по предупреждению преступности на основе снижения уровня преступности среди несовершеннолетних и молодых лиц.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, профилактика преступности, девиантное поведение, делинквентное поведение, общественная наблюдательная комиссия.

S. L. Talanov

Respect for the rights of minors and young persons in prisons

Abstract. The article analyzes the situation in the sphere of observance and protection of the rights of minors and young people serving sentences in the form of imprisonment. The author conducted a sociological study on this problem in the Mozhaisk educational colony for minors, in correctional colonies and pre-trial detention center-2, located in the Yaroslavl region. The study showed that respect for human rights contributes to reducing the level of re-criminality, and confirmed the effectiveness of well-designed targeted programs at the Federal and regional levels for the prevention of crime by reducing the crime rate among minors and young people.

Keywords: juvenile delinquency, crime prevention, deviant behavior, delinquent behavior, public monitoring commission.

Актуальность исследования

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, если в 2016 г. выявлено 42 504 несовершеннолетних лица, совершивших преступления, то в 2017 г. – уже 48 589. В настоящее время в России 23 воспитательных колонии, в которых содержится около 1 400 несовершеннолетних. Еще 501 ребенок находится в детских домах при колониях: это дети, рожденные матерями, находящимися в заключе-

нии. Сегодня следует подчеркнуть, что в ярославском регионе отмечается снижение преступности несовершеннолетних на 22,2 % (с 419 чел. в 2016 г. до 326 чел. в 2017 г., см. табл. 1, 2, 3, 4). Но, несмотря на тот факт, что в абсолютных цифрах в целом по стране наблюдается снижение уровня преступности среди несовершеннолетних, приходится констатировать рост детской и молодежной преступности в

некоторых субъектах Российской Федерации.

Кроме того, по данным позиционных экспертов выявлены следующие негативные тенденции преступности: все большее количество несовершеннолетних и молодых лиц совершают преступления в состоянии алкогольно-

го опьянения; наблюдается рост агрессии при совершении преступлений; в структуре преступности изменяется соотношение полов; количество юношей (мужчин), совершивших преступление, увеличивается по отношению к девушкам (женщинам).

Таблица 1

Количество несовершеннолетних в возрасте 14-15 лет, осужденных за совершение преступлений [1]

Субъекты Федерации	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши
Белгородская область	14	80	10	65	13	53
Брянская область	22	105	16	89	21	101
Владимирская обл.	22	125	24	139	12	158
Воронежская область	31	147	22	136	32	157
Ивановская область	19	106	14	77	14	78
Калужская область	16	126	19	116	12	105
Костромская область	13	91	8	77	8	85
Курская область	16	72	15	76	8	62
Липецкая область	5	80	11	66	3	68
Город Москва	38	165	13	150	20	145
Московская область	63	323	45	285	38	293
Орловская область	6	88	11	51	7	48
Рязанская область	5	46	3	54	3	21
Смоленская область	15	81	12	57	5	80
Тамбовская область	16	104	18	65	6	49
Тверская область	18	122	13	146	11	122
Тульская область	20	119	4	92	22	87
Ярославская область	23	98	18	133	17	107

Таблица 2

Количество несовершеннолетних в возрасте 16-17 лет, осужденных за совершение преступлений [1]

Субъекты Федерации	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши
Белгородская область	19	178	21	171	12	118
Брянская область	42	280	35	177	26	158
Владимирская обл.	42	368	40	366	28	258
Воронежская область	41	365	44	356	55	346
Ивановская область	35	224	26	198	16	181
Калужская область	34	229	22	164	15	158
Костромская область	22	175	14	155	16	134

Субъекты Федерации	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши
Курская область	23	193	25	241	13	168
Липецкая область	15	178	13	161	13	154
Город Москва	73	592	60	430	47	347
Московская область	101	685	90	632	58	527
Орловская область	13	153	25	120	6	102
Рязанская область	9	193	20	149	18	86
Смоленская область	19	209	11	135	26	157
Тамбовская область	23	219	18	184	9	149
Тверская область	33	325	29	288	32	200
Тульская область	22	218	24	201	8	171
Ярославская область	34	289	34	234	12	190

Таблица 3

Количество молодых лиц в возрасте 18-24 лет, осужденных за совершение преступлений [1]

Субъекты Федерации	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши
Белгородская область	146	1169	115	1141	122	939
Брянская область	200	1502	154	1250	154	1027
Владимирская обл.	232	1629	179	1261	200	1146
Воронежская область	277	1807	228	1707	217	1593
Ивановская область	147	959	103	807	92	688
Калужская область	178	1178	134	959	119	915
Костромская область	106	698	32	661	89	527
Курская область	182	1244	175	1132	151	1037
Липецкая область	188	1183	135	1109	120	1118
Город Москва	1139	7003	870	6105	775	5521
Московская область	1052	5847	869	5373	784	4894
Орловская область	152	855	75	673	65	586
Рязанская область	135	1051	85	908	103	853
Смоленская область	172	1269	118	1087	141	873
Тамбовская область	161	1209	155	1191	136	939
Тверская область	220	1540	189	1313	131	1133
Тульская область	176	1170	135	971	147	950
Ярославская область	242	1295	164	1151	159	1001

Таблица 4

Количество молодых лиц в возрасте 25-29 лет, осужденных за совершение преступлений [1]

Субъекты Федерации	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши
Белгородская область	184	1239	127	1109	132	966
Брянская область	254	1324	177	1245	179	1119
Владимирская обл.	328	1609	251	1547	198	1368

Субъекты Федерации	2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	девушки	юноши	девушки	юноши	девушки	юноши
Воронежская область	360	2046	277	2024	275	1886
Ивановская область	205	1066	165	933	129	760
Калужская область	215	1105	157	1012	182	917
Костромская область	130	788	114	758	104	617
Курская область	184	1197	170	1144	159	1005
Липецкая область	200	1147	152	1081	178	1079
Город Москва	1303	7284	1029	6710	878	6005
Московская область	1452	6768	1267	6362	1131	5812
Орловская область	130	688	114	629	113	562
Рязанская область	154	910	115	978	123	876
Смоленская область	212	1182	143	1105	152	976
Тамбовская область	198	1108	181	1106	147	984
Тверская область	254	1557	244	1386	212	1165
Тульская область	182	1059	165	984	199	929
Ярославская область	275	1340	209	1209	176	1110

Целью исследования явилось изучение ситуации соблюдения прав молодых осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

Эмпирическая база исследования

В процессе исследования проведен опрос несовершеннолетних, осужденных в 2014 г. в Можайской воспитательной колонии [1].

Проведено интервью с осужденными и бывшими осужденными – n=40. Кроме того, были опрошены позиционные эксперты – n=20. (начальники ряда учреждений, помощник начальника управления по соблюдению прав человека, вольнонаемный персонал (психологи, члены ОНК 1-3 созыва и т. п.).

Осуществлен вторичный анализ данных:

- судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;
- Федеральной службы государственной статистики России;
- Генеральной прокуратуры РФ;
- результатов социологических исследований, проведенных ВЦИОМ,

результатов социологических исследований, проведенных сотрудниками федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ РАН), сотрудниками Академии Управления МВД РФ, сотрудниками Академии ФСИН России.

В ходе исследовательской деятельности изучена нормативно-правовая база заявленной проблематики: проанализированы Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и «Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года», а также федеральные, региональные и муниципальные программы по предупреждению и профилактике преступности среди несовершеннолетних и молодежи [2, 6].

Методологическая база исследования

Теоретико-методологической основой исследования выступила институ-

циональная теория аномии (Бьеррегаард и Кокран, Буркатски, Месснер, Том и Розенфельд) [7, 8, 9], теория стигматизации (Г. Беккер, Ф. Танненбаум), а также научные труды О. А. Коряковцевой, И. Ю. Тархановой, Т. Г. Доссэ, касающиеся вопросов социализации молодежи [3, 5].

Авторские гипотезы

– Значительная часть осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях, не знает о своих правах.

– Основными источниками знаний о правах человека для осужденных являются газеты, которые они получают, информация, доносимая помощником прокурора Ярославской области по надзору за соблюдением законов, информация, полученная во время беседы лично с Уполномоченным по правам

человека и членов общественной наблюдательной комиссии (ОНК).

– Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, независимо от состава совершенного ими преступления, хотят иметь информацию о своих правах, желательно на бумажных носителях.

– Деятельность Уполномоченного по правам человека в Ярославской области и членов общественной наблюдательной комиссии способствует повышению правовой грамотности среди несовершеннолетних и молодых лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Результаты исследования

В начале исследования была предпринята попытка осмыслить причины, которые способствовали совершению преступлений, по мнению самих осужденных (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Что способствовало совершению преступления»* в %, от числа опрошенных

Обстоятельства	ИК n=200	СИЗО-2 n=80	МВК**
доступность благ (плохо охраняется)	74	83	79
знал, что не найдут, не накажут, не докажут	68	79	78
небольшой срок наказания	59	45	33
экстренная ситуация, долги, болезнь и т. д.	54	38	18
алкогольное опьянение	43	61	55
считают распределение благ несправедливым	27	21	49
множество пунктов сбыта похищенного	24	14	51

*Респонденты указывают несколько наиболее важных, по их мнению, ответов.

** Здесь и далее – Можайская воспитательная колония

Как видно по результатам опроса, 74 % осужденных, 83 % обвиняемых, 79 % воспитанников Можайской колонии указали, что совершили преступление в результате случайного стечения обстоятельств. 68 % осужденных, 79 % обвиняемых, 78 % воспитанников колонии для несовершеннолетних при

совершении преступления были уверены, что их не найдут, не накажут, не докажут. В анкете была дана возможность пояснить свой ответ. Так, 68 % осужденных были уверены, что никогда не будут привлечены к уголовной ответственности, поскольку они очень опытные, а правоохранительная система

не очень эффективна. 59 % осужденных знали, что за большую часть преступлений предусмотрены небольшие сроки наказания.

Далее были изучены семейные условия воспитания респондентов на момент совершения ими первого преступления (табл. 6).

Таблица 6

Семейные условия воспитания респондентов на момент первой судимости (% от числа опрошенных)

Воспитание осуществлялось в условиях	ИК n=200	СИЗО-2 n=80	МВК n=75
Полной родительской семьи	53	50	56
Полной родительской семьи, но с мачехой, отчимом	18	11	19
Неполной семьи	30	28	29
В детском доме	17	22	15

В ходе исследования установлено, что примерно 50 % опрошенных воспитывались в полной семье, 30 % осужденных, 28 % обвиняемых и 29 % воспитанников колонии для несовершеннолетних – воспитывались в неполной семье. Кроме того, выяснено, что у каждого второго осужденного и воспитанника воспитательной колонии

ранее были судимы папа, мама, брат или сестра. Среди обвиняемых только 12 % указали, что их родственники ранее привлекались к уголовной ответственности.

Важным для исследования стало изучение стилей воспитания в семьях и детских домах наших респондентов (табл. 7).

Таблица 7

Стили воспитания в семьях и детских домах (% от числа ответивших)*

Стили (правила) воспитания	n=200	СИЗО-2	МВК
Воля ребенка, расцениваемая как упрямство, должна быть сломлена и как можно скорее	62	64	69
Лишь взрослые определяют, что правильно, что неправильно. Взрослые – хозяева ребенка	61	49	39
Физическое наказание за мелкие проступки или непослушание	42	47	64
Дети – это взрослые, и никто не обязан контролировать их жизнь (безнадзорность)	21	18	22
Чрезмерная опека, мелочный контроль, действует система непрерывных запретов и невозможность для ребенка принять когда-либо собственные решения	15	13	14

*Процент по вертикали более ста процентов, так как респонденты могли указывать сразу несколько вариантов ответов.

Результаты опроса показывают: в большинстве семей и в детских домах

часто идет подмена понятий «воспитание» и «наказание». При этом часто

используют стили воспитания, ведущие к девиантному поведению.

Опрос позиционных экспертов выявил, что многие из них считают необходимым ужесточение уголовной ответственности за большинство составов преступлений. Они полагают, что люди, совершившие хотя бы один раз преступление, совершат его снова.

Согласно теории стигматизации (Г. Беккер, Ф. Танненбаум) государство и общество в ряде случаев само создает девиантов. В связи с этим важно было выявить, не нарушаются ли права осужденных, подозреваемых, обвиняемых, так как озлобление, агрессия со стороны отбывающих наказание в ответ на нарушение их прав способствует росту повторной преступности.

Мы полагаем, что условия отбывания наказания осужденных (в колониях) должны быть максимально приближены к условиям на свободе. Нака-

зание осужденных должно заключаться в определенных ограничениях на перемещение, общение, посылки и т. п., но во всем остальном – условия содержания в исправительных и воспитательных колониях должны быть приближены к реальной жизни, прежде всего – обеспеченностью работой, возможностью учиться, с пользой и интересом для себя проводить досуг. Иначе все большее количество лиц, освободившихся из мест лишения свободы, будут испытывать трудности при ресоциализации и соответственно будет наблюдаться рост повторной преступности.

Для формирования правовой грамотности несовершеннолетних и молодых подозреваемых, обвиняемых, осужденных следовало выявить, из каких источников они получают правовую информацию (табл. 8).

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников вы получаете информацию о правах человека?» (в %, от числа опрошенных)

Указанный источник информации	ИК	СИЗО-2	МВК
Газеты, в основном «Российская газета»	98	41	80
Информирует Уполномоченный по правам человека или сотрудники аппарата омбудсмана	89	94	87
Информируют члены ОНК (общественной наблюдательной комиссии)	88	90	74
Информируют прокуроры	81	38	78
Адвокаты	54	73	39
Информируют сотрудники ФСИН (начальники отрядов и т. п.)	44	53	63
Приезжают с лекциями юристы, правозащитники	43	–	–
Стенд, газета, информационные листки в общежитиях ИК и т. п.	40	29	45
Информируют следователи, дознаватели	38	42	–
Информируют учителя в школе при ИК	34	28	69
Из телевизионных программ	33	41	39
Информируют родственники об изменениях в законодательстве	29	71	40
Иное	7	6	7

*Респонденты указывают несколько наиболее важных, по их мнению, ответов.

По результатам опроса основными источниками знаний о правах человека для осужденных являются газеты, выписываемые осужденными, информация, доносимая помощником прокурора Ярославской области по надзору за соблюдением законов в ИУ, информация, полученная во время беседы лично с Уполномоченным по правам человека и членами общественной наблюдательной комиссии (ОНК).

94 % обвиняемых (СИЗО-2) и 87 % воспитанников получают информацию о правах от Уполномоченного по правам человека или сотрудников аппарата омбудсмана.

Интересен следующий факт: почти одинаковый процент осужденных указал, что основным источником знаний об их правах является информация, полученная в ходе бесед с омбудсменом (89 %) и членами ОНК (8 %), но уровень доверия к полученной информации кардинально отличается.

Обвиняемые, осужденные, воспитанники воспитательной колонии имели возможность пояснить свои ответы. Так, 95 % осужденных, 100 обвиняемых доверяют омбудсмену, 67 % осужденных, 94 % обвиняемых доверяют информации получаемой из «Российской газеты», 54 % осужденных, 89 % обвиняемых доверяют информации, полученной от членов ОНК. Низкий уровень доверия к некоторым членам ОНК среди осужденных связан с тем, что среди членов ОНК 4-го созыва много лиц, ранее работавших в правоохранительных органах (в уголовном розыске и ФСБ). Соответственно, около половины опрошенных полагают, что члены ОНК в большей своей массе отстаивают интересы системы ФСИН, а не интересы обвиняемых, осужденных и т. п.

Нас как исследователей интересовало, как относятся осужденные к

представителям духовенства, каков здесь уровень доверия. По этой причине, кроме анкетирования, мы провели интервью с рядом осужденных, в рамках которого установили, что наблюдается высокий уровень доверия к представителям духовенства. Те осужденные, которые себя позиционируют атеистами, к представителям ислама, православия и иудаизма относятся нейтрально. Выяснилось, что уровень доверия к представителям духовенства обусловлен разными причинами.

Так, осужденные, исповедующие ислам, пояснили, что имам пропагандирует идеи сострадания, взаимопомощи, любви, служение Аллаху. В их понимании, имам не может обманывать. Осужденные из числа атеистов, православных, а также других конфессий, не относящихся к исламу, пояснили, что уважают или относятся нейтрально к священникам, имамам и т. п., потому что духовные лица в целом олицетворяют собой гуманность, доброту и справедливость. Лица, исповедующие ислам, отметили, что православные священники являются для них людьми, которые искренне защищают интересы осужденных, несмотря на разные религиозные взгляды.

Отметим особый факт: среди членов ОНК 4-го созыва (2017-2020 гг.) есть имам Ярославской соборной мечети и два православных священника. Статистика констатирует, что в последние годы в области возросло число лиц, привлеченных к уголовной ответственности из стран ближнего зарубежья, которые в значительной своей массе исповедуют ислам. Соответственно, наличие в составе ОНК имама позволяет более эффективно осуществлять общественный контроль над обеспечением прав человека в местах принудительного содержания.

Как ни странно, но доверие к адвокатам ниже, чем этого можно было ожидать. Несмотря на то, что 54 % осужденных отметили, что, в основном, получают информацию о своих правах от адвокатов, только 41 % им доверяет. В рамках исследования мы выяснили, что большинство осужденных считают: среди адвокатов много так называемых «карманных адвокатов», то есть тех, кто работает на правоохранительную систему. Либо таких адвокатов, которые много обещают, требуют много денег за свои услуги, но

реально ничего не делают для защиты прав обвиняемых и осужденных. Естественно уровень доверия к адвокатам выше среди тех, кто является подозреваемым или обвиняемым и находится в СИЗО. Так, 73 % обвиняемых получают информацию о своих правах от адвокатов, хотя доверяют адвокатам 63 %.

В процессе изучения проблемы необходимо было выяснить, достаточно ли информируют подозреваемых, обвиняемых, осужденных об их правах (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос: «Достаточно ли вас информируют о правах человека?» (в %, от числа опрошенных)

	ИК	СИЗО-2	МВК
Да, абсолютно достаточно	9	12	8
Скорее достаточно	12	62	19
Скорее недостаточно	52	21	36
Очень мало	27	5	37
Не интересует / Затрудняюсь ответить	–	–	–

Из опроса видно, что только 9 % осужденных, 12 % обвиняемых, 8 % воспитанников Можайской колонии считают, что их достаточно информируют о правах. Лучше всех проинформированы о правах подозреваемые и обвиняемые в СИЗО-2 (62 %). В ходе опроса обвиняемые пояснили, что информацию получают не только в беседах с омбудсменом, но и из информа-

ционных листов Уполномоченного по правам человека Ярославской области.

Далее мы изучали, о каких правах респонденты хотели бы узнать больше (табл. 10).

Особый интерес у нас как у лиц, желающих облегчить участь заключенного, вызывали ответы на вопрос «О каких правах вы хотели бы знать больше?»

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «О каких правах вы хотели бы знать больше?»* (в %, от числа опрошенных)

	ИК	СИЗО-2	МВК
О социальном обеспечении	84	–	7
О необходимых условиях для получения медико-санитарной и специализированной помощи	68	7	11
О правах на вероисповедание	54	31	8
Об обеспечении санитарно-гигиеническими средствами и устройствами, соблюдении норм приватности	34	18	21

	ИК	СИЗО-2	МВК
О трудовых правах	34	–	29
О правах на информацию	31	8	6
О правах на УДО	26	–	30
О правах на психологическую помощь	21	14	6
О нормах на питание и про санитарные условия в столовой	13	9	7

*Респонденты указывают несколько наиболее важных, по их мнению, ответов.

Ответы убеждают нас в том, что респонденты желали бы получить более подробную информацию о социальном обеспечении, медицинской и психологической помощи и о правах на вероисповедание.

Осужденные в рамках проведенного после анкетирования интервью, пояснили, что в большинстве случаев им оказывается квалифицированная медицинская помощь, но они не владеют

информацией о медицинских процедурах, которые можно получить бесплатно помимо предусмотренных в обязательном порядке.

Мы предоставили подозреваемым, обвиняемым, осужденным, воспитанникам колонии для несовершеннолетних возможность описать ситуации, когда, по их мнению, нарушались их права. Результаты представлены в табл. 11.

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Опишите конкретную ситуацию, когда нарушались права человека в отношении вас»* в %, от числа опрошенных

	ИК	СИЗО-2	МВК
нарушено право на социальное обеспечение, в том числе на получение пенсий и социальных пособий	84	–	7
нарушено право на вежливое обращение со стороны персонала учреждения, исполняющего наказания	69	7	13
нарушено право на получение первичной медико-санитарной и специализированной медицинской помощи в амбулаторно-поликлинических или стационарных условиях	68	7	11
нарушено право на вероисповедание	54	31	8
нарушено право на свидания с родственниками	34	19	11
нарушено право на получение информации о моих правах и обязанностях	31	8	12
нарушено право обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами на администрацию учреждения	30	8	9
нарушено право на психологическую помощь	21	–	6
были нарушены иные права	7	8	7

*Респонденты указывают несколько наиболее важных, по их мнению, ответов.

Осужденные указали, что в основном нарушались права на социальное обеспечение, вежливое обращение и вероисповедание. Те, кто содержатся в СИЗО, отметили нарушение прав на вероисповедание (31 %) и прав на свидания с родственниками (19 %). Воспитанники Можайской колонии под-

черкнули нарушение их права на вежливое обращение со стороны персонала (13 %) и на получение информации об их правах и обязанностях (12 %).

Далее мы попросили конкретизировать имеющиеся у респондентов замечания по условиям содержания (табл. 12 и 13).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «Ваши замечания по условиям содержания»* (в %, от числа опрошенных)

	ИК	СИЗО-2	МВК
количество человек в спальнях помещений выше нормы	–	–	–
недостаточное освещение	38	11	9
ограничен доступ воздуха	44	9	–
недостаточное освещение в ПКТ, ЕПКТ, в отрядах общежитиях	41	7	–
сырость в помещении	52	7	–
нет условий для религиозных обрядов	33	8	–
другие замечания	6	7	5

*Респонденты указывают несколько наиболее важных, по их мнению, ответов.

Ряд осужденных, исповедующих ислам, пояснили, что в ПКТ (помещении камерного типа) они не видят, когда нужно молиться, так как окна в камере очень маленькие и непонятно, какое сейчас время суто

к (день или ночь).

Далее изучался вопрос, нарушались ли права опрошенных на полноценное питание (табл. 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у вас замечания по питанию?»* (в %, от числа опрошенных)

	ИК	СИЗО-2	МВК
некачественные продукты	20	8	16
недостаточно посуды	19	–	–
не соблюдаются нормы по питанию для представителей разных религиозных конфессий	13	9	7
качество приготовления неважное	8	7	15
Другое	5	5	5

* Респонденты указывают несколько наиболее важных, по их мнению, ответов.

20 % осужденных отметили, что в колонии некачественные продукты, 19 % указали, что недостаточно посуды.

В ходе опроса начальник учреждения пояснил, что, к сожалению, наблюдаются случаи, когда осужденные выносят посуду из столовой, чтобы поесть в общежитиях отрядов или еще

где-нибудь и не возвращают ее. Периодически служащие при уборке мусора в мусорных баках находят посуду из столовой. Данную посуду соответственно утилизируют, так как она не пригодна для приема пищи. В результате посуду для столовой приходится постоянно докупать.

Нас как исследователей интересовало мнение бывших осужденных, так как осужденные и обвиняемые, находясь в местах принудительного содержания, иногда отказываются принимать участие в социологических опросах, боясь возможных последствий со стороны сотрудников ФСИН и ОВД.

По этой причине мы провели ряд интервью с бывшими осужденными. Далее мы приводим некоторые ответы бывших осужденных.

Юра, 26 лет. «Когда я отбывал наказание в исправительной колонии меня часто заставляли работать сверхурочно и в выходные дни, при этом платили меньше положенного».

Олег, 30 лет. «Когда за нарушения меня помещали в ПКТ (помещение камерного типа), меня кормили какими-то отходами, иногда в еде находил червяков».

Владимир, 34 года. «Отбывая наказание в ИК у меня часто болели зубы, но, к сожалению, их не лечили. И не к одному ко мне было такое отношение. Зубной врач в основном выдирает зубы, а не лечил, при этом появлялся в исправительной колонии очень редко».

Ильмир, 28 лет. «Опер (оперуполномоченный) меня периодически избивал, так как ему не нравилась моя статья, по которой я отбывал наказание. Меня осудили за статью 228 «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств...»

Акиф, 27 лет. «Я приехал из Таджикистана и хотел быстро разбогатеть. По этой причине делал закладки (наркотиков) по всему городу. За это и был задержан и осужден. В ИК меня периодически избивали, так как я был судим за распространение наркотиков».

В ходе социологического исследования мы опрашивали позиционных экспертов. Позиционные эксперты отметили, что несовершеннолетние и молодые лица, иногда жалуются на условия содержания, чтобы «раскачать» режим, получить определенные послабления, а не потому, что есть реальные проблемы с соблюдением их прав. В последние годы растет число лиц из Таджикистана, Узбекистана и других стран Средней Азии, осужденных за распространение наркотиков в России, что влияет на общую ситуацию в исправительных колониях.

Многие из иностранных граждан плохо знают русский язык и тем более свои права. Необходимо выпускать специальную правовую литературу на таджикском, узбекском языках.

Кроме того, позиционные эксперты подчеркнули необходимость создания условий сотрудникам ФСИН, ОВД для повышения квалификации в области прав человека и в сфере организации профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

Выводы и рекомендации

В ходе исследования нашли подтверждение все выдвинутые гипотезы.

Считаем, что необходима системная, адресная и полномасштабная работа по правовому просвещению подозреваемых, обвиняемых, осужденных, находящихся в местах принудительного содержания и системное повышение профессиональной компетентности сотрудников ФСИН и ОВД в области прав человека. Необходимо:

– Проводить лекции в исправительных колониях и СИЗО с целью формирования, прежде всего, у несовершеннолетних и молодых лиц правозащитной культуры, воспитания у обвиняемых, осужденных уважения к закону. Для этого привлекать преподавателей из вузов, а также известных юристов и правозащитников.

– Проводить круглые столы и научно-практические конференции, в рамках которых повышать правовую грамотность сотрудников ФСИН и ОВД.

– Систематически и целенаправленно повышать квалификацию сотрудников ФСИН и ОВД.

– Повышать общую правовую и правозащитную культуру членов общественной наблюдательной комиссии (ОНК), так как многие в ее составе не имеют юридического образования и навыков общения с обвиняемыми и осужденными. Для этого направлять членов ОНК на курсы повышения квалификации.

– Ввести уголовную ответственность за переброску или доставку запрещенных предметов путем переброса через основное ограждение ис-

правительной колонии или каким-либо иным способом (например, посылка и т. п.).

– Не включать в срок отбывания наказания нахождение в ПКТ (помещение камерного типа), ШИЗО (штрафной изолятор), ЕПКТ (единое помещение камерного типа), что будет дисциплинировать осужденных и способствовать соблюдению ими режима дня и законов РФ.

– Повышать эффективность прокурорского надзора за деятельностью ФСИН.

– Систематически выпускать специальную правовую литературу на таджикском, узбекском и других языках для осужденных и обвиняемых, а также справочную литературу для сотрудников ФСИН и ОВД по работе с данным контингентом.

– Регулярно проводить социологические исследования, направленные на изучение соблюдения прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных в местах принудительного содержания с целью снижения количества нарушений прав человека.

Библиографический список

1. Данные Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total. – (Дата обращения: 19.12.2018).
2. Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р.
3. Коряковцева, О. А., Тарханова, И. Ю., Доссэ, Т. Г. Тьюторское сопровождение взрослых обучающихся: возможности и перспективы [Текст] / О. А. Коряковцева, И. Ю. Тарханова, Т. Г. Доссэ // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 100-103.
4. Таланов, С. Л., Бабуркин, С. А. Правовое просвещение несовершеннолетних осужденных в области прав человека [Текст] / С. Л. Таланов, С. А. Бабуркин // Вопросы ювенальной юстиции. – 2018. – № 2. – С. 13-15.
5. Тарханова, И. Ю., Бугайчук, Т. В., Коряковцева, О. А., Куликов, А. Ю. Концепция социализации взрослых средствами дополнительного профессионального образования [Текст] / И. Ю. Тарханова, Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева,

А. Ю. Куликов // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 1. – С. 131-135.

6. Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ.

7. Bjerregaard B., Cochran J. K. Want Amid Plenty: Developing and Testing a Cross-National Measure of Anomie // International Journal of Conflict and Violence. – Vol. 2, № 2, 2008. – P. 182-193.

8. Burkatzki E. Is the Market Eroding Moral Norms? A Micro-Analytical Validation of Some Ideas of Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. – 2008. – Vol. 2 – № 2. – P. 268-287.

9. Messner S. F., Thome H., Rosenfeld R. Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. – 2008. – Vol. 2. – № 2. – P. 163-181.

Bibliograficheskij spisok

1. Dannye General'noj prokuratury RF [Elektronnyj resurs]. – URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total. – (Data obrashcheniya: 19.12.2018).

2. Koncepciya razvitiya sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravo-narushenij nesovershennoletnih na period do 2020 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 22 marta 2017 g. № 520-r.

3. Koryakovceva, O. A., Tarhanova, I. YU., Dosseh, T. G. T'yutorskoe soprovozhdenie vzroslyh obuchayushchihsya: vozmozhnosti i perspektivy [Tekst] / O. A. Koryakovceva, I. YU. Tarhanova, T. G. Dosseh // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 5. – S. 100-103.

4. Talanov, S. L., Baburkin, S. A. Pravovoe prosveshchenie nesovershennoletnih osuzhdennyh v oblasti prav cheloveka [Tekst] / S. L. Talanov, S. A. Baburkin // Voprosy yuvenal'noj yusticii. – 2018. – № 2. – S. 13-15.

5. Tarhanova, I. YU., Bugajchuk, T. V., Koryakovceva, O. A., Kulikov, A. YU. Koncepciya socializacii vzroslyh sredstvami dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya [Tekst] / I. YU. Tarhanova, T. V. Bugajchuk, O. A. Koryakovceva, A. YU. Kulikov // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 131-135.

6. Federal'nyj zakon «Ob obshchestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestah prinuditel'nogo sodержaniya i o sodejstvii licam, nahodyashchimsya v mestah prinuditel'nogo sodержaniya» ot 10 iyunya 2008 g. № 76-FZ.

7. Bjerregaard B., Cochran J. K. Want Amid Plenty: Developing and Testing a Cross-National Measure of Anomie // International Journal of Conflict and Violence. – Vol. 2, № 2, 2008. – P. 182-193.

8. Burkatzki E. Is the Market Eroding Moral Norms? A Micro-Analytical Validation of Some Ideas of Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. – 2008. – Vol. 2 – № 2. – P. 268-287.

9. Messner S. F., Thome H., Rosenfeld R. Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory // International Journal of Conflict and Violence. – 2008. – Vol. 2. – № 2. – P. 163-181.

Н. Ф. Бабурина

<https://orcid.org/0000-0001-7814-6665>

В. В. Кумсков

<https://orcid.org/0000-0001-5185-4944>

Художественная литература на уроках истории

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об использовании художественных произведений для достижения метапредметных и предметных результатов обучения истории России в 5-8 классах на основе познавательных исторических задач по отечественной и зарубежной истории. Задания имеют различные уровни сложности в зависимости от характера самостоятельной познавательной деятельности учащихся. Приведенные примеры составлены на основе эпиграмм, отрывков из исторических романов и поэм. Произведения художественной литературы обладают богатейшими возможностями для формирования навыков работы с информацией, направленной на ее преобразование и интерпретацию. При работе с отрывками из художественного произведения ученики имеют возможность самостоятельно или при помощи учителя определять необходимые действия для решения задач и составлять алгоритм их решения; находить в тексте необходимую информацию в соответствии с требованием задачи; излагать полученную из текста информацию и интерпретировать ее в контексте решаемой задачи.

Познавательные задачи, составленные на основе произведений художественной литературы, способствуют более прочному усвоению базовых исторических знаний, осознанному применению понятийного аппарата исторического знания, они позволяют использовать приемы исторического анализа для раскрытия сущности событий и явлений прошлого, а также расширяют кругозор учащихся.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход, метапредметные и предметные результаты обучения, универсальные учебные действия, основы читательской компетенции, жанры художественной литературы.

N. F. Baburina, V. V. Kumskov

Fiction in history lessons

Abstract. The article deals with the use of works of art to achieve metasubject and subject results of teaching the history of Russia in grades 5-8 on the basis of cognitive historical problems in domestic and foreign history. Tasks have different levels of difficulty depending on the nature of independent cognitive activity of students. These examples are based on epigrams, excerpts from historical novels and poems. Works of fiction have a wealth of opportunities for the formation of skills to work with information aimed at its transformation and interpretation. When working with excerpts from a work of art, students have the opportunity independently or with the help of a teacher to determine the necessary actions to solve problems and make an algorithm for their solution; find the necessary information in the text in accordance with the requirements of the problem; present the information obtained from the text and interpret it in the context of the task.

Cognitive tasks, compiled on the basis of works of fiction, contribute to a more solid assimilation of basic historical knowledge, conscious application of the conceptual apparatus of

historical knowledge, they allow you to use the techniques of historical analysis to reveal the essence of events and phenomena of the past, as well as expand the horizons of students.

Keywords: system-activity approach, metasubject and subject results of training, universal educational actions, bases of reader's competence, genres of fiction.

Современная система школьного исторического образования основана на системно-деятельностном подходе, главная цель которого состоит в том, чтобы пробудить у человека интерес к предмету и процессу обучения, а также развить у него навыки самообразования. Выпускник должен быть способен ставить перед собой цели, решать учебные и жизненные задачи и отвечать за результат своих действий.

Художественная литература может быть использована учителем истории для организации продуктивной познавательной деятельности школьников, направленной на достижение результатов обучения, определенных ФГОС основного общего образования.

Кроме того, художественная литература помогает конкретизации исторического материала и формированию у школьников ярких образов прошлого, являющихся составной частью их исторических представлений [1, с. 142].

В художественной литературе очень ярко и красочно описываются исторические события, что позволяет ученикам почувствовать и увидеть «краски и дух эпохи». Фрагменты художественных произведений помогают полнее вникнуть в исторические события или воссоздать колорит эпохи, дать картинное или портретное описание.

Художественная книга позволяет поддержать внимание учеников, способствует развитию интереса к предмету, сформировать у школьников эмпатию.

Использование отрывков из художественных произведений способствует формированию основ читательской компетенции, совершенствованию навыков работы с информацией [7,

с. 17], являющихся составной части метапредметных результатов обучения. Несомненно, работа учащихся с художественной литературой способствует развитию таких навыков как систематизация, сопоставление, анализ, обобщение, интерпретация информации, и т. д.

Учитель может привлекать для организации урока различные жанры литературных произведений, в том числе повести, поэмы, рассказы, романы, баллады, былины, мифы, оды, эпиграммы, а также такие жанры древнерусской литературы X–XVII вв., как жития, хроники, повести, летописи. В определенной степени это будет способствовать реализации межпредметных связей истории и литературы.

Художественное произведение, используемое на уроке, должно иметь высокохудожественную ценность, включать в себя живое изображение исторических событий, образы исторических деятелей, представителей народных масс и изображение самих масс; картинное описание обстановки, в которой разворачивались события прошлого. Вымысел художественного произведения должен находиться в пределах исторической и бытовой достоверности.

Художественная литература, используемая в преподавании истории, включает литературные памятники изучаемой эпохи и историческую беллетристику.

К литературным памятникам относят произведения, созданные в изучаемую эпоху, написанные современниками событий, изучаемых в курсе истории. Произведения этой группы являются своеобразными документами эпохи, нередко служат одним из источников знаний о прошлом. Конечно, в литера-

турных памятниках эпохи содержится ее изображение сквозь призму взглядов автора, как представителя определенного класса своего времени, как сторонника конкретных философских, литературных, социальных позиций. Поэтому необходим в ряде случаев критический подход учащихся к этим литературным произведениям, некоторые указания и оговорки учителя.

Таким образом, литературные памятники эпохи могут быть в ряде случаев использованы для ознакомления не только с историческими событиями, но и для изучения идеологии, взглядов людей своего времени [3, с. 4-5].

При изучении темы «Россия при Павле I» в качестве «завязки» урока ученикам предлагается эпиграмма «Разговор», написанная неизвестным автором в конце XVIII в.:

Первый: Не все хвали царей дела.

Другой: Что ж глупого произвела Великая Екатерина?

Первый: Сына! [6, с. 96]

Ученикам предлагается определить, как оценивали Павла современники, что в эпиграмме указывает на это. Затем высказать предположение, можно согласиться или нет с такой оценкой, свой ответ обоснуйте. После этого ученикам следует обратиться к последнему предложению § 29 «Россия при Павле»: по свидетельству современника, «из 36 миллионов людей по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора Павла», определить проблему, выдвинуть версии ее решения.

После параграфа приведено мнение современного американского историка Р. Мак-Грю о Павле: «Хотя, многие русские, особенно при дворе и в армии, имели все основания забыть о Павле, фактически то, что Павел совершил за четыре года и три месяца своего правления, оказалось основополагающим

для России в первой половине XIX в. Его реформы создали строго централизованную систему управления, сфокусированную на царе, военизировали нарождающуюся бюрократию, изменили армию и военное управление, урегулировали проблему престолонаследия, формально узаконили статус царской семьи и нанесли смертельный удар екатерининским новациям в местной системе управления» [12, с. 293].

Использование приведенных выше источников знаний позволяет ученикам выявить содержащиеся в текстах противоречивые характеристики Павла, определить свою позицию.

Эпиграммы можно использовать для оценки деятельности Екатерины II и Павла I. Примером могут служить следующие строки:

«Дивились нации
предшественнице Павла:

Она в делах гигант, а он пред нею
карла». [6, с. 96]

Вторую группу составляют произведения об изучаемой эпохе, созданные писателями позднейшего времени на основе исторических источников и научных исследований прошлого. [2, с. 5].

Так, при изучении эпохи Ивана Грозного можно использовать отрывок из исторического романа А. К. Толстого «Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного»: «Верстах в трех от Слободы стояла на заставе воинская стража и останавливала проезжих, спрашивая каждого: кто он и зачем едет в неволю? Этим прозванием народ, в насмешку, заменил слово «слобода», значившее в прежнее время свободу. Серебряный и холопы его также выдержали подробный допрос о цели их приезда. Потом начальник человек отобрал от них оружие, и четыре опричника сели на коней проводить приезжих.

Вскоре показались вдали крашенные главы и причудливые, золоченые крыши царского дворца» [9, с. 49].

Ученикам предлагается подумать, почему «Этим прозванием (неволя) народ, в насмешку, заменил слово «слобода», значившее в прежнее время свободу».

Изучение истории невозможно без формирования пространственных умений. В 7 классе при изучении темы «Россия на рубеже веков. Азовские походы» используем стихотворение поэта XIX в. В. Г. Бенедиктова «Малое слово о великом» [1], написанное в 1855 г.:

«Взял топор – и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик – флотик,
Этот флотик – флот родил».

О каких событиях и процессах повествует автор, «привяжите» их к исторической карте (укажите связанные с ними географические объекты на исторической карте). На основе текста Указа Петра I от 7 февраля 1722 г. определите, по каким причинам Петр адресует этот указ воеводам переславским: «Надлежит вам беречь остатки кораблей, яхт и галеры, а буде опустите, то взыскано будет на вас и на потомков ваших яко пренебрегших сей Указ. Петр. В Переславле, в день 7 февраля 1722 г.» [11].

Данные отрывки позволяют сделать акцент на истории Ярославского края как важнейшей составляющей истории России.

Художественная литература позволяет обратиться к характеристике исторических личностей, при этом возможен их сравнительный анализ. Примером может служить отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», в котором приведены описания Петра и Карла во время сражения. Ученикам предлагается выделить из текста слова и словосочетания, характеризующие их внешний

облик, преобразовать стихотворный текст в описательный. На основании текста § 14 «Северная война. Полтавская битва» прокомментировать строки из поэмы – «Казалось, Карла приводил желанный бой в недоуменье».

В соответствии с Примерной основной образовательной программой учителя истории организуют на уроках смысловое чтение. Ученики должны уметь ориентироваться в содержании текста, выделять ключевые термины, находить требуемую информацию, выделять главное, понимать целостный смысл текста.

В 8 классе при изучении социально-экономического развития России, учитель может использовать отрывки из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [4, с. 191-192]. В них поэт в образной форме говорит о двух явлениях экономической жизни России. Школьникам предлагается их назвать, свой ответ подтвердить строками из текста:

«Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками.
Ивановскими ситцами.
Клеями, новой обувью –
Издельем кимряков».
(специализация районов)
«В моей Сурминской волости
Крестьяне все подрядчики.
Бывало дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны»
(отходничество)

Ученикам также предлагается объяснить смысл фразы «Бывало дома скучно им...».

В 5 классе для учащихся с высоким уровнем обучаемости может быть предложен отрывок из романа И. Ефремова «Таис Афинская»: «Эти ни с чем несравнимые творения казались делом рук титанов, хотя знающие люди уверяли

Таис, что пирамиды построены самыми обыкновенными рабами.

Если человека крепко бить, – цинично усмехаясь, рассказывал гелипольский жрец, знаток истории, – он сделает все, что покажется немислимим его потомкам. – Самые большие постройки в Египте, значит... – недобро сказала Таис»

Задание заключается в том, что-бы ученики закончили фразу Таис. Для этого им необходимо проанализировать слова жреца и определить их главный смысл. Ответ, который ученики должны дать: «...здесь людей били крепче всего» [3, с. 71-72].

Кроме работы с отрывками художественных произведений на уроке учитель может организовать деятельность школьников, направленную на приобретение ими опыта проектной деятельности [7, с. 17], развития основ читательской компетенции. Так ученикам 7-9 классов можно предложить проект «Реклама книги», представляющий собой творческую разработку, посвященную одной книге. Заданный формат рекламы включает в себя различные виды деятельности (художественное творчество,

психологический анализ, информационный поиск, критическое размышление и др.).

В качестве внеклассной деятельности можно провести фестиваль школьных творческих коллективов «Книга на сцене», представляющих воплощение темы чтения в различных сценических жанрах (песня, танец, пантомима, музыкальные номера, инсценировки, литературные композиции, художественное чтение и др.) [8].

Таким образом, в процессе работы с художественными текстами на уроках истории реализуются главные функции чтения: познавательная, регулятивная; ценностно-ориентировочная. Они направлены на получение информации, развитие умения связывать эту информацию со знаниями, полученными из других источников, умение использовать информацию для решения практических задач, умение поступить в соответствии с полученной информацией; художественная литература способствует воспитанию личностных качеств, воздействует на эмоциональную сферу учащихся.

Библиографический список

1. Бенедиктов, В. Г. Малое слово о великом [Электронный ресурс]. – URL: <http://poesias.ru/rus-stihi/stihi-benediktow/stihi-benediktow10156.shtml>. – (Дата обращения: 19.12.2018).
2. Вагин, А. А. Художественная литература в преподавании новой истории (1640-1917): Хрестоматия. Пособие для учителей [Текст] / А. А. Вагин. – М. : Просвещение, 1978. – 272 с.
3. Ефремов, И. А. Таис Афинская: ист. Роман [Текст] / И. А. Ефремов ; Худож. оформ. Н. Буриловой. – Кишинев ; Ассоц. «Картя», 1993. – 424 с. – С. 71-72.
4. Некрасов, Н. А. Избранное [Текст] / Н. А. Некрасов. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1967. – 350 с.
5. Пушкин, А. С. Полтава. Сочинения. В 3-х т. – Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения [Текст]. – М. : Худож. лит., 1986. – 527 с.
6. Русская эпитафия [Текст] / сост., вступ. статья и примеч. В. Васильева; Худож. Г. Клодт. – М. : Худож. лит., 1990. – 366 с., ил. – С. 96.
7. Примерная основная образовательная программа основного общего образования [Текст]. – М. : 2015. – 552 с.
8. Стандарты оценки качества чтения PISA. Читательская грамотность [Электронный ресурс]. – М. : 2015. – 129 с.

тронный ресурс]. – URL: http://sarschool76.narod.ru/kompet_BON_2012.pdf. – (Дата обращения: 19.12.2018).

9. Студеникин, М. Т. Методика преподавания истории в школе : учеб. для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / М. Т. Студеникин. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

10. Толстой, А. К. Князь Серебряный: Повесть времен Ивана Грозного [Текст] / Послесл. В. Путинцева ; Примеч. Г. Богуславского. – М. : Современник, 1993. – 334 с.

11. Указ Петра I Воеводам Переславским от 7 февраля 1722 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/N65299>. – (Дата обращения: 19.12.2018).

12. История России. Конец XVI–XVIII век. 7 класс: учебник для общеобразовательных организаций [Текст] / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2014.

Bibliograficheskij spisok

1. Benediktov, V. G. Maloe slovo o velikom [Электронный ресурс]. – URL: <http://poesias.ru/rus-stihi/stihi-benediktow/stihi-benediktow10156.shtml>. – (Дата обращения: 19.12.2018).

2. Vagin, A. A. Hudozhestvennaya literatura v prepodavanii novoj istorii (1640-1917): Hrestomatiya. Posobie dlya uchitelej [Текст] / A. A. Vagin. – М. : Prosveshchenie, 1978. – 272 с.

3. Efremov, I. A. Tais Afinskaya: ist. Roman [Текст] / I. A. Efremov ; Hudozh. oform. N. Burilovoj. – Kishinev ; Assoc. «Kartya», 1993. – 424 с. – S. 71-72.

4. Nekrasov, N. A. Izbrannoe [Текст] / N. A. Nekrasov. – YAroslavl' : Verhne-Volzhs кое knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 350 с.

5. Pushkin, A. S. Poltava. Sochineniya. V 3-h t. – T. 2. Poehmy; Evgenij Onegin; Dramaticheskie proizvedeniya [Текст]. – М. : Hudozh. lit., 1986. – 527 с.

6. Russkaya ehpirogramma [Текст] / sost., vstup. stat'ya i primech. V. Vasil'eva; Hudozh. G. Klodt. – М. : Hudozh. lit., 1990. – 366 с., il. – S. 96.

7. Primernaya osnovnaya obrazovatel'naya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya [Текст]. – М. : 2015. – 552 с.

8. Standarty ocenki kachestva chteniya PISA. CHitateľ'skaya gramotnost' [Электронный ресурс]. – URL: http://sarschool76.narod.ru/kompet_BON_2012.pdf. – (Дата обращения: 19.12.2018).

9. Студеникин, М. Т. Методика преподавания истории в школе : учеб. для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / М. Т. Студеникин. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

10. Толстой, А. К. Князь Серебряный: Повесть времен Ивана Грозного [Текст] / Послесл. В. Путинцева ; Примеч. Г. Богуславского. – М. : Современник, 1993. – 334 с.

11. Указ Петра I Воеводам Переславским от 7 февраля 1722 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/N65299>. – (Дата обращения: 19.12.2018).

12. История России. Конец XVI–XVIII век. 7 класс: учебник для общеобразовательных организаций [Текст] / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – 2-е изд. – М. : Просвещение, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабурина Наталья Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: n.baburina@yspu.org

Бай И – преподаватель Восточно-Европейского и Центральной Азии института Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай, КНР. E-mail: nachuanlin@163.com

Баранов Николай Алексеевич – доктор политических наук, профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: nicbar@mail.ru

Батракова Людмила Георгиевна – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Данилова Лариса Николаевна – доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: yar-da.l@mail.ru

Зайцев Александр Владимирович – доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Кумсков Виктор Викторович – старший преподаватель кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: kumskov15@mail.ru

Матросова Маргарита Борисовна – заместитель начальника инспекции федеральной налоговой службы по г. Мурманску. E-mail: apo2004@mail.ru

На Чуаньлинь – кандидат политических наук, доцент Научно-исследовательского центра проблем Пакистана Цзясуского педагогического университета, г. Чжэньцзян, КНР. E-mail: nachuanlin@163.com

Опальский Александр Павлович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», профессор кафедры экономики Мурманского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. E-mail: apo2004@mail.ru

Пефтиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: keu08@yandex.ru

Тарханова Ирина Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: tarhanova3000@mail.ru

Соколова Марина Валентиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: sokolovamv@rambler.ru

Таланов Сергей Львович – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Титова Людмила Григорьевна – доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: titovaf-sp@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Baburina Natalia Fedorovna – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of methods of teaching history and social sciences of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky». E-mail: n.baburina@yspu.org

Bai I – Teacher of the East European and Central Asia institute of the Shanghai University of foreign languages, Shanghai, China. E-mail: nachuanlin@163.com

Baranov Nikolay Alekseevich – Doctor of political sciences, professor Northwest institute of management of the Russian academy of national economy and public service, the St.-Petersburg state University, St.-Petersburg. E-mail: nicbar@mail.ru

Batrakova Ludmila Georgievna – Doctor of economics, professor, head of department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky». E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Danilova Larisa Nikolaevna – Doctor of pedagogical sciences, associate professor of the pedagogics theory and history department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky». E-mail: yarda.l@mail.ru

Zaitsev Alexander Vladimirovich – Doctor of political sciences, candidate of philosophy, associate professor, professor of the department of philosophy, culturology and social communications of Kostroma state University. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Kumskov Viktor Viktorovich – Senior lecturer of methods of teaching history and social sciences of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky». E-mail: kymskov15@mail.ru

Matrosova Margarita Borisovna – Deputy head of the Inspectorate of the Federal tax service of the city of Murmansk, Murmansk. E-mail: apo2004@mail.ru

Na Chuanlin – Candidate of political sciences, associate professor of the research center of Pakistan Jiasu pedagogical University, Zhenjiang, China. E-mail: nachuanlin@163.com

Opalskiy Alexander Pavlovich – Doctor of economical sciences, professor, chief researcher of the Institute of the ministry of internal affairs of Russia, professor of the department of economics of the Murmansk branch of the Russian academy of national economy and public service, Murmansk. E-mail: apo2004@mail.ru

Peftiev Vladimir Iliich – Doctor of economical sciences, professor of the economic theory and management department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: keu08@yandex.ru.

Tarkhanova Irina Yurievna – Doctor of pedagogical sciences, associate professor of the theory and methods of professional education department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky. Yaroslavl. E-mail: tarhanova3000@mail.ru

Sokolova Marina Valentinovna – Candidate of pedagogical sciences, associate professor of the social pedagogics and work organisation with the youth department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: sokolovamv@rambler.ru.

Talanov Sergey Lvovich – Candidate of social sciences, associate professor of political science and sociology department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Titova Lyudmila Grigorievna – Doctor of political sciences, professor of additional and technological education department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: titovafspn@mail.ru

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 08-00-05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образование, 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности, 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация:

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в

общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 180 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27-48]), Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу 7.1-2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % приветствуется.

Во всех источниках должны быть проставлены: страницы, год выпуска, город и издательство.

5. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

6. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «SOCIO-POLITICAL RESEARCH»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

- 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;
- margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;
- font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

- surname, first name, patronymic name (if applicable);
- address with postcode;
- contact phone number;
- e-mail;
- scientific degree and status;
- job title;
- place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 150 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Verhnevolzhski Philological Bulletin» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

2018 – № 1

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Технический редактор К. С. Лапшина

Компьютерная верстка – А. В. Давыдов

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Объем 17 п. л., 9,2 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 266. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 25.12.2018

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44